

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-историческият журнал № 7 (46)

июль, 2020

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Как и было обещано, на ваш суд представлен «белорусский» номер литературно-исторического журнала «Александръ». Этот номер является плодом дружбы российских и белорусских писателей. Особую благодарность хотелось бы выразить поэтессе Инне Фроловой, равнодушному человеку, организовавшему сбор материалов и объединившему белорусских писателей.

И хотя номер июльский, главной его темой является Победа в Великой Отечественной войне.

9 мая 1945 года для всех нас, русских и белорусов, – дата особой исторической важности. В ней неразделимо переплетены торжество и скорбь, радость и слёзы. Военное лихолетье коснулось чёрным крылом каждой белорусской семьи, но ничто не смогло сломить свободолюбивый дух героической нации. И хотя давно отгремели кровопролитные бои, ушли в прошлое тревожные и нелёгкие послевоенные годы, но не вычеркнуть из памяти патриотизм белорусского народа.

Истинным примером стойкости и любви к советской Родине стали сотни опалённых войной судеб жителей нашего района. Вместе со всей великой страной белорусы преодолевали тяжелейшие испытания, сохраняя веру в Победу.

От всего сердца желаю вам бодрости духа, жизненных сил, творческих открытий и отличного настроения. Крепкого вам здоровья, благополучия, любви и внимания родных и близких!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

НЕ ОБМЕЛЕЕТ РЕКА ПАМЯТИ

В деревне моего детства живёт женщина, которая как родилась в этом месте, так все свои 80 лет практически никуда из него и не отлучалась. Многие из деревенских разъехались по свету и теперь с ностальгией вспоминают о своей малой родине. А она, Леонида Степановна, здесь заслужила свой авторитет, будучи неизменным старостой хоть и обмелевшей, как и река наша Славка, деревни.

Каждый год день рождения Степановны – так уважительно называют её в округе – большой праздник. Многочисленная родня, друзья заполняют просторный дом старательной хозяйки звонкими голосами, цветами, подарками. Но в душе у самой виновницы торжества, хоть и не признаётся гостям, нет радости певучей. Тревожит её горькая память, наплывают не стёртые долгими годами тяжёлые воспоминания...

...У Марии со Степаном всё ладилось: свадьбу сыграли, дом начали строить, очень первенца ждали. Рассветным июньским утром, провожая коров в поле, передавали женщины из уст в уста трогательную весть: Мария дочь родила, счастливой доли малышке желали. А в полдень, когда утомлённое стадо несло пахучее молоко домой, пастух, в отчаянии стегая по пыльной дороге кнутом, кричал в каждый двор: «Война! Люди, война!» Это было 22 июня 1941 года.

Стоит ли говорить о детстве малышки в оккупированной фашистами деревне? О том, как бабушка закрывала ей рот грязной тряпкой, чтобы та не закричала, не выдала набившихся в склеп детей, о пришедшем с войны без ноги отце? А ведь эта дата рождённую с началом Великой Отечественной войны Леониду сопровождает всю жизнь...

Победа. Всего лишь одно слово стало радостью миллионов. Победили все: кто был на фронте, в партизанах, кто ковал победу в тылу. Какой ценой далось освобождение большой страны, свидетельствуют памятники и обелиски с многонациональными именами ушедших в бессмертие защитников Отечества. О героизме и стойкости на войне знаем со слов её очевидцев – ветеранов.

Нашей Победе – 75. Колесо истории уже набрало новые обороты. Время отсчитывает десятилетия цифровой эпохи. А ведь эхо, казалось бы, ставшей далёкой войны даёт о себе знать и через толщу событий и времени. Для Леониды и её поколения война имеет своё измерение. Вопрос, который остаётся для неё безответным: «Как я могу радоваться, зная о том, что день 22 июня стал днём огромной беды, всеобщего плача, печали? Он принёс практически в каждый дом потери, смерть, горе...»

Память о войне – это наш общий долг. И не только перед теми, кто вынес лихолетье на собственных плечах, кто и сегодня несёт неведомый нам груз бремени пережитого. Это долг и перед теми, кто не смог появиться на этот свет. Ведь у оставшихся навечно молодыми на той войне были бы семьи, дети – у Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Марата Казея...

Написанное в этом номере всеми нами уважаемого журнала «Александръ» посвящаем памяти о Великой Отечественной войне, историческую правду о которой нельзя изменить, как бы кто это ни пытался сделать. И ещё хочется обязательно сказать о том, что каждый писатель, когда пишет о войне, думает о мире.

Елена СТЕЛЬМАХ,
первый заместитель председателя
ОО «Союз писателей Беларуси»

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).

Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 7 (46), июль 2020 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 1.07.2020 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в

АО «Издательский дом «Мичуринск»,

393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,

ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.

E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ

- 6** Елена Стельмах.
Лесные дороги подвига

СУДЬБЫ

- 12** Сергей Трахимёнок.
Дело лейтенанта Приблагина

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 19** Владимир Герасимов.
Синяя птица поэта...
- 20** Владимир Шугля.
Созвучие. Забыть ли войну?!
- 24** Инна Фролова.
Годовые кольца

ПОБЕДЕ — 75

- 28** Виктор Ермолович.
Беларусь. Фронт в тылу врага

ПОЭЗИЯ

- 39** Марина Помоз-Лайкова

КЛАССИКА

- 42** Владимир Наумович.
Два Пушкиных

ДУХОВНЫЕ ЗЁРНА

- 45** Татьяна Никитина.
Матушка Казанская

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 51** Елена Свечникова.
Наша эпоха

ЖИТЕЙСКОЕ

- 54** Алла Ермак.
Живи за нас...

ПУШКИНИАНА

- 59** Нина Русакович (Коленчикова).
«Душой исполненный полёт»

ЛИРИКА

- 65** Янка Лайков
- 66** Татьяна Лейко
- 68** Тамара Ковальчук

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА

- 71** Анатолий Матвиенко.
Император Николай I
у истоков белорусской нации

ВЕЧНОЕ

- 75** Анатолий Зэков.
Родимое слово

БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ирина Мышковец.
- 78** Путешествия старого сундука
- 80** Самый знаменитый
белорусский романс

БИОГРАФИЯ

- 84** Лидия Шагойко.
Пойти в неизвестность

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

- 88** Людмила Воробьева.
О правде завтрашнего дня

ДРУЗЬЯ «АЛЕКСАНДРА»

- 92** Каково же быть студентом?

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94** Александр Сергеев.
Шолоховский юбилей

ЛЕСНЫЕ ДОРОГИ ПОДВИГА

В самой страшной войне мы победили и потому, что у Белоруссии-партизанки был Лес-патриот

На национальном флаге Республики Беларусь зелёный цвет не случаен: почти сорок процентов её территории занимают леса.

Лес – источник жизни на земле, силы, тепла, вдохновения, кладовая богатств. Непроста в народе его окрестили «зелёным храмом». Его по праву можно назвать восьмым чудом света. А слова «лес» и «лёс» (судьба) в белорусском языке имеют практически одинаковое написание, и переплетены они глубоким судьбоносным смыслом. Например, в Беловежской пуще находится самый старый лес в Европе. А пойменных дубрав, которые есть в белорусском Полесье, вообще больше нет

нигде в мире. Сколько же тайн земных хранят эти многовековые исполины!..

И сейчас, более чем через 70 лет после окончания Великой Отечественной войны, случается, как осинový листок, встрепенётся лес от своих дум, нутжно вздохнёт, протяжно ухнет, заскрежешет, застонет словно от нестерпимой боли... Мурашки побегут по телу, до дрожи проймёт гулкое лесное эхо. Не каждому понятны эти порывы отчаяния зелёного друга. Они полны трагизма. Они нагоняют страх. От них хочется бежать, укрыться...

И вдруг замрёт лес в глубокой задумчивости. Друг, что с тобой? Отчего ты

вынужден предаваться таким страданиям? Какие горестные воспоминания бережат твою душу?

...Это вон у той берёзки ноет старая рана, сочатся из неё прозрачные слёзы... Несколько раз автоматная очередь прошла ствол сосны. Так и выросла она с приметными горбинками-отметинами на коре, стараясь не отстать от медностволых сестрёнок-ровесниц... У этой раскидистой ели верхушку снесло осколком снаряда. Осталась лесная красавица среди подруг на всю жизнь искалеченной... И старый дуб весь изрешечён пулями... А рядом с ним – могила. Сколько их, скромных памятников времён Великой Отечественной, разбросано по неприметным лесным опушкам, и монументы, непривычные здесь, в лесных чащах, застыли в траурном карауле. Присядет на могучие ветви дуба кукушка и, нарушая скорбную тишину, заплачет своим извечно горестным «ку-ку»... Память, тревожная память возвращает на лесные дороги подвига минувшей войны...

* * *

Светает. Лёгкий туман рассеивается, превращаясь в капельки прозрачной росы на упругой изумрудно-малахитовой листве. Огромный оранжевый шар солнца ещё только готовится показаться во всей своей красе из-за подпирающих небо вершин деревьев. Но первые лучи, как вездесущие разведчики, уже разбежались по лесной глуши, пора приветствовать лесным многоголосьем новый день. Таким было и то июньское утро 22 числа 1941 года. Природа жила по своим извечным законам добра, всеобщей любви и радости.

Но где-то там, вдалеке, на чужой территории, уже замаячили тени, приближаясь к белорусской земле. Старый и мудрый лес-исполин насторожился: слишком зловещий вид у чужаков. Натопырил свою горбоносую морду лось, испуганно сложил уши заяц, ухнул потревоженный филин. Пища без умолку, засуетились малые птицы – все почувствовали беду.

Огонь, лавина огня с земли и воздуха обрушилась на лесное царство там, на западной

границе СССР. Железные гусеницы танков, как жернова, перемалывали звериные тропинки. Всё живое ужаснулось неведомой силе, крошившей всё вокруг, стирая с лица земли устоявшийся мир.

«Вой-на!..» – понесли страшную весть по пущам-борам говорливые сороки.

Всё смешалось в это утро в огненном смерче на брестском рубеже. Время только начало отсчёт в обратную сторону 1418 дней и ночей военного лихолетья...

Лес. Дорогой друг, соратник, воин! В суровую для Родины годину он проявил себя в высшей степени патриотом. Под зелёными кронами укрывал отряды народных мстителей, спасал от смерти и рабства мирное население. Язык леса был понятен людям разных национальностей. Всем он давал кров, пищу, служил лекарем. Его глухие тихомани, недоступные болота уберегли тысячи человеческих жизней. Стволы деревьев приняли на себя горячий металл смерти.

Враг нещадно уничтожал всё на своём пути в надежде срубить под корень белорусскую нацию, поработить другие народы. Лес был частью оккупированной, но не сломленной республики. Грозным шумом он напоминал фашистам о том, что у Белоруссии-партизанки есть надёжный и преданный союзник. Такое единство покорить невозможно.

* * *

Предчувствие надвигающейся военной угрозы витало в Советском Союзе. Свою мощь демонстрировала, дефилируя по Европе, немецкая армия, успехи которой подогревали амбициозные настроения её военачальников. К тому же у Германии скопилось слишком много оружия, которое, как известно, когда-то должно выстрелить.

В первые дни войны советским людям трудно было осознать реальность масштабов трагедии. Жила в них непоколебимая вера в довоенные лозунги и заверения, что могущественная Красная армия в кратчайшие сроки разобьёт любого агрессора на его же территории.

Все надеялись, что «начальники смогут договориться» и конфликт уладят мирным путём. Никто не мог предположить, какой долгой, разрушительной, требующей колоссальных усилий и неимоверных жертв будет эта война – самая страшная война в истории человечества.

Суровые реалии беспощадно свидетельствовали о другом. От залитой кровью Брестской крепости потекла человеческая река страданий на восток. И то, что нет у неё шансов повернуть вспять, подтвердили слова, сказанные 3 июля 1941 года в обращении Сталина: «Над нашей Родиной нависла серьёзная опасность...»

Внезапность и мощь удара Германии оказались настолько велики, что уже через три недели были оккупированы Литва, Латвия, Белоруссия, значительная часть Украины, Молдавии и Эстонии. Гитлеровские войска продвинулись вглубь советской земли на 350–600 км. Кажется, военная катастрофа СССР неминуема.

Враг основательно готовился к войне: строил самолёты, танки, ковал оружие. А в Белоруссии рос лес. Он имел свой стратегический потенциал. Но разве такой ресурс брался в расчёт? Военная сила и мощь государств главным образом определялись численностью железных машин. Но именно к лесу, как к первому укрытию, устремились обезумевшие от бомбёжек беженцы, отступающие из разгромленных воинских частей красноармейцы. Когда стало понятно, что противостоять германской машине смерти может только всенародная борьба, и белорусский лес встал в строй защитников Отечества.

* * *

Перед войной в Ветковском районе Гомельской области был передовой колхоз «Пролетарская Победа», известный успехами в животноводстве. Когда враг был уже совсем близко, секретарь райкома партии дал задание Пелагее Кондратьевне Бородиной заняться эвакуацией скота в количестве 700 голов. Значительную часть стада составляли коровы (племенные были закуплены в Германии), овцы,

было немного лошадей. Для сопровождения и обслуживания животных колхоз назначил бригаду из 14 человек. В её состав входили десять комсомольцев-подростков в возрасте 15–18 лет, трое сельчан старшего возраста. Самой младшей девочке, Рае, исполнилось всего лишь 10 лет.

К вечеру первого дня перегона Пелагея Кондратьевна собрала всех на лесной опушке и сказала: «Дети, по всему видно, ожидает нас дальняя дорога. Поэтому крышей нашей будет небо, домом станет лес, а семьёй – мы все с вами. Сегодня – первая походная ночь. Будем спать под повозками. Ломайте ветки и стелите вместо постели. А дежурные пусть идут охранять стадо».

Так начался пятимесячный путь, необычный поход вглубь России. В летние дни продвигались вперёд на 20–30 километров по петляющему маршруту в густом облаке пыли или под дождём. Ноги вязли в раскисшем чернозёме. Иногда животные замирали, испуганные видом воздушного боя, заревом над горящими городами. Случалось, погонщики срочно поворачивали стадо в лес, потому что к ним устремлялись немецкие бомбардировщики.

Лес выручал в любых обстоятельствах. Животных нужно было кормить, поить, просто останавливаться на отдых. Вечером и без того усталые погонщики занимались дойкой коров. Иногда доили просто на землю, иногда сдавали молоко на придорожных пунктах. Самым тяжёлым испытанием для практически ещё детей становились ночные дежурства. Если светила луна, стадо хорошо просматривалось – это ещё было терпимо. Ну а когда шёл дождь и бурёнки сливались с деревьями, страх пронизывал всё юное существо. Овцы – очень беспокойные животные. Если одна бросилась в сторону, за ней – все остальные. Поди отыщи их в ночной тьме. С радостью встречали пение петуха, предвестника зари, из соседнего селения, если такое было рядом.

В Курской области пришлось сделать недельную остановку, поскольку появились коровы, больные ящуром. И снова – в путь. Ещё труднее стало продвигаться с наступлением очень суровой зимы 1941 года. В день проходили

по 10–15 км. Одежда и обувь изнашивались и не грели. Холод пробирал до костей. Костёр в лесу был самым спасительным источником не только для людей, но и для животных. У коров за ночь вмерзали в землю хвосты, и бригадир вместе с детьми грела воду, чтобы их оттаять.

Когда добрались до заснеженной степи, животные остались без корма, передвигались с трудом. Начали болеть люди, на ногах появились фурункулы. Учитывая это, власти Саратовской области 20 декабря 1941 года направили бригаду вместе со стадом в село Низовка, в колхоз им. Крупской Святославского района (сейчас это Самойловский район). Таким образом, участники эвакуации скота за пять месяцев пути преодолели более 1 500 километров. Они выполнили порученное задание и свой долг перед Родиной. И всё это время лес был их надёжным попутчиком по тяжелейшим дорогам тыла.

* * *

В это время в Белоруссии начало развиваться партизанское движение. Одними из первых стали образовываться партизанские отряды на особенно богатой лесами и непроходимыми болотами Витебщине. Известны мужество и отвага шумилинских партизан. А ведь начинали они с землянки в Ровенском лесу.

Накануне зимы 1941 года секретарь Шумилинского райкома партии Василий Фролов и председатель райсполкома Иван Сипко решили, что надо найти тихое местечко в лесу, вырыть землянку, обосноваться и начать работу среди населения. Неподалёку от деревни Зуево к сухому погорку подступало топкое болото. Место выгодное во всех отношениях. За обустройство землянки местный житель К. П. Федусов взялся со знанием дела. Стены плотно обложил жердями, чтобы не осыпался песок. Более толстые брёвна пошли на потолок. Сверху положил дёрн, просыпал его хвоей. Всё получилось так естественно, что даже в двух шагах землянка была не видна. Внутри вдоль стен положил жерди-скамейки. Колода заменила стул. А кузнец Ефим Зуев из старой железной бочки смастерил

ладную печку-буржуйку. Так начал действовать лесной штаб шумилинских патриотов.

К концу 1941 года в 230 партизанских отрядах Белоруссии сражалось 12 тысяч народных мстителей. За три года войны их численность превышала 374 тысячи человек. Они были объединены в 1 255 отрядов, из которых 997 входили в состав 213 бригад и полков, 258 отрядов действовали самостоятельно.

Для немцев слова «лес» и «партизан» были объединены одним смыслом, и враг их боялся небезосновательно. Только собрав большие силы, гитлеровцы набирались отваги двинуться в лес. Но там за партизанами всегда было преимущество. Ведь на их стороне стояли берёзы да сосны – партизанские сёстры, готовые в любой момент прикрыть собой народных мстителей.

Партизаны часто делали засады, уничтожая оккупантов вместе с машинами. Для борьбы с ними и для охраны транспортных путей на 300 метров вырубались леса по обе стороны шоссе и железных дорог. Но даже вырубки помогали мстителям. В темноте они подползали к пням, маскировались мхом и поджидали непрошенных гостей. Появится колонна машин – партизаны залпом по ней. Так и замрёт на месте изрешечённая пулями вражеская техника.

В годы Великой Отечественной войны подвиг Ивана Сусанина повторили семь белорусов. Среди них житель деревни Пуца Липичанская Дятловского района, связной одной из партизанских бригад Иосиф Юрьевич Филидович. Редкий знаток здешних мест, опытный охотник, он показал остров, на котором партизаны и организовали госпиталь. Остров располагался среди большого, непроходимого даже в самые большие морозы болота. В декабре 1942 года началась первая жёсткая блокада пуши. Каратели ворвались в дом Филидовича и поставили условие: или покажешь, где госпиталь, или убьём невестку и внука. Филидович ответил молчанием. Фашисты стали избивать близких. И тогда Иосиф Юрьевич повёл отряд – около 300 человек – в лес. Он шёл не спеша, внимательно прислушиваясь к зимней тишине. Проводник повернул на участок пуши, где начиналось коварное болото. Лошади и кара-

тели начали проваливаться в трясину. Поняв, куда он их завёл, фашисты в ярости застрелили старика. Карательный отряд долго блуждал, пытался выбраться, но всё глубже увязал в трясине. Выбраться без проводника отсюда было невозможно.

Весной, когда растаял снег, тело И. Ю. Филидовича нашли партизаны. Оно лежало в десяти километрах от госпиталя в противоположной стороне. В затылке были два пулевых ранения. Героя похоронили со всеми воинскими почестями. Посмертно он награждён медалью «За отвагу».

* * *

Небольшая полесская деревушка Корма со всех сторон окружена лесом и болотами. В самом начале войны мужчин, способных воевать, мобилизовали. Остались женщины, старики и дети. Немцы наведывались в деревню нечасто. Однако стали просачиваться слухи, что несколько деревень в районе уже сожгли. У сельчан на душе было тревожно. Мудрые люди закапывали в землю часть одежды, продукты, инструменты.

10 июля 1943 года послышался гул машин и мотоциклов. Жители бросились в лес.

Немцы, увидев пустую деревню, где, по всему было видно, недавно кипела жизнь, пошли облавой. Но путь им перегородили густые заросли ежевики. Убегавшие люди, расцарапывая лица, руки, одежду, уже преодолели их. Немцы не пожалели автоматных очередей в сторону беглецов, но преследовать их не стали. В ярости сожгли всю деревню, пленных отправили в Германию.

В лесу осталось около десятка семей. Идти им было некуда. Решили жить на расстоянии не менее километра друг от друга. Жилища строили на холмиках в лесной чаще. Для этого выкапывалась ямка глубиной 50 сантиметров. Края укреплялись часто вбитыми в землю кольями. Через 30 сантиметров вбивался второй ряд кольев. В промежутке между ними ложился мох и толстый пласт дёрна. Из тонких жёрдочек с крючьями соорудалась крыша, которая утепля-

лась. Также мастерились нары, чтобы было где спать, размещались лавы для сиденья, устанавливался стол. За 10–15 дней так называемый курень был готов. Из кирпича, принесённого из соседней деревни, мастерили печку. Дрова были рядом. Соорудив жильё, дружно взялись готовить запасы на зиму. Собирали и сушили чернику, малину, ежевику, грибы, орехи. Продукты, которые были закопаны в деревне, доставали и использовали мизерными порциями, делая основной упор на лесную пищу. Зимой варили грибной суп, пили чай, заваренный сушёными ягодами и веточками малинника. На Рождество и Пасху дети получали лакомство – горсточки орехов и сухой черники. Всё, чем кормил людей лес, было целебным. Так спасшиеся во время облавы остались живы.

Когда каратели начинали свои «очистительные» операции, люди тут же бросались под защиту зелёного друга. Так случилось и в то страшное сентябрьское утро 1942 года. Фашисты учинили расправу над жителями деревни Каменка Кобринского района. В живых осталось только 18 человек. А всего гитлеровцы уничтожили 186 сельчан, из них 50 детей. Оставшиеся вспоминали, что тех, кто бежал в сторону соседней деревни, немцы не трогали, а тех, кто направлялся в сторону леса, старались догнать и застрелить. Лес для них был страшнее всего. Ведь там были партизаны, а они умели мстить.

За весь период оккупации Белоруссии в партизанском движении участвовало свыше 440 тысяч человек. С июня 1941 года по июль 1944 года партизанами было убито, ранено и взято в плен свыше 500 тысяч немецко-фашистских оккупантов и их пособников. Народные мстители подорвали 11 128 вражеских эшелонов, 34 бронепоезда, разгромили 29 железнодорожных станций, 948 штабов, уничтожили 18 700 автомашин, 1 355 танков и бронемашин, 305 самолётов, взорвали 939 складов с боеприпасами. За совершённые подвиги 87 патриотов были удостоены звания Героя Советского Союза, 120 тысяч награждены боевыми орденами и медалями.

* * *

Сколько ещё голосов из небытия можно услышать в тревожном лесном шуме? На рубеже 1943–1944 годов, предвидя наступление Красной армии, гитлеровцы начали спешно создавать оборонительные сооружения. На переднем крае они организовали ряд заградительных лагерей, узников которых превратили в живой барьер. Крупнейшие из лагерей подобного типа были созданы у местечка Озаричи, деревень Дертъ и Подосинник бывшей Полесской области. В марте 1944 года гитлеровцы согнали сюда более 50 тысяч нетрудоспособных граждан Гомельской, Могилёвской, Полесской областей Белоруссии, а также Смоленской, Брянской и Орловской областей России. До пересылочных пунктов, где отбирали для угона в Германию и строительства оборонительных сооружений, людей везли в товарных вагонах и грузовых машинах. После чего, построив узников колоннами, гнали их к лагерям. По обеим сторонам людской поток сопровождали конвоиры с собаками. Того, кто отставал, тут же расстреливали.

Эти лагеря находились на редколесье и были обнесены колючей проволокой. Подходы к ним минировались, вокруг стояли пулемётные вышки. Счастьем было оказаться возле дерева. Оно служило хоть малой, но защитой. Людей не кормили, не давали питьевой воды. Им вообще ничего не полагалось – можно было только умереть. Более половины узников составляли дети. Они гибли первыми. Каждый день, а тем более ночь уносили сотни человеческих жизней. Мёртвых не хоронили. Ночь 15 марта для многих оказалась последней, потому что резко похолодало, и люди замерзали, превращаясь в сугробы.

Гитлеровцы преследовали ещё одну зловещую цель: заразить пленных сыпным тифом и тем самым распространить эпидемию в передовых частях Красной армии. Они свезли с ближайших населённых пунктов больных тифом и бросили их к узникам. 18–19 марта 1944 года войска 65-й армии 1-го Белорусского фронта спасли из озаричских лагерей 33 480 человек, из них 16 960 детей в возрасте до 13 лет. Обес-

силевших и больных солдаты транспортировали на носилках, везли на санях и телегах. Детей выносили на руках. Понадобились огромные усилия медиков 65-й армии, чтобы вылечить людей и остановить эпидемию.

* * *

Когда в июле 1944 года пришло долгожданное освобождение, утомлённый от выстрелов, взрывов, крови, плача, слёз лес вздохнул с облегчением. Он вновь становился свободным в гармонии своей жизни, в своём спокойствии. Хотя непросто и ему было залечить раны. Лесистость Белоруссии снизилась до 21,5 процента. Леса были истощены и расстроены, а то и вовсе уничтожены вследствие бессистемных рубок или пожаров. Нередко прямо в лесу немцы устанавливали лесопильные рамы. Лучшие деревья вырубались, распиливались, и пиломатериалы отправлялись в Германию. Задачи тружеников леса в ту пору определялись не только требованиями военного времени, но и наведением в кратчайший срок порядка в лесах. А сколько древесины потребовалось в послевоенное время на восстановление разрушенного войной хозяйства! Люди возвращались в выжженные города, деревни. Жизнь надо было налаживать заново.

И пошли следом за солдатами вновь создаваемые неутомимыми лесоводами дубравы, ельники да сосняки. В каждом молодом деревце было продолжение загубленной войной жизни.

Им, лесам Победы, уже 75 лет. Они – её вечнозелёный памятник. В шуме развесистых крон, в звонком пении птиц звучит торжество бессмертия жизни. Невозможно победить тот народ, у которого есть такие защитники, как его величество лес, который воплощает в себе могущество и непокорённость своей земли.

И не грешно за всё, что он дал и даёт людям, низко ему поклониться. **А**

Елена СТЕЛЬМАХ

ДЕЛО ЛЕЙТЕНАНТА ПРИБЛАГИНА

Я ехал в поезде. Был конец сентября. Стояла на удивление сухая погода, и обычные в это время дожди и ветер ещё не сорвали листву с деревьев. За окном проносились берёзы, сплошь покрытые мелким золотом. Большелистые тополя пожелтели наполовину, и там, где они росли, посадки напоминали строй солдат в жёлто-зелёных маскхалатах, именующихся у военных камуфляжами.

В купе я был один, и это меня устраивало: командировка закончилась неудачно и настроение не располагало к общению с кем-либо.

Сев в поезд, я представил себе завтрашний разговор с шефом. Он непременно меня отчитает, вспомнит молодость, когда он «вот так же работал военным следователем, так же мотался по командировкам, но всё успевал делать, и

ни один подследственный от него не скрылся», затем подведёт итог: скажет, что только так в жизни можно чего-нибудь добиться. Как ещё может закончить разговор прокурор военного гарнизона, который давно должен был быть «на заслуженном» и живёт не столько настоящим, сколько прошлым?

Мысленно поспорив с шефом, я решил отвлечься от неприятных ощущений, достал из портфеля том Бунина, открыл наугад и вскоре забыл и о своих неудачах, и о шефе.

На следующей станции менялся локомотив, и наш скорый остановился на целых пятнадцать минут. Отстояв положенное, он мягко тронулся, и я обрадовался, что судьба не подарила мне попутчика или попутчицу, впрочем, против попутчицы я бы не возражал...

И только я так подумал, как зеркальная дверь отодвинулась, и в купе протиснулся человек с двумя огромными чемоданами, какие в шутку зовутся «мечтой оккупанта».

На вид ему было за шестьдесят. Он был мокр от пота, лыс, толст, но ещё крепок и энергичен, так как свои чемоданы разместил очень лихо: один забросил наверх – и тот занял всё пространство ниши, второй сунул под лавку. Расправившись с багажом, он опустился на сиденье, жалобно под ним застонавшее, вытер носовым платком лысину и протянул руку:

– Керзин... Виталий Давыдович...

– Малых, – ответил я, пожимая мокрую ладонь и мысленно прощаясь с Буниным: энергия этого человека, разумеется, не даст мне возможности читать.

– В аэропорт еду, – продолжил Керзин, – а оттуда самолётом домой, на Урал...

Тут я почувствовал, что от него пахнет водкой, а глаза блестят так, как в его возрасте блестеть не должны. Этим и объяснялась его излишняя общительность.

– Какая осень стоит, а! – сказал он. – Каждый день для уборки нужно использовать, а они не чешутся... Такая осень раз в полвека бывает. Я это знаю, сам из этих мест... На Урал я уже после войны попал, работал там, на инженера выучился... Щас на пенсии, в гости к шурыку приезжал.

Я слушал его без интереса: он оторвал меня от книги, и мне в отместку хотелось чем-нибудь его уесть, спросить, к примеру, чем он набил свои чемоданы. Обычно тряпки и продукты везут к нам, а не наоборот.

– Клюква, – сказал он, будто услышав мои мысли, – на севере в этом году урожай... вот шурык и ссудил мне... не бесплатно, конечно, но по-божески... А ты чё такой кислый, а? Не заболел? А то я тебя вмиг вылечу...

Он стал тереть кончиком указательного пальца лоб, припоминая, где у него находится лекарство. Закончив раздумья, поднял сиденье, вытащил чемодан-мечту и открыл крышку. Клюква была в чистом холщовом мешке, поверх него лежали полиэтиленовый пакет, эмалированная кружка и начатая бутылка водки, горлышко которой было заткнуто пластмассовой пробкой. Возвратив чемодан на место, Керзин поставил бутылку и кружку на стол и принялся доставать из пакета продукты. Разложив на салфетке на столике кусок солёного сала, две луковицы, пузатый перезрелый огурец-семенник, полбуханки серого хлеба и соль в спичечном коробке, Виталий Давыдович извлек из кармана нож, зацепив ногтем большого пальца вырез на лезвии, открыл его и не спеша стал резать сало, огурец, хлеб. Приготовив закуску, зубами выдернул пробку из бутылки и щедро плеснул в кружку.

– Давай, – сказал он, – это от всех болезней.

– Не могу, – ответил я и, чтобы как-то объяснить отказ, пояснил: – В форме не пью...

– Да ну? – удивился Керзин. – Что стало с армией, хотя какая ты армия – юстиция, белая кость... Ну, ты не очень зазнавайся, я тоже офицер, ещё с сорок третьего. Нас младшими из училища выпускали, а уж лейтенантами и старшими мы потом становились, если доживали до следующей звёздочки...

Керзин вылил предназначенную мне водку себе в рот, но к еде не притронулся: подождал, пока проймёт водка, и только тогда начал есть. Закусив, спросил:

– Родом откуда?

– Здешний, – ответил я. – Из Красновки.

– Из Красновки? Приблагиных знаешь?

Фамилия показалась мне знакомой, но я объяснил это ассоциацией с корнетом Елагиным, о злключениях которого только что читал, и ответил:

– Нет.

– А он, как мне помнится, из ваших мест... Лёшка Приблагин. А? – Керзин помолчал, промокнул платком снова взмокший лоб и сказал: – С Лёшкой Приблагиним мы, коллега, призывались вместе...

Обращение «коллега» заставило меня улыбнуться, и это обидело собеседника.

– Ты не улыбайся, не улыбайся... Я на фронте дознавателем был, а на гражданке народным заседателем всю жизнь... Я такое видел, что тебе и не снилось, ну да ладно...

Мне стало неловко, и, чтобы как-то загладить свою вину, я спросил:

– Так что же с Приблагиним?

– С Приблагиним что?.. А ничего... Попали мы с ним после училища в одну гаубичную бригаду ваньками-взводными. В разные батареи, правда, но дивизион один... Служим, как все, как Пушкин писал: на службу не напрашиваемся, от службы не отказываемся... до одного времени...

Керзин налил себе ещё полкружки, выпил, заткнул горлышко пробкой, нанизал на лезвие ножа несколько пластиков сала, пожевал, убрал снесь в пакет, а бутылку под стол, сказав при этом:

– Керзин меру знает, знает, не думай...

И опять мне стало стыдно, потому что я и подумал, и я снова напомнил ему о Приблагине.

– Приблагин, Приблагин, – сказал он, – прогнулся твой Приблагин. Знаешь, что значит прогнуться?

– Да.

– Да-а, – передразнил он меня пьяно, – был парень не дурак, с головой... Богатырь-красавец, а не дурак, потому что с иного хоть картину пиши, а в голове – пусто: природа всё на красоту израсходовала... Ты когда-нибудь гаубицу видел? И-эх, юстиция, гаубица – орудие тяжёлое, в походном состоянии ее «ХТЗ» таскал... Ско-

рость – пять километров в час, ствол и лафет транспортировались отдельно... Чтобы всё это хозяйство привести в боевое состояние, весь расчёт по нормативу не один час упираться должен: сперва площадку выровнять, а это лопатами, потом её утрамбовать, потом на тросах ствол к лафету медленно подводить... Мороки много, а производительность почти нулевая... Это я тебе как инженер говорю... И вот Лёшка задумался и начал разные варианты пробовать. Ему говорили: «Брось... не ты первый, не ты последний, всё равно скорей не получится, как ни крути, тот же хрен получается, только вид сбоку». А Лёшка свою линию гнёт... Покурим?

– Не курю.

Он же понял это совсем иначе, стал говорить, что от дыма ещё никто не умирал, потом полез открывать окно. Окно не открывалось.

– На зиму замуровали, – сказал, – ну ничего, не задохнёшься... – Дак вот, – продолжил Керзин после нескольких затяжек, – придумал Лёшка такую штуку. Вместо ровной площадки выбирает бугорок или уклончик небольшой, выставляет лафет, а ствол аккуратно на тросах в люльку опускает, есть такое место на лафете. И всё это занимает у него чуть больше получаса. Вот так. Доложили об этом комбригу. Он у нас здоровяк был вроде Приблагина. Услышал Скворцовский о Лёшкином новшестве, взъярился: «Кто позволил, – кричал, – нарушение инструкции... авантюристы... Был у меня такой умник в сорок втором, скорость движения решил увеличить и во время ночного марша гусеницу на лафете потерял... Не позволю боевую технику гробить и в своей бригаде вредительства не допущу...» И конец бы пришел Лёшкиной «рацухе», если бы об этом не узнало корпусное начальство. Приехало, посмотрело, сказало: «Молодец, взводный», – а комбригу: «Опыт распространить»... Вот тогда наши пути с ним и разошлись: зазнался Лёшка – батареею получил, лейтенантом стал, друзей поругивал, да и с остальным начальством стал вольно держаться, а так, сам понимаешь, нельзя...

– А дальше?

– Дальше – больше. Подругу завёл, Со-ню-фельдшерицу. Девка была – прелесть: хохлушечка, брови сросшиеся, широкие, глаза большие, чёрные, и взгляд какой-то колдовской. Многие вокруг неё увивались... Сам комбриг ей знаки внимания оказывал. Но появился Приблагин, и засохла Соня. А парой они были хорошей – это все признавали... Ну, конечно, разговоры вокруг них, какая у них жизнь будет после войны... – Керзин замолк. – Может, выпьешь? – спросил.

– Нет, – ответил я. – А что было потом?

– Потом... Потом плохо было... Пришла к нам как-то старушка и принесла две толовые шашки. Если бы ты был настоящим военным, то знал бы, что они по форме и цвету напоминают куски хозяйственного мыла... Так вот, старушка говорит, что один наш офицер на это «мыло» выменял у неё дамские часики. Комбриг рассвирепел, дознание назначил, и часики нашлись... у Лёшки в землянке... Короче, материалы уже через день в трибунал направили. Тогда такие дела скоро делались, и попал Лёшка в штрафную. Месяц-другой проходит, другая беда приключилась. Комбриг в «стударе» ночевал, в фургоне. Ночью его в корпус вызвали. Он – в «эмку» и поехал, а тут артобстрел и прямое попадание... От «стударя» одна кабина осталась. Комбригу повезло, а Соня, которая в фургоне была, погибла... Хоронили с почестями, кто жалел её, кто плевался, правда, тихо плевался...

– А что стало с Приблагиним? – спросил я.

Но Керзин не торопился с ответом. Достал сигарету, закурил, повесил над столиком несколько седых колец.

– А ещё через месяц началось наступление, и мы оказались на одном направлении с Лёшкиным штрафбатом. Мы, ясное дело, во втором эшелоне – с нашими гаубицами на передке делать нечего, не сорокапятки... На второй день наступления идёт через наши позиции лейтенант – грязный, оборванный, правая рука на перевязи... Лёшка это был, он, значит, вину свою кровью искупил и в тыл к медикам своим ходом эвакуировался. Ребята к нему, закурить дали. И тут на беду возле соседнего расчёта

комбриг со свитой замаячил. Лёшка схватил чей-то автомат и стал целиться, да, видно, с одной рукой у него это не очень разворотливо получилось – помедлил он, ребята автомат выбили, его за лафет затащили, собой прикрыли, пока начальство с глаз не скрылось... А потом дали махры на дорогу, самогончики хлебнуть и за позиции проводили от греха подальше... С тех пор я его и не видел... Говорили, что до конца войны дослужил, на востоке воевал, а после войны вроде умер...

– А где часики в землянке лежали? – спросил я.

– Прямо под нарами, – ответил Керзин. – А тебе зачем это, да и какая разница где?.. Тут хоть круть-верть, хоть верть-круть, кругом Приблагин виноват, часики небось для своей крали выменял...

Помолчали. Мне очень хотелось спросить Керзина, кто проводил дознание, но я не спросил, а только поинтересовался:

– А откуда известно, что Приблагин умер?

– Да, собственно, ниоткуда, слышал краем уха.

– Ну вот, а говорите, умер... Не умер он. Мне поначалу фамилия незнакомой показалась, но потом я вдруг вспомнил, где её встречал – комбриг у вас не Скворцовский был?

Керзин выпучил глаза и ответил:

– Скворцовский...

– Ну тогда всё ясно... Это комбриг умер в пятьдесят шестом, точнее, не умер, а погиб...

– Как погиб?

– Как? Как обычно погибают.

– А ты откуда знаешь? Сам небось с пятьдесят шестого.

– Дело архивное я читал – по факту гибели некоего Скворцовского, бывшего военного, в отставке. Он с друзьями на охоте был, и кто-то выстрелил в темноте ему в голову.

– А при чём здесь Приблагин? – спросил Керзин и, вытирая лысину в очередной раз, хитро на меня посмотрел.

– Да поначалу вроде ни при чём: дело прекратили – ночь, народу полно, а дробь, сами понимаете, плохо идентифицируется... Экспертиза ничего не дала, да и какая

тогда экспертиза была, сами знаете, раз на фронте дознавателем были... Но через год получили данные, что незадолго до той злополучной охоты какой-то человек разыскивал Скворцовского, справки наводил: где живёт, чем занимается, по каким дням в баню ходит, а по каким – на охоту.

– А чё эт Скворцовский к охоте пристрастился? – ехидно спросил Керзин. – Раньше он охоту терпеть не мог.

– Пристрастился, пристрастился, – успокоил его я, – вышел на пенсию и пристрастился, это было видно из дела.

– Удивительно, – будто не слыша меня, а может, и в самом деле не слыша, пробормотал Керзин, – а говорили, что он живёт и здравствует, с пионерами встречается.

– Нет, – уверенно сказал я, – это, наверное, другой, тот – мертвей мёртвого.

– Вот как... – протянул Керзин. – А Лёшку, выходит, расстреляли?

– Лёшку? Нет, не расстреляли... Разыскал его следователь, свидетелей нашёл, те Приблигина опознали.

– И его посадили? – с какой-то надеждой спросил Керзин.

– Нет, в убийстве он не признался, а косвенных доказательств для обвинения не хватило.

– Как не хватило?

– А так, как обычно не хватает.

– Обычно всего хватает, – безапелляционно заявил Керзин. – И что же, ему ничего не было?

– Разумеется. Нельзя же наказывать человека, если его вина не доказана.

– Ну порядочки, – произнёс Керзин каким-то фальцетом, – человека застрелил, и ему ничего – где же справедливость?

– Справедливость? А нет в жизни справедливости, – сказал я тоном учителя. – Хотя как посмотреть, может, убийство Скворцовского и есть справедливость? Компенсация несправедливости.

– Всё равно неправильно, – замотал головой мой собеседник. – Так не должно быть. Это каждый так начнёт компенсировать, что будет? Да и не бывает так... Я в заседателях двадцать лет и знаю, что и как бывает... Да и врешь ты всё, кто бы тебе дело стал показывать, с какой стати, оно секретное небось...

– Его не только мне показывали, его не одна сотня студентов смотрела. Тогда оно уже чем-то вроде учебного пособия было. Учатся не только на раскрытых делах, но и наоборот. Мне только непонятно ваше волнение. Я думал, вы обрадуетесь за земляка, а не нет...

– Какая уж тут радость, – ответил он. – Человека убил – зверь...

Он потерял интерес к разговору, несколько раз выходил курить в тамбур, возвращался, сопя, укладывал остатки продуктов в чемодан, время от времени повторяя: «Порядочки...» А я так и не вернулся к чтению: земной Приблигин вытеснил книжного Елагина...

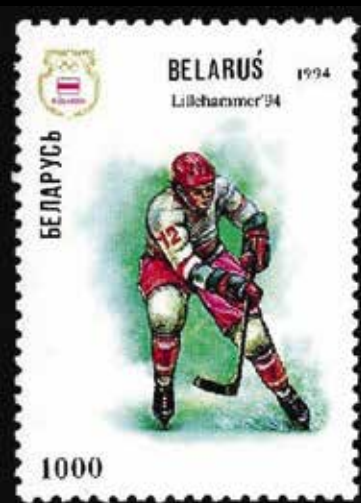
Незаметно приехали. Когда поезд остановился, Керзина ни в купе, ни в коридоре не было видно...

Сгушались сумерки, но фонари ещё не горели. Прохлада осеннего вечера быстро остудила меня, и я, остыв, устыдился того, что придумал конец истории с Приблигиным...

Я шёл к остановке автобуса и видел перед собой пожелтевшую довоенную фотографию шестого класса Красновской семилетки. На ней с напряжёнными лицами стояли, сидели и лежали, приподнявшись на локтях, одноклассники моего отца. Согласно списку на обороте, третьим во втором ряду был большеглазый и ушастый мальчишка – Лёшка Приблигин, будущий богатырь-красавец. Он прошёл две войны, вернулся на родину, где спился и замёрз в одну из холодных ночей сорок шестого, не дойдя до избышки своей матери нескольких шагов. **А**

Сергей ТРАХИМЁНОК

Синяя птица поэта...

Есть мнение, что «дело государственное», работа важная, забирает у человека, находящегося на посту ответственном, не только время, но и способность к романтизму, к видению и пониманию прекрасного, к способности пестовать в душе что-то яркое, возвышенное, а тем более умение делиться этим. Отнюдь – это не так. И подтверждений обратного в истории нашей более чем достаточно – ярких, достойных. Примером тому является жизнь и творчество Владимира Шугли – Почётного Генерального консула Республики Беларусь в РФ в Тюмени. Поэта и публициста.

Романтик и созидатель, неординарная личность, труженик неуёмный, отдавший всю сознательную жизнь краю студёному, он находит в душе своей место не только работе, которую, кстати, делает добротной и творчески. Находит он в душе место и слову светлому и тёплому, зовущему и глубокому, мобилизующе-философскому. Судите сами:

И потому стихи стекают,
Как капли летнего дождя...
И жизнь, как океан без края,
Рокошет, к свету выводя...

Он прекрасно осознаёт роль поэта в «мире бренном этом», поэтому со словом работает тщательно, «гранит» его, так как знает его будущность и предназначение:

И пусть пролетают столетия –
Поэты бессмертны в стихах!
Стихи прорастают в поэте,
Как жёлтый подснежник в снегах.

Шугля не только поэт-романтик, он тонкая душевная натура:

В лучах закатных тянет к морю,
Туда, где вод и неба край,
Где сердце чайкой на просторе
Воды коснётся невзначай...

А как вам эти строки, дорогой читатель:

И надо ж такому случиться:
С высот, осторожно кружа,
Спустилась, как синяя птица,
Мне на руку чья-то душа.

Много пишет поэт о войне, послевоенном времени. Сын солдата, сын Беларуси и России, разве он мог по-другому? Ведь Память для него – это свято:

И нету в сердце места фальши:
Зароком – память об отце!
Наверно, я родился раньше
В свистящем, жалящем свинце...

А с какой любовью пишет Шугля о родине предков, о крае отчем, куда его неудержимо тянет:

О, Беларусь моя... Моя мессия!
Звучит в душе небесная струна...
Во мне ты вместе,
Навсегда с Россией,
Отчизна...
Русь...
Единая...
Одна...

Прекрасные слова Человека, Гражданина, Поэта и Государственника. В стихах его кредо, его философия и жизнь.

Дорогой читатель, невозможно в короткой статье показать всю многогранность стихов Владимира Шугли. Их нужно просто читать. Читать вдумчиво, пропускать через сердце и наслаждаться их простотой, чистотой, гражданственностью и глубиной. ▮

Владимир ГЕРАСИМОВ,
прозаик и поэт
Тюмень

Созвучие. Забыть ли войну?!

* * *

Разрывы – волной,
Сестрёнки в слезах...
Бедой и войной
Кустарник пропах.

У страхов в плену
Всё крестится мать...
Забыть ли войну?!
...Ей долго не спать.

Припомнить, скорбя,
Военный мотив,
По-русски себя
Крестом осенив.

* * *

Память ли?.. Памятник
Слёз и боли – Хатынь!
Памяти пламенем –
Покаянье над ним.

В воздухе ищем мы
Душ сгоревших сигнал.
Над пепелищами
Стон стоит, как стоял.

Владимир ШУГЛЯ

Колокол-маятник,
Вечных слёз пилигрим –
Звоном по памяти,
Горем – горьким, людским.

Горя рубахою
Эти стоны носить...
Мысли как захолодь*:
«Нелюдь может ли жить?!»

Плещется знаменем
Боль людская... Хатынь –
Родине памятник...
Свет небесный над ним.

* * *

Наверно, я родился раньше –
В раскатах взрывов той войны,
Где в сердце нету места фальши –
Ведь фальшь предательству сродни.

...Там шёл отец в атаку с ротой –
Под пули шёл... На смертный бой...
Его друзья легли у дота,
Идя на пуль свинцовый рой.

* Захолодь (простореч.) – холодок, холод, холодное место.

И потому щемящий отклик
Живёт – как боль отца – во мне,
Внезапный чей-то злобный окрик,
Когда я слышу о войне.

И нету в сердце места фальши –
Зароком память об отце!
Наверно, я родился раньше
В свистящем, жалящем свинце.

* * *

Душа неотрывна от Минска...
Кореличи... В небе межа...
Скреплённая кровным единством,
Парит над Отчизной душа.

...Небесные русские вежи!
Рассвет, как тропинка родства,
Влечёт в зазеркалье замезья –
Туда, где небес синева...

Край отчий весь в душах плывущих,
В горячих слезах матерей,
В Сибирь отпускает идущих
За странной судьбиной своей.

Крест веры нательный – подковкой –
Жизнь сложит в тайге вековой,
И в срок – в сорок первом с винтовкой –
Мой Минск защитит под Москвой*.

...В слезах закалялись надежды...
Небесным полётом стрижа
Летала в сибирском замезье –
Кружила в Сибири душа...

* * *

Не рубцуется память –
Всё врывается снами...
Ордена и медали
На отце засверкали.

Тут же хлюпает носом
Сын соседки белёсый –
Материнские слёзы...
Он войны отголосок.

Душу жалит обидой,
С детской завистью слитой,
Безотцовщины доля –
Колея гуляй-поля...

Я ему подал руку –
Он в ответ не сюсюкал:
«Мой отец со мной рядом –
Теперь мне быть солдатом...»

* * *

Отцы приходили с войны –
Спускались, кто выжил, с победных вершин,
И честь, и свободу страны
Спасли от безумия страшных годин.

Отцы приходили с войны,
А в душах разрывы снарядов и мин,
И с ними рождались и мы...
Моё поколение – из «тысяч Хатынь»!

Отцы приходили с войны –
За ними Варшава... Им сдался Берлин...
Но те же – в боях – у них сны,
И души, как птицы, сбиваются в клин...

И шепчут нам с болью они:
«Сынки! Не сдавайте страны».

* * *

О Русь! О Родина моя,
Моя израненная нежность.
Всегда в душе ты для меня
Как сон, как утренняя свежесть.

Как моря тайна, глубина,
Всегда безбрежная, как вечность,
Как сердца звонкая струна
И как дорога в бесконечность...

* В сибирских дивизиях было немало белорусов, ставших сибиряками.

* * *

На землю спустился с небес ореол
В созвездии росном.
Играют мальчишки азартно в футбол
На поле покосном.

Дома у посёлка залил небосвод,
Искрятся оконца,
И призраком облачко тает из-под
Палящего солнца.

В поту – не сдаются в игре пацаны,
Сверкают глазёнки...
Как будто и не было этой войны...
А в поле – воронки.

* * *

Русь! Храни себя, храни!..

Н. Рубцов

Опять, как будто на войне,
В который раз живём в болтанке.
Отчизна путь свой, как во сне,
Торит, хмельная спозаранку.

Святая Русь! Себя храни!
Храни Москву, и Минск, и Киев!
Пройдут распутья злые дни –
Зарниц вершится литургия.

И горный мир придёт извне
В дома Руси, в леса, на пашни...
Бог повелел моей стране
Жить этим днём, а не вчерашним.

* * *

Плачут туманы в поле
В чёрных одеждах неволи.
Дни как слезинки вдовьи...
В сердце боли становье.
Кровли залиты кровью –
Звёзд роковых зимовье.
Плечи печали горбят
В мире душевной скорби.
Сколько же в мире боли!

* * *

*Национальностей много – нации две:
порядочные люди и подлецы.*
Ф. М. Шугля

Сколько неславянской кровушки в России,
Ликов разных на просторах кружевных,
Отдающих жизнь свою российской силе,
Сыновей её не русских, но родных.

Не забыть... Отец с войны наказ оставил,
Что в окопах были все «одних кровей»,
Свист свинца на фронте всех тогда расставил
На врагов, что смерть несли...
и на друзей.

Братом был он тем, кто не предал,
не струсил,
Фланг держал и умирая – не подвёл,
Жизнь с Отчизной завязал в единый узел,
Победив врага, в бессмертие вошёл...

...Широки – за край – леса, поля родные,
На восток, на запад...
в звёздный апогей...

Сколько же сынов любимых у России –
Русских иль нерусских – все «одних кровей»!

* * *

О господи, что за улыбка!
Как солнышко ранней весной,
Подснежник расцвёл – по ошибке –
Холодною снежной порой.

А только недавно я слышал
Хозяйки улыбки рассказ,
Как было страшней ей и лише,
Чем сверстникам в жизни не раз.

Как трудно жилось сиротинкой
В детдоме... И после него...
Военная доля – тропинкой...
И жизнь непроста оттого.

* * *

Нет боли обиды в рассказе,
Есть вера – всё было не зря.
Ложился, белея, снег наземь –
На город – в конце декабря.

И есть что-то, данное свыше,
В рассказе, улыбке её..
Не зимний покров, а цвет вишен
Был откликом в сердце моём.

* * *

На Украине свет багрян
Братоубийственным удушьем,
И взорван, как фугас, обман –
Осколки застревают в душах.

Ложь – разрушитель аксиом –
Стреляет в небо, метит в Бога,
Корыстью, злобой и свинцом,
Кровавой на восток дорогой.

И в буйстве красок на земле
Заметней и яснее взору:
Земля как будто бы в золе..
Закат как подожжённый порох...

* * *

Время лихое – погоня –
Нас выбирает сегодня.
Встретит, увидит, обнимет,
Схватит и выжмет..
И «кинет».

Люди считают потери,
Лишь настоящему веря..
В завтра распахнуты двери –
Эхом звучит ностальгия...

...Ну здравствуй, наша Россия.

Я заново жизнь узнаю
По книгам минувшего века,
По строчкам стихов... Как в бою
Разрывы духовного его!

Мой взгляд из души устремлён
В то время, где мир безрассуден,
Где взрывы снарядов... И стон,
И пламя пожаров из судеб.

Я вижу голодных детей,
Горящие храмы и хаты,
Крысиного цвета людей,
Стреляющих из автоматов.

Мелькнуло девчушки лицо
В истошном от ужаса крике.
Начертано ей быть венцом
На памяти божьего лика.

И тянется сердце к нему –
Девчоночьи слёзы мне святы!
В душе помолюсь за страну..
...В семье, среди сестёр, был я пятым.

* * *

Я чту во всём дела отца,
Его отчаянную честность
И правду жизни до конца,
Души распахнутой небесность.
И разговоры у костра,
И небо в звёздной паутине,
И труд без усталости с утра –
Всё как вчера во мне поныне.

Как не хватает мне отца!
Дела эпохи той священны.
В них правда жизни без конца
Со мною в сердце неизменно.

Инна ФРОЛОВА

Инна Николаевна Фролова – поэт, переводчик.

Родилась 6 августа 1972 года в городе Минске. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (1996). С января 2013 года работает в штате Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. В настоящее время слушатель ВЛК (г. Москва).

Пишет на русском и белорусском языках. Автор трёх поэтических сборников: «Чакаю першы снег» (2011), «Там у светлых барах» (2012), «Белы бераг» (2016). А также книги для детей дошкольного возраста «Ромашки на асфальте» и книги переводов «Радка жывога пілігрымы». Публиковалась на сайте «Российский

писатель» (2017), в ряде коллективных сборников, альманахах, издаваемых в Беларуси, России, газете «ЛіМ», а также журналах «Полымя», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Орёл литературный», «Славянин», «Белая Вежа» и др.

Удостоена Международной премии «Семья – Единение – Отечество» (2014), лауреат литературного конкурса СПБ, посвящённого 100-летию со дня рождения Алены Бачило (2018), Международного литературного конкурса, посвящённого единению народов Беларуси и России, V Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени Игоря Григорьева «На всех одна земная ось».

Участник Международного семинара молодых писателей в Каменске-Уральском (переводческий семинар, 2015).

ГODOVЫЕ КОЛЬЦА

Упругий зреет виноград
В сентябрьском почине,
А за дорогой старый сад
Хоронит яблок звездопад
В некошеной полыни.

Осталась в прошлом колгота.
В плену осенних линий
Гнёзд опустевших нагота.
...Как жаль, ещё одна звезда
В полыни горькой стынет.

Как этот терпкий виноград,
Созреет вечер синий,
Цветеньем задохнётся сад,
Строка и завтра станут в ряд,
А я – посередине.

У счастья есть свой вкус и цвет.
Сегодня – счастье в красках утра,
В лучах живого перламутра
Оно рождается на свет.

А следом тихие стихи
Под ветром солнечным dospели.
Неужто счастье в самом деле
В прикосновении руки,

В туманной глади, в серебре
Куста удушливой сирени?
Незагорелые колени
Мелькнули счастьем во дворе.

Как просто: глубина и суть
Сокрыты в сокровенно-белом.
И страшно веру между делом
Сомненьем тягостным спугнуть.

* * *

С охрипшим ветром в унисон,
Под шёпот первых звёзд
Звучит вальсок, тревожит сон,
Мотив знаком и прост.

И что с того, что город спит,
И в полудрёме сад?
В аллее на скамье сидит
Былой войны солдат.

Парадный китель в орденах.
Стремится ввысь дымок,
Когда опять кружит весна
У фронтовых дорог.

Он вспоминает имена
Сержантов, рядовых,
Кого оставила война
Навечно в молодых.

Сомкнутся в тесный полукруг
Старинные друзья
Узнать, как подрастает внук,
Седеют сыновья.

Расскажет, как цветут сады,
Их старый командир,
Что у соседей нелады...
И как тревожен мир.

Звучит забытый старый вальс
До утренней зари,
А вместе с ним несётся вдаль
Стук сердца: «раз, два, три».

ОБРЕТЕНИЕ СЕБЯ

Со мной играла водяная гладь,
К ногам ласкалась на песчаной мели.
Мне так хотелось вечность простоять
Без мысленных исканий и без целей.

Через меня гнал ветер, как стада,
Века, миры, листая быль и небыль.

И встретились мы взглядами тогда
С всевидящим и всё познавшим небом.

Свалилась пелена, и я прозрел,
По милости мне отворились двери.
В свои глаза я первый раз смотрел
И первый раз увиденному верил.

Смотрел в упор на облака в воде,
Внимая полноту дрожащей кожей,
Я – неизвестный самому себе,
Я – обновлённый, я – всецело Божий.

* * *

По мотивам песни из к/ф «Дни Турбиных»

В нежном цвету ветви белой акации,
Ночь тишину расплескала свою.
Только на дальней приветливой станции
Гулко колёса вагонов поют.

Сердце, скажи, что тебя растревожило
В эту весеннюю лунную ночь?
Может, печаль отболевшая ожила,
Та, что гнала я из памяти прочь?

Тени ночные тяжёлыми копнами
На раздобревшую землю легли.
Стали пути неприметными тропками,
Только туманы белеют вдали.

В нежном цвету ветви белой акации.
Всё безвозвратно – зови не зови.
Лишь поезда на приветливой станции
Тихо поют о прошедшей любви.

* * *

Пусть пыжится писательский Парнас
И щёки раздувает, как Везувий,
От склочных баб и любопытных глаз
Тебя в село сегодня увезу я!

От суеты схоронимся в глуши,
В бревенчатой избе под сенью сада –

О ЛЮБВИ

В родных пенатах тишь да благодать,
Лишь небеса как будто стали строже.
Жасмин снежит и обнажает стать,
А в душу рвутся мысли о Серёже.

Литое солнце входит в свой зенит.
Палящим зноем дышит в полдень небо,
Но мой клубок из жалящих обид
Не по зубам вселенскому плацебо.

За вдохом вдох спускаюсь не спеша
В обитель, где не лицемерит слово.
Эх, сколько позабыть должна душа,
Чтобы во мне ей поселиться снова?

На горнем горизонте Аркаим,
А вот с земными видами всё то же:
В окне благоухающий жасмин...
Заезженной пластинкой о Серёже.

* * *

Ожиданием долгим недели
Через дом мой прошли, как дожди.
Держит время тебя в чёрном теле,
А в таёжном краю свиристели
О любви раскричались, поди.
Ты сейчас в одиночестве гордом
По далёким дрейфуешь мирам.
Подожду, если Богу угодно...
Но закончу победным аккордом:
Я тебя никому не отдам!

ОРЕНБУРГСКАЯ ВЕСНА

В сирени сад, и соловей заврался:
Ночь напролёт голосит о любви.
Ещё чудак на удочку попался
Весны, что скажет завтра «с'est la vie»!
Уйдёт к поэту в скромную однушку.
Босая, в ночь, за ласками уйдёт.
Не знает бестия, а может, и простушка –
Её любовь поэту лишь джек-пот.
Состарится на кухне Дульсинеей,
Лолитой, Беатриче, наконец!

А ведь могла, как я, пусть и с плебеем,
Разок-другой сходить и под венец,
Детей рожать, от счастья задыхаясь,
Шептать «люблю»! И всё как у людей.

Кого я уговариваю... каюсь?!
Соври ещё, дружище соловей!

ОДНАЖДЫ В РОССИИ

Однажды в России, в России однажды,
В стране, где мессия едва ли не каждый,
В стране, где полгода снега да снега,
Где в белых туманах стоят берега,

Случилось поэту на свет появиться
И свету служить, невзирая на лица.
Да что там, на лица – не те времена,
Когда на земле правит бал сатана.

Поэт, как ведётся, был беден, но честен.
Дорогой добра шёл с Россией он вместе.
О нём после скажут: «Душою богат»,
Но после... трибуны взорвёт «демократ».

Сейчас, когда Родины рваная рана
Как красная тряпка для евромайданов
И на дух не терпят уже русский дух,
От фейка и глянца эфир весь протух,

Собрались на поле великом и бранном
Сыны Николаев, Петров да Иванов,
Тех ратных героев, кому нет числа,
За кем только правда святая была.

Сражался с врагом и наш старый знакомый.
За правду идущий и правдой ведомый,
Он вместе со всеми верста за верстой
Держал что есть силы редечный строй.

Что дальше? Оставлю вопрос без ответа.
Балладу закончу словами поэта.
Причастие приняв от пули шальной,
Вознёс в небеса их с душою живой:

«Однажды в России, в России однажды,
В стране, где мессия едва ли не каждый,
В стране, где полгода снега да снега,
Где в белых туманах мои берега...»

БЕЛАРУСЬ. ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА

1941–1944 гг.

Антифашистская борьба белорусского народа началась с первых дней германской оккупации территории СССР. Главной силой сопротивления врагу в Беларуси стало партизанское движение.

Партизанская война с врагом – это способ защиты своего Отечества, которым успешно пользовались с древних времён многие народы мира для борьбы против чужеземных захватчиков. Известно, что уже в V веке до н. э. причерноморские скифы успешно вели партизанскую войну против многократно превосходящей их армии персидского царя Дария I. В результате захватнический поход персов в северное Причерноморье окончился полным провалом.

Слово «партизан» произошло от французского *partisan* – воин-доброволец, который нередко принимал участие в борьбе против чужеземного врага на захваченной им терри-

тории и был вооружён партизаной – копьём с длинным широким наконечником. Этот вид оружия получил широкое распространение в странах Европы с XV века. Современную трактовку это слово обрело в XIX веке во время освободительной борьбы итальянского народа за свободу и объединение страны (итальянск. – *partigiano*), где «партизан» означало «доброволец», участник вооружённой борьбы против иностранных захватчиков во вражеском тылу.

В годы Второй мировой войны на территории многих оккупированных германскими войсками стран Европы действовали силы сопротивления. Их основу составляли партизанские отряды. Особенно активно они действовали на захваченной врагом территории СССР, Югославии, Греции, Польши, Франции и Италии. Следовательно, партизанская война – это явление не только белорусское, а интернациональное,

однако в годы Великой Отечественной войны оно обрело на территории республики невиданные ранее в истории масштабы. Против немецко-фашистских оккупантов и их пособников сражались не отдельные отряды добровольцев, а поднялся почти весь народ Беларуси. В антифашистском движении на территории республики с оружием в руках сражались 444 тыс. партизан и подпольщиков. 373 тыс. человек являлись бойцами 1255 партизанских отрядов, большинство из которых были объединены в 213 бригад [Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов и их личном составе / А. Л. Манаенков, Е. П. Горелик, А. Ф. Маркова [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983. – С. 16].

Партизанские отряды начали создаваться в Беларуси уже летом 1941 года. Так, уже в июне 1941 года Тихон Пименович Бумажков (первый секретарь Октябрьского РК КП(б) Б Полесской области) и Фёдор Илларионович Павловский (уполномоченный наркомата заготовок по Октябрьскому району) создали и возглавили партизанский отряд из числа жителей Октябрьского района «Красный Октябрь». Отряд совместно с частями Красной армии вёл вооружённую борьбу против немецких войск на р. Птичъ. Партизаны провели ряд успешных операций, в ходе которых уничтожили 30 немецких танков, 55 единиц автобронетехники противника, взорвали несколько мостов. 18 июля 1941 года при артиллерийской поддержке бронепоезда № 52 (командир – лейтенант Колокольцев) партизаны отряда разгромили штаб немецкой дивизии в д. Воземля. В ходе того боя противник потерял 80 солдат и офицеров, были захвачены значительные трофеи и важные документы противника, которые были переданы командованию советских войск.

За героизм и умелое руководство партизанской борьбой против немецких захватчиков командиру отряда Т. П. Бумажкову и комиссару Ф. И. Павловскому первым из белорусских партизан 6 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Всего же

Виктор ЕРМОЛОВИЧ

Виктор Иванович Ермолович – белорусский писатель и историк, член Союза писателей Беларуси, кандидат исторических наук. Автор 19 книг, в том числе «Мінскае антыфашысцкае падполле» (Мінск, 1995) в соавторстве; «Необъявљени рат: деловање римокатоличко-пољске илгале у Беларужу 1939–1953 године» (Шабач (Србија), 2003); «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941–1945 гг.)» (Мінск, 2014); «Беларусь у гады Другой сусветнай вайны (1939–1945 гг.): кароткія нарысы» (Мінск, 2015); «Беларусь. Шлях да Вялікай Перамогі» (Мінск, 2019) и др. Ранее он уже публиковался на страницах нашего журнала.

высшими наградами Родины в годы Великой Отечественной войны были отмечены 88 участников партизанского движения в Беларуси.

Однако, несмотря на то, что партизанские отряды в Беларуси начали создаваться и действовать уже летом 1941 года, партизанское движение республики в начальный период Великой Отечественной войны массовый характер обрести не смогло. Вопреки официальным заявлениям партийных и советских руководителей БССР, которые фигурируют в материалах февральского (1943 г.) пленума ЦК КП(б)Б, где сообщалось, что в 1941 году были созданы и направлены в районы Минской, Витебской, Могилёвской, Гомельской, Полесской, Пинской, Брестской, Вилейской и Барановичской областей 473 отрядов, которые насчитывали 7200 человек [Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 20. – Д. 214. – Л. 9], реальное положение дел было совсем иным. Детальный анализ архивных документов и материалов по истории партизанского движения Беларуси в 1941 году позволил установить реальную картину событий и явлений. Так, из числа фигурирующих в материалах пленума ЦК КП(б)Б сформированных партизанских отрядов большинство даже не находилось во вражеском тылу. Созданные на советской территории, они не пересекали линии фронта. Те из числа указанных формирований, что выполнили поставленную перед ними задачу и смогли выйти в немецкий тыл на оккупированную территорию

Беларуси, по разным причинам не смогли там закрепиться и успешно вести борьбу с врагом. Они возвращались в советский тыл, не выполнив своего главного предназначения. Из 437 названных в официальных документах партизанских формирований в полной мере выполнили задание командования только единичные отряды и группы. Показательным в данном случае является следующий факт. В одной из записок, адресованной в ЦК КП(б)Б, говорилось: «Выпущенная группа учебно-оперативным центром Западного фронта в составе 104 человека 6 сентября 1941 г. была доставлена для перехода фронта в Путивльский район Сумской области 9 сентября 1941 г. Большинство их ушли с частями Красной Армии, и часть позорно сбежала» [НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 184. – Л. 25]. Таким образом, из большой подготовленной группы специалистов для ведения партизанской войны в тылу врага на оккупированную немецкими войсками территорию Беларуси не дошло ни одного человека.

Подобные явления в то время были скорее правилом, чем исключением. Из 16 партизанских отрядов, которые были сформированы Пинским обкомом партии и действовали в июле 1941 года на территории области, осенью 1941 года, после отхода советских войск с территории БССР, остался только один отряд численностью 60 человек под командованием В.З. Коржа [Ермаловіч, В. З архіваў партызанскага руху / В. Ермаловіч // Беларускі

гістарычны часопіс. – 1994. – № 2. – С. 15]. Остальные партизаны, т.е. 15 отрядов, которые изначально находились на территории Пинской области, вышли в советский тыл или разошлись по домам. В июле – августе 1941 года на территории Витебской области действовало 36 партизанских отрядов. После отступления частей Красной армии там осталось 12 отрядов, а в декабре 1941 года их было уже только девять. При этом чис-

ленность их личного состава также значительно сократилась.

Летом 1941 года на территории Гомельской области были организованы 65 партизанских отрядов, в среднем по пять на каждый из районов области. Число партизан превышало 1 770 человек. В декабре 1941 года число партизанских отрядов указанной области уже не превышало десяти, в которых насчитывалось не более 150 человек [Ермаловіч, В. І. Беларусь. Шлях да Вялікай Перамогі / В. І. Ермаловіч. – Мінск: Беларусь, 2019. – С. 62].

На территории Барановичской, Белостокской и Вилейской областей партизанские отряды в 1941 году вообще не действовали и даже не создавались. Анализ архивных документов даёт возможность установить, что число партизан Беларуси зимой 1941 года не превышало 3 тыс. человек. Слабость и малочисленность партизанских отрядов на территории республики в 1941 году объясняется главным образом сложившейся военно-политической обстановкой, отсутствием условий, необходимых для ведения партизанской войны в тылу врага. На данном этапе партизаны не получали поддержки у большинства населения в районах своего базирования. Население Беларуси в рассматриваемый период занимало позицию нейтралитета как в отношении партизан, так и в отношении германских оккупационных властей. Оно находилось в деморализованном состоянии в результате резкого изменения

военно-политической обстановки в регионе. Об этом убедительно свидетельствует рапорт В. Р. Болтикова, старшего оперуполномоченного Копаткевичского районного отдела НКВД, на имя заместителя наркома внутренних дел БССР полковника Мисюрева. «Настроение населения к фашистам таково, – сообщал В. Р. Болтиков, – что нам всё равно, какая власть, будут ли германцы, будут ли Советы, всё равно нам нужно подчиняться тем или другим» [НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 62. – Л. 8].

И всё же, несмотря на огромные трудности, особенно зимой 1941–1942 годов, партизанское движение Беларуси смогло выстоять и даже укрепиться. Успешные действия партизанских отрядов под командованием Т. П. Бумажкова, Ф. И. Павловского, В. З. Коржа, И. П. Кожара, М. Ф. Шмырова и других содействовали постепенному позитивному изменению в отношении местного населения к партизанам. Положительную роль в этом процессе сыграла прежде всего победа советских войск под Москвой, а также человеконенавистническая политика оккупантов в отношении местного населения на захваченных территориях. Уже в зимние месяцы 1942 года численный состав партизан значительно вырос. Оккупанты также начали их считать реальной силой.

Справедливости ради следует отметить, что многих трудностей периода становления партизанского движения Беларуси можно было бы избежать, если бы успешно был использован предыдущий опыт ведения партизанской борьбы на территории нашей страны. Достоверно установлено, что опыт иностранной военной интервенции и Гражданской войны убедил высшее руководство Красной армии ещё в 1920-е годы, что в будущей войне моторов значительное место будет принадлежать и партизанским методам ведения войны. Так, нарком обороны СССР М. В. Фрунзе отмечал: «Значительная роль будет принадлежать... партизанским действиям ведения войны, поэтому необходимо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе». И следует отметить, что заветы пролетарского полководца определённое время реализовы-

вались на практике. В довоенные годы было издано несколько книг по данному вопросу, например, М. А. Дробава «Малая вайна. Партызанства і дыверсіі» (Мінск, 1931), «Инструкция о партизанской войне» (Москва, 1933), «Партизанский учебник», перевод с финского языка (Москва, 1940), и др.

С начала 1930-х годов в Беларуси проводилась значительная работа по подготовке партизанских отрядов на территории республики на случай возможной войны. На территории БССР были сформированы шесть партизанских отрядов: Бобруйский, Борисовский, Минский, Мозырьский, Полоцкий и Слуцкий. Каждый из них насчитывал 300–500 человек. Руководство каждым из отрядов осуществлял штаб, в состав которого входили командир, его заместители, начальник штаба, руководитель разведки и руководитель материально-технического обеспечения. Бойцы и командиры партизанских отрядов были членами коммунистической партии, комсомола или участниками Гражданской войны. Весь личный состав партизанских формирований был обучен методам ведения партизанской войны в специальных школах, где готовили сапёров, пулемётчиков, снайперов, радистов. В Беларуси в 1930-е годы было подготовлено 3 тыс. партизанских командиров и специалистов. Кроме того, в городах и крупных железнодорожных станциях были созданы и прошли специальную подготовку подпольные диверсионные группы.

В белорусских лесах для партизанских отрядов были проведены закладки оружия и боеприпасов, в том числе 50 тыс. винтовок и 150 пулемётов. Командирами отрядов являлись С. А. Ваупшасов, В. З. Корж, К. П. Орловский, А. М. Рабцевич и др. В 1932 году под Москвой военное руководство проводило секретные Бранницкие учения с высадкой десанта во вражеском тылу. Действиями диверсионного отряда на учениях командовал С. А. Ваупшасов.

Высокую эффективность партизанских действий в современной войне показал и опыт гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.), где малочисленные партизанские отряды, ко-

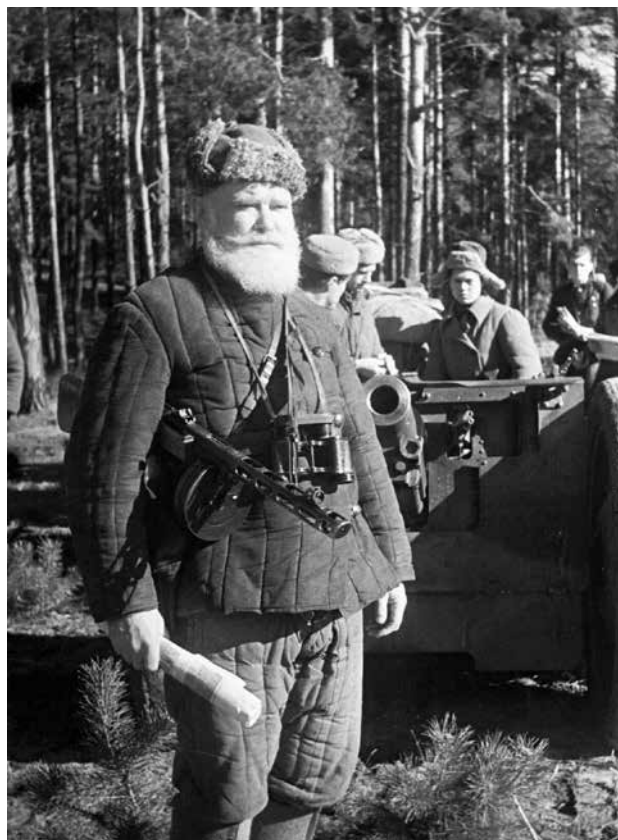
торые действовали в тылу франкистских войск, показали высокую результативность своих действий.

Однако накануне Второй мировой войны подготовка к возможному ведению партизанских действий была прекращена. Изменилась советская военная доктрина. Созданные партизанские отряды были расформированы, а заложенное в тайники оружие и боеприпасы были изъяты. Более того, в 1937–1938 годах были репрессированы почти все партизанские кадры. Выжили только те, которые сменили место своего проживания или, как В. З. Корж, К. П. Орловский, С. А. Ваупшасов, А. М. Рабцевич и другие, оказались в Испании, где на практике обретали опыт современной партизанской войны. Не случайно известный партизанский командир И. Г. Старинев отмечал, что «от репрессий 1930-х годов погибло в десятки раз больше подготовленных партизанских командиров и специалистов, чем за всю Великую Отечественную войну». Итог ошибочной политики советского руководства в отношении доктрины ведения партизанских боевых действий в том, что страна осталась не подготовленной к современной войне в тылу врага. Была безвозвратно утрачена возможность уже в 1941 году на территории оккупированной Беларуси и других регионов СССР получить широкомасштабное, боеспособное партизанское движение, которое развернулось на территории нашей республики накануне её освобождения от немецких войск в конце 1943 – первой половине 1944 года.

Усилению партизанского движения в Беларуси весьма серьёзно способствовала деятельность советских подпольных организаций, которые работали в городах и населённых пунктах республики с первых дней немецкой оккупации. Осенью – зимой 1941 года на территории Беларуси уже активно действовали Минская, Оршанская, Осиповичская, Осинторфская (Дубровенский р-н Витебской области), Брестская, Витебская, Гомельская, Гродненская, Могилёвская, Пинская и другие подпольные антифашистские организации, которые, по неполным данным, насчитывали в своём составе свыше 1 100 человек. Почти половина всех подпольщиков Беларуси в 1941 году, или 540 человек, действовали в г. Минске.

В дни битвы под Москвой подпольщики Минского железнодорожного узла вывели из строя 50 паровозов противника. Подпольщики Орши под руководством К. С. Заслонова с ноября 1941 по февраль 1942 года вывели из эксплуатации 170 паровозов и пустили под откос десятки вражеских эшелонов с живой силой и техникой. Подпольщики не только проводили диверсии на объектах и коммуникациях противника, оказывали материально-техническую помощь партизанам, обеспечивали их ценной разведывательной информацией, но и укрепляли численный и качественный состав партизанских формирований. Только подпольщики г. Минска в 1941–1942 годах направили более 4 200 человек в партизанские отряды, что позволило создать в окрестностях г. Минска 20 боеспособных партизанских отрядов. Кроме того, подпольщики существенно помогли и с вооружением этих формирований.

В течение 1941 года пополнение партизанских отрядов происходило за счёт коммунистов, комсомольцев и советских военнослужащих, которые оказались в тылу врага.

Росту перехода населения Беларуси в ряды партизан в 1942–1944 годах в определённой степени способствовали и сами оккупанты. Так, например, в марте 1942 года командование вермахта издало приказ о возвращении в лагеря для военнопленных бывших советских военнослужащих, которым было разрешено в зимнее время проживать в сельской местности у своих родственников. Жизнь советских военнопленных в немецких лагерях можно хорошо представить из содержания докладной записки на имя секретаря ЦК компартии Беларуси Г. Б. Эйдинова бывшего заключённого одного из минских лагерей для военнопленных Е. Ю. Гапеева. Вот что документально засвидетельствовал бывший заключённый немецкого лагеря для военнопленных: «1 июля (1941 г. – В. Е.), вечером, колонну, где был и я, под конвоем пригнали в лагерь, который был расположен на братском кладбище. Когда мы пришли в лагерь, то там было уже тысячи три человек гражданских и военных. Перед лагерем у каждого в отдельности производили обыск, у многих рвали деньги, забирали часы.

Вслед за нами всё время непрерывно пригоняли всё новых и новых пленных. Лагерь, где мы находились под усиленным конвоем, ночью освещался вокруг машинами, на которых были установлены пулемёты. Лагерное содержание было невыносимо для человеческой жизни, трудно передать, какие были издевательства, от пули и голода погибли в лагере сотни людей.

Первые три дня нас держали на кладбище, морили на жарё... без воды и еды, а когда привозили бочку воды на тысячи людей, люди, погибающие от жажды, старались получить хоть один глоток воды, и когда прижимали сидящих на коленях к бочке, в это время в лезших вперёд стреляли и по 15–20 человек ежедневно возле воды убивали. Жутко подумать, когда люди начинали пить мочу, которой мочились тут же, в лагере, а 3 июля 1941 г. по голодной толпе направили машину с сухарями, тысячи людей старались ухватить сухарь, лезли на идущую машину, а оттуда, как голодной стае, бросают сухари, народ дерётся на земле за сухарь, а они (немцы) сверху бьют палка-

ми, одновременно с машины всю эту картину фотографируют... Будучи там, забываешь, что ты действительно ещё живёшь и что ты есть человек» [НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 33а. – Д. 14. – Л. 99–101].

Военнопленные, которые были отпущены на зиму из таких лагерей и жили в сельской местности, зная, что их там ждёт по возвращении, массово пошли в партизанские отряды, а нередко и сами создавали эти отряды. Если в начале 1942 года численный состав партизанских отрядов Беларуси насчитывал около 3 тыс. человек, то в конце этого же года – более 47 тыс. бойцов. Почти третью часть партизанской армии в это время составляли кадровые военнослужащие из числа окруженцев. Следовательно, важнейшим источником пополнения партизанских отрядов в первый год войны были бывшие военнослужащие Красной армии.

Таким образом, в 1942 году сформировалось организационное ядро партизанского движения Беларуси, что позволило развернуть на территории республики настоящую народную войну против немецких оккупантов.

Важную роль в укреплении партизанского движения Беларуси сыграл факт обеспечения партизан оружием и боеприпасами из советского тыла. Этот процесс был начат в феврале 1942 года, когда войска Калининского и Западного фронтов на Витебском направлении вступили на территорию Беларуси. Воины 249-й дивизии вместе с белорусскими партизанами освободили десять деревень Суражского и Меховского районов Витебской области. 6 февраля 1942 года Красная армия на этом направлении перешла к обороне, однако на 40-километровом участке фронта на стыке позиций немецких армейских групп «Север» и «Центр», что между Велижем и Усвятами, находился разрыв в линии немецкой обороны. В результате образовались так называемые Суражские ворота, которые просуществовали до 28 сентября 1942 года. Через Суражские ворота партизанское движение Беларуси пополнилось более чем 2 тыс. организаторов и специалистов по ведению диверсий, партизаны республики получили 4 250 винтовок,

630 автоматов, 402 пулемёта, 138 противотанковых ружей (ПТР), 280 миномётов, 10 860 диверсионных мин, около 2 млн патронов для оружия, 18 тыс. ручных гранат и 40 т тола.

Уже летом 1942 года партизаны Беларуси начали проводить против оккупантов значительные по своим масштабам боевые операции. Например, в августе 1942 года партизанский отряд под командованием А. И. Петракова и А. В. Романова уничтожил хорошо охраняемый немцами железнодорожный мост через р. Дриссу. Из-за этого железнодорожное сообщение на линии Полоцк – Даугавпилс прервалось на 16 дней, при этом последствием данной операции было то, что пропускная способность железной дороги снизилась с 60 до 8 эшелонов в сутки.

28 августа 1942 года объединённые силы 8, 24 и 36-го партизанских отрядов Могилёвской области под руководством С. Г. Жунина («Сергей») уничтожили вражеский гарнизон и коммуникации на железнодорожной станции Славное, которая являлась важным пунктом обеспечения войск и транспорта противника, двигавшегося в направлении к фронту по магистрали Брест – Минск – Смоленск. Гарнизон, охранявший станцию Славное, насчитывал 200 солдат и офицеров противника, которые были вооружены батальонным миномётом, станковым и 12 ручными пулемётами, автоматами и винтовками. Он был укреплён окопными сооружениями, имел 10 постов охраны. Во время 3-часового боя партизаны разгромили гарнизон, уничтожили здание станции, немецкие казармы, шесть складов с военным имуществом и продовольствием, два военных эшелона с техникой и всё железнодорожное оборудование, которым была оснащена станция. Было уничтожено 120 солдат и офицеров противника [Архив Института истории НАН Беларуси. – Ф. 4. – Оп. 4а. – Д. 1. – Л. 54–55].

Аналогичные операции проводились партизанами и в других районах Беларуси, например Минской и Полесской областях. В ночь на 3 ноября 1942 года был уничтожен 132-метровый железнодорожный мост на р. Птичь. Перевозки противника по железной дороге Брест – Гомель были приостановлены на 18 дней.

Активность партизанского движения в Беларуси во второй половине 1942 года, как и в других районах СССР, оккупированных немецкой армией, совпадает по времени со Сталинградской битвой. В это время вермахт для охраны военно-экономических объектов в своём тылу был вынужден использовать 10% от общего количества немецких войск, что действовало на советско-германском фронте. В свете данного факта становятся понятными действия советского военного руководства в этот период времени, которые были направлены на усиление партизанского движения. Так, 30 мая 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), и непосредственно во время Сталинградской битвы Белорусский и Украинский штабы партизанского движения, и, наконец, 5 сентября 1942 года маршал К. Е. Ворошилов был назначен Главнокомандующим партизанского движения. В связи с этим трудно не согласиться с мнением доктора исторических наук, профессора А. М. Литвина в отношении того, что руководство Советского государства стало рассматривать партизанскую борьбу... как один из видов боевых действий вооружённых сил и народного сопротивления в тылу врага, который имел стратегическое значение [Літвін, А. М. Актывізацыя партызанскага фактару як складаючай часткі савецкай стратэгіі вядзення вайны напярэдадні і падчас Сталінградскай бітвы 1942–1943 гг. / А. М. Літвін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 2. – С. 7].

Германское политическое и военное руководство со своей стороны также было обеспокоено размерами и результатами партизанской войны в тылу своей армии на восточном фронте. Об этом свидетельствуют и проводимые мероприятия германского военного командования по борьбе с партизанами. Так, в сентябре 1942 года А. Гитлер возложил общее руководство по борьбе с партизанским движением на оккупированной территории СССР лично на рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, а в оперативных районах – на фельдмаршала В. Кейтеля. В октябре 1942 года Г. Гиммлер назначил старшего начальника СС и полиции в тыловом районе группы армий «Центр» обергруппенфюрера

СС (генерал-полковник) Э. фон Бах-Залевского своим уполномоченным по борьбе с партизанами в Беларуси.

Во время Сталинградской битвы на оккупированной территории Беларуси немецкие войска провели 68 карательных операций, направленных против партизан и местного населения, где использовались силы от батальона до нескольких дивизий. Так, в августе 1942 года в районе Витебска, Орши и Смоленска оккупанты провели силами 286-й немецкой охранной дивизии карательную операцию с кодовым названием «Гриф» с целью уничтожения партизанских отрядов в районе Витебск – Орша.

В августе – сентябре 1942 года на территории Витебской, Минской и Брестской областей оккупанты провели карательную операцию «Болотная лихорадка». Операцию провела группировка немецких войск, которая состояла из пехотной дивизии и усиленной 1-й моторизованной бригады СС. Каратели получили приказ: «При проведении операции действовать беспощадно. Все деревни, что находятся в болотистых и лесных районах, где будет проводиться операция, подлежат уничтожению». В ходе этой карательной операции оккупанты убили 10 013 мирных жителей и 1 217 человек вывезли на принудительные работы в Германию.

Некоторые партизанские отряды во время операции «Болотная лихорадка» оказали карателям достойное сопротивление. Так, партизанский отряд имени Н. А. Щорса (командир П. В. Пронягин) действовал небольшими подвижными группами и нанёс карателям значительные потери в живой силе и технике. Партизаны уничтожили охрану моста на р. Щара, что на шоссе Брест – Минск. Это позволило отряду успешно форсировать многоводную реку, при этом были уничтожены две легковые автомашины с немецкими офицерами, а в деревне Чамелы Коссовского района был ликвидирован гарнизон полевой жандармерии. В бою на берегу Огинского канала, который завершился рукопашной схваткой, партизаны уничтожили роту СС в полном её составе и при этом захватили значительные трофеи – более 100 единиц автоматического оружия.

В конце 1942 года в рядах партизан Беларуси уже насчитывали около 50 тыс. человек, а это, по стандартам военного времени, численность одной советской общевойсковой армии. В 1942 году белорусские партизаны уничтожили 100 немецких танков, 181 самолёт, пустили под откос 1 180 военных эшелонов противника. В результате их действий было выведено из строя более 100 тыс. солдат и офицеров противника, из которых 15 тыс. убиты...

Для сравнения: в октябре – ноябре 1942 года в Северной Африке действовала 8-я британская армия численностью в 230 тыс. человек, одержавшая победу под Эль-Аламейном, которая считается первым значительным успехом британской армии не только в Африке, но и вообще во Второй мировой войне. Западные историки, политики и публицисты приравнивают её по значимости к Сталинградской битве, объявляя при этом, что данная операция положила начало действиям Второго фронта. 8-й британской армии, которая состояла из десяти дивизий и четырёх особых бригад и имела на вооружении 440 танков, 2 311 орудий и 1 500 самолётов, противостояла итало-германская войсковая группировка, которая в своём составе насчитывала четыре немецкие дивизии и одну бригаду, восемь итальянских дивизий, или 80 тыс. человек, 540 танков, 1219 орудий и 350 самолётов. Потери войск фашистской коалиции составили 55 тыс. убитыми, ранеными и пленными, в т.ч. около 10 тыс. человек убитыми, 320 танков и около 1 тыс. орудий [История военного искусства / под ред. члена-кор. АН СССР, ген.-лейтенанта П. А. Жилина. – М.: Воениздат, 1986. – С. 322].

Простой анализ указанных данных показывает, что уже в 1942 году эффективность борьбы партизан Беларуси, которые в 4,5 раза уступали по численности английской армии в Северной Африке, была сопоставима с итогами действий западных союзников по антигитлеровской коалиции.

Важным источником пополнения партизанских формирований Беларуси личным составом была насильственная мобилизация оккупационными властями белорусской

молодёжи для работы в Германии. Широкий масштаб этот процесс обрёл весной 1943 года в соответствии с директивой, полученной 11 марта 1943 года инспектором хозяйственной инспекции «Юг» генералом Нагелем от начальника хозяйственного штаба «Восток» о поставках рабочей силы из оккупированных восточных областей для сельского хозяйства Германии, где сообщалось: «Использование рабочей силы в германском сельском хозяйстве и намеченные фюрером военные программы создают необходимость быстрой доставки 1 миллиона женщин и мужчин из вновь оккупированных восточных областей в течение ближайших четырёх месяцев. С этой целью гауляйтер Заукель требует начиная с 15 марта ежедневно отправлять транспорты с 5 тысячами, а с 1 апреля ежедневно по 10 тысяч работниц и рабочих с оккупационных восточных областей... Учитывая исключительно высокие потери рабочей силы в германской военной экономике, возникшие за последние месяцы, необходимо, чтобы вербовка рабочих для империи проводилась теперь снова со всей энергией. Заметная там в настоящее время тенденция к ограничению и полному приостановлению вербовки для империи при таком положении вещей совершенно недопустима» [Преступные цели – преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.) / сост. Г. Ф. Заставенко, Т. А. Иллерицкая, А. М. Козочкина [и др.] 2-е изд., доп., М.: Политиздат, 1986. – С. 245].

Доля Беларуси в указанных поставках должна была составить около 1 000 человек еженедельно. Поэтому десятки тысяч молодых людей, спасаясь от насильственного угона в немецкий «рай», уходили в партизаны. В ноябре 1943 года, согласно данным Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), число партизан составляло уже 122 тыс. человек.

Способствовали пополнению партизанских отрядов и события, связанные с созданием в марте 1944 года прогерманской «Белорусской краевой обороны» (БКО). Большинство населения республики в это время уже понимало, что война для Германии проиграна, и не желало

стать немецким «пушечным мясом». При первой же возможности многие из тех, кто был мобилизован в «Краевую оборону», переходили на сторону партизан. Так, в марте – апреле 1944 года в партизанские отряды Беларуси влилось ещё около 70 тыс. человек, большинство из них перешли в партизаны из-за нежелания связать свою судьбу с БКО.

Большую работу по превращению партизанского движения Беларуси в массовую народную войну против иностранного нашествия выполнили и партийные подпольные органы компартии республики. С 1943 года они имели авторитет и влияние на население большинства районов Беларуси. Достаточно сказать, что во вражеском тылу в годы войны издавалось около 170 подпольных советских газет, тираж которых насчитывал миллион экземпляров. Партизанами и подпольщиками республики, ЦК КП(б)Б, ЦК комсомола Беларуси и БШПД за годы войны было издано и распространено 28,5 млн листовок. Подпольная советская печать призывала население к вооружённой борьбе против оккупантов. Она не только вызывала у населения республики информационный интерес, но и находила должный реальный отзыв в людских умах и сердцах, который побуждал к активным действиям против оккупантов.

В 1943 году партизаны Беларуси уже были способны проводить крупномасштабные операции против германских войск и тыловых коммуникаций противника. Наглядный пример – операция «Рельсовая война», которую проводили летом 1943 года партизаны Беларуси, Украины, Литвы, Ленинградской, Калининской, Смоленской и Орловской областей. Операция «Рельсовая война» была разработана Центральным штабом партизанского движения. Главной задачей операции было уничтожение железнодорожных коммуникаций в тылу противника накануне наступательных операций Красной армии.

Успехи партизан Беларуси в ходе указанной операции были в значительной мере обеспечены наличием значительной материально-технической базы, которая была создана с помощью советского тыла. Только в августе – октябре 1943

года за период подготовки и проведения операции «Рельсовая война» партизаны Беларуси благодаря помощи советской авиации получили 177,3 т прессованного тола, 41 200 единиц диверсионных мин, 34 051 взрыватель, большое количество бикфордового и детонирующего шнура, капсюлей-детонаторов и т.д. Кроме того, советские самолёты доставили партизанам Беларуси большое количество оружия и боеприпасов, в том числе 46 миномётов, 314 противотанковых ружей, 441 пистолет, 3 227 автоматов, 6 953 винтовок и карабинов, 6 117 846 пистолетных патронов, 7 581 408 патронов для винтовок и карабинов, 38 580 патронов для противотанковых ружей, 34 806 ручных гранат.

На территории Беларуси «Рельсовая война» (1943–1944 гг.) проводилась в три этапа. Первый этап начался ночью 3 августа 1943 года и продолжался до середины сентября 1943 года. Его основной целью было содействие контрнаступлению Красной армии под Курском. В назначенное время 74 тыс. партизан Беларуси нанесли множество мощных ударов по железнодорожным коммуникациям противника. В результате были полностью выведены из строя железнодорожные линии Бобруйск – Старушки, Жлобин – Калинковичи, Тимковичи – Осиповичи, железная дорога Полоцк – Молодечно не функционировала 15 дней, Минск – Молодечно – 10 дней, на линиях Могилёв – Кричев, Могилёв – Жлобин движение было остановлено на протяжении всего августа 1943 года. За время первого этапа операции партизаны Беларуси пустили под откос 833 вражеских эшелона и три бронепоезда, взорвали 184 железнодорожных моста и 556 мостов на автомобильных дорогах, уничтожили 1 429 автомашин и 392 км телефонно-телеграфных линий. Провели ряд успешных операций по разгрому вражеских гарнизонов.

Второй этап «Рельсовой войны» под условным названием «Концерт» проводился с 19 сентября до начала ноября 1943 года. За это время партизаны взорвали 90 тыс. железнодорожных рельсов, 1 041 эшелон противника и 72 железнодорожных моста. В результате противник, несмотря на сложное положение

на советско-германском фронте, был вынужден увеличить в два раза количество войск для охраны стратегических коммуникаций в своём тылу. В 1943 году в тылу на советско-германском фронте немецкое командование для охраны своих объектов и коммуникаций, а также борьбы против партизан вынуждено было держать 10% от общего количества германских вооружённых сил, которые действовали на советско-германском фронте, или 500–550 тыс. солдат и офицеров. На территории Беларуси немецкое командование с этой целью удерживало войсковую группировку численностью в 250 тыс. человек. И при этом более 50% территории республики, или 108 тыс. км², с конца 1943 года контролировали партизаны, а территория площадью свыше 38 тыс. км² была полностью освобождена от оккупантов, т.е. туда не ступала нога немецкого солдата.

Позитивную оценку действиям партизан во время проведения операции «Рельсовая война» дал маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который писал: «Победе советских войск под Белградом, Орлом и Харьковом во многом способствовали партизаны, действовавшие в тылу противника. Особенно большую "Рельсовую войну" вели они в Белоруссии, Смоленской, Орловской областях и Приднепровье. Партизаны срывали железнодорожные перевозки, взрывали мосты, снабжали советское командование разведывательными данными, которые помогли правильно оценить обстановку и замысел вражеского командования на лето 1943 года» [Жуков, Г. К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 3. – 10-е изд., доп. по рукописи автора. – М.: Изд-во «Новости» (АПН), 1990. – С. 74].

Известный специалист в области минирования и подрывного дела периода Второй мировой войны, инженер, профессор И. Г. Старинов в своей книге «Пройди незримым» отмечал следующее: «Удары партизан по коммуникациям оккупантов... нанесли им потери в десять раз больше, чем те, что нанесла нашим путям сообщений фашистская авиация, которая сбросила более 100 тыс. авиационных бомб».

Из оценки немецкого военного руководства и данных Генерального штаба Красной армии

об итогах проведения операции «Рельсовая война» следует, что объём немецких перевозок в 1943 году уменьшился на 35–40%. В свою очередь, это значительно способствовало успеху летне-осеннего наступления советских войск [НАРБ. – Ф. 3500. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 110–112].

Третий этап «Рельсовой войны» начался в ночь на 20 июня 1944 года, незадолго до проведения советскими войсками операции «Багратион». На данном этапе партизаны Беларуси непосредственно взаимодействовали с наступающими войсками Красной армии. В ходе операции они подорвали 61 тыс. железнодорожных рельсов (в первый день операции – 40 775), уничтожили восемь железнодорожных мостов. Полностью были выведены из строя основные железнодорожные пути, частично парализованы перевозки врага на всех дорогах Беларуси.

Значительный интерес в данном случае представляет мнение крупного немецкого специалиста в сфере эксплуатации военных перевозок полковника Г. Тэске, которое он высказал в работе «Военное значение транспорта»: «...В ночь накануне общего наступления русских на участке группы армий "Центр", в конце июня 1944 г., сильный отвлекающий удар партизан на всех важных дорогах приостановил руководство немецкими войсками на несколько дней. Только за одну эту ночь партизаны установили около 10,5 тыс. мин и зарядов, из которых удалось выявить и обезвредить только 3,5 тыс. Сообщение на большинстве шоссейных дорог из-за налётов партизан могло осуществляться только в дневное время и только при наличии вооружённого конвоя».

Операция «Рельсовая война» была значительным событием Великой Отечественной войны. Она способствовала разгрому германских войск не только в Беларуси, но и на других участках советско-германского фронта в 1943–1944 годах. За время проведения операции «Рельсовая война» белорусские партизаны взорвали 211 тыс. железнодорожных рельсов, пустили под откос около 2 тыс. желез-

нодорожных составов с живой силой и техникой противника, уничтожили и вывели из строя 1 700 паровозов, взорвали 300 железнодорожных мостов. По далеко не полным данным, партизаны Беларуси в ходе операции «Рельсовая война» вывели из строя убитыми и ранеными свыше 150 тыс. солдат и офицеров противника.

В связи с этим следует вспомнить и о потерях народных мстителей Беларуси. По данным Белорусского штаба партизанского движения, безвозвратные потери партизан республики в годы борьбы с немецкими оккупантами составили 44 791 человек. При этом остались не учтёнными партизаны, которые погибли в 1941–1942 годах, в отчётах БШПД сведений об этой категории лиц нет. Исходя из этого, у нас есть основания считать, что потери партизан Беларуси только убитыми в годы Великой Отечественной войны составили свыше 50 тыс. человек.

Масштабы партизанской войны на территории Беларуси сопоставимы только с аналогичным явлением в Югославии, где в 1941–1944 годах в партизанском движении участвовало свыше 350 тыс. человек. Справедливости ради стоит отметить, что югославские партизаны очень помогли Советской армии во время Московской битвы зимой 1941–1942 годов. Их активные действия вынудили немцев и их союзников-итальянцев держать там силы численностью в 30 дивизий. А как они нужны были немецкому командованию под Москвой в это время!!! Более того, за год до открытия союзниками СССР второго фронта в Европе партизаны Советского Союза и Югославии сковали миллионную группировку немецких войск – сил, соотносимых численно с теми, которые находились летом 1944 года на территории Франции, Бельгии и Голландии, противостояли союзным войскам Великобритании и Соединённых Штатов Америки. **А**

Виктор ЕРМОЛОВИЧ

Марина ПОМОЗ-ЛАЙКОВА

Марина Помоз-Лайкова (Марина Алексеевна Лайкова) – поэт, автор и исполнитель песен.

Родилась 26 января 1975 года в г. Борисове в семье военнослужащего. Окончила психологический факультет Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Работала психологом в учреждениях образования, руководителем детской театральной студии. В настоящее время возглавляет ансамбль средневековой музыки при Центре творчества детей и молодёжи г. Борисова.

Автор поэтических сборников «Дымчатые кони» (2010) и «Сиреневое солнце» (2013). Публиковалась в журналах «Неман», «Немига литературная», «Наш современник».

Победитель фестивалей авторской песни в Беларуси, а также Всероссийского конкурса «Новые песни детства» (2013).

Живёт в г. Борисове.

* * *

Маме

Уносит паводок снега.
И в вечность уплывают воды.
И птиц небесных хороводы
Плывут в родимые луга.
Живёт, поёт над нами высь,
Лучами льётся на ресницы...
А может быть, все люди – птицы,
Пока ещё не родились?

Смотрите, на рассвете как
Руками плещет и щебечет
По-птичьи кроха-человечек.
С трудом свершит он первый шаг,
Как будто с небом разлучён,
Во сне он ощутит паренье
Таким знакомым, что сомненье
Охватит утром: был ли сон?

Ждут нивы хлопотливых рук,
Зерно – слияния с землёю...
И птицы, вот уже по двое,
Над полем совершают круг...
А может быть, им дан полёт,
Чтоб человек, родившись в плоти,
Имея память о полёте,
И жизнь преобразил в полёт?

Уносит паводок снега.
И в вечность уплывают воды.
А птиц небесных хороводы
Свои отыщут берега.

* * *

Говори со мной, мой мальчик, через страны,
Через берега и океаны,
Сквозь песчаные немые дюны
И ветров натянутые струны...

Ненавидь, люби, прощай, преследуй.
Открывая, сам того не ведай.
Пусть твердят досужие чужие,
Что слова – лишь капли дождевые,

Что любви не может быть в разлуке.
Но сердца друг к другу тянут руки,
Но слова спасают от падений.
И всё больше в судьбах совпадений...

Говори со мной, мой мальчик, через страны,
Через берега и океаны...
Я меняюсь, жизнь увидев шире,
Потому что ты есть в этом мире...

МИГ

Застыла в зените,
Разъяв временные границы,
Как парус, как мысль,
В бесконечность летящая птица.

И взоры: печальные,
Мудрые, полные силы,
Что в это мгновение к ней прикасались,
Застыли.

И замерли воды, стихии,
В движениях – люди.
Открылось святое в святом,
А иуда – в иуде.

Прозрели мы все,
Лишь сомкнулись покой и движенье...
Но в зеркало мира ушло, отразившись,
Мгновенье.

И каждый, кто жил на земле,
Совершал своё дело...
Метались над миром стихии,
И птица летела...

* * *

Чему ты радуешься, брат?
Что наточил стальной булат
И тем булатом ты готов
Разить безжалостно врагов?
И чем же ты, скажи, так горд?
Не тем ли, что жесток и твёрд,
Как император, ловишь взгляд
Того, кто быть слугою рад?
Что в сердце зиждется твоём?
Нет места искренности в нём,
Ни милосердью, ни любви...
Живёшь царём – царём живи.
Но всё ж задумайся о том,
С чем ты войдёшь в Господень дом.

ВЕСНА

Дочери Веронике

Комнату наполнила весна –
Солнце половодьем разлилось...
Ты и знать не знаешь, что она
Отразилась от твоих волос...

Радужные лучики полны
Голосами перелётных птиц...
Ты и знать не знаешь, что они
Отразились от твоих ресниц...

Просто ты рисуешь у окна –
Весело скрипят карандаши.
Просто ты не знаешь, что весна –
Это ты... Весна моей души.

ПЛЕННИЦА

Мой враг, непрощенный ревнитель,
Ужель о счастья радел,
Когда силком в свою обитель
Ты увезти меня хотел?
Когда в потоки речки белой
Спускал зыбучую ладью,
О, как прощать я не хотела
Затею дерзкую твою!

И только волн седых ладони
Поймали быстрое весло,
Явились всадники на склоне.
Мой враг, смиришь, мне повезло!
Ты слышишь топот оголтелый
И свист погони вдоль реки?
О, если б знал, как метки стрелы
И кони всадников легки!

Тебя же словно позабавил
Мной предрекаемый удел.
Ты против волн упрямо правил
Под косяком певучих стрел.
И в миг, когда, одной ретивой
Сражённый, пал на дно ладьи,
Челны на воду опустили
Лихие всадники мои.

Но из слабеющей ладони
Тогда весло я приняла
И прочь от дружеской погони
Ладью быстрее повела.
Скрывался берег за волною,
И кто-то осадил коня...
Что в этот миг владело мною,
Мой враг, не спрашивай меня.

* * *

Всю ночь бушевала,
Кипела, мела непогода.
По улицам гулким
Неслась кавалькада теней,
И толпы шатались
Весёлого пьяного сброда –
Иль мокрых деревьев
В мерцании тусклых огней?

Дождливыми крыльями
Кречеты били по окнам,
Быть может, в кого-то
Вселяя тревогу и страх.
А я наблюдала
За этим безумным галопом,
И я лишь, ликуя,
Стояла в открытых дверях.

Всю ночь бушевала,
Кипела, мела непогода.
А я восклицала: «Отныне
Как хочешь живи!
Тебе и не снится,
Что я отмечаю свободу,
Свободу от страсти своей
И твоей нелюбви».

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

*Очевидцы рассказывали, что
первая послевоенная весна была
на удивление урожайной. Плохо об-
работанная почва давала всходы,
каких люди не видели прежде.*

Говорят, небывалою силой
В ту весну наполнялась земля:
Рожь в пустынных местах восходила,
И хлебами шумели поля.
У дороги воронка от взрыва –
В ней разросся малиновый куст.
Но не видели люди красивей,
Ярче ягод и слаще на кус.

Словно разом земля с человеком
Чашу скорби испила сполна,
И творение нового века
С человеком вершила она.
Или павшие верой нетленной
Зримый знак подавали живым
И любовь, что несли во Вселенной,
Отдавали росткам молодым?

Говорят, небывалою силой
В ту весну наполнялась земля:
Рожь в пустынных местах восходила,
И хлебами шумели поля.
Словно узники сбросили цепи,
Из глубоких темниц поднялись...
И сквозь боль, и руины, и пепел
Возрождалась стремительно жизнь.

Два Пушкиных

ДАКТИЛИЧЕСКАЯ* СПОНДЕЯ** ВЛАДИМИРА НАУМОВИЧА

Она закружилась в вихре вальса. Самозабвенно и безоглядно. Танец – эхо музыки, но она, казалось, не слушала мелодии, едва успевая за поэтом, кружась и мгновенно перебирая руками. Его рука на её плече, её рука – на его плече, вот её запястье коснулось его запястья, её ладошки лебёдушкой проплыли вверх по его груди, обе руки – его и её – вдруг взмыли над танцующими на балу, те расступились, делая шире круг, они ныряли из одной шеренги в другую, проходя лёгкой проходкой мимо чопорных напомаженных дам, высокомерных пыливых кавалеров, мимо мраморных колонн под сводами расписанного в библейских мотивах Шереметьевского дворца с канделябрами по сторонам и висящей громадной люстрой над головой. Потолок будто бы закружился белоснежной птицей над ними, то снижаясь, то опускаясь, и были две опасности – наступить на платье в пол и не попасть в такт движениям. Каким-то необычным образом его и её руки оказывались над их головами, они поворачивались и оказывались спина к спине, потом снова лицом к лицу, когда лица не увидеть. Всё кружилось вокруг: ни глаз не рассмотреть, ни бровью повести, ни руками приобнять. Но она чувствовала его вдохновение, подчиняясь каждому его движению. Есть упоение в танце, когда оба чувствуют соприкосновение и гармонию души. Хорошо, что выдумали

танцы – можно быть при всех наедине. Пока она кружилась и вертелась, как волчок, её всё время преследовала одна и та же строчка его стихотворения, заставляя в мыслях проговаривать весь стих, разделяя его на паузы, так называемые цезуры, и ударные слоги. Какие стройные и предельно ритмически организованные стихи, заглушающие всё вокруг и охватывающие душу и сердце, звучащие в такт музыке:

*Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Это было незабываемое, не сравнимое ни с чем волшебство: слова простой и понятной всякому обычной русской речи сами собой сливались в едином звуке с музыкой, отголоском отзывались в душе, естественно, казалось, без всяких усилий сочетались с вихрем вальса, наполняя зал и танец новой ритмичностью и мелодией.

Как-то Пушкин обмолвился в разговоре: «... Тут посетили меня рифмы, я думал стихами...» Лев Толстой отмечал: «У Пушкина не чувствуешь стиха; несмотря на то, что у него

* Дактиль (от греч. daktulos – палец) – стихотворный размер, трёхсложная стопа с нажимом на первом слоге. Колькі па свеце сходили, / Ператапталі бяды. / Толькі дыханне Радзімы / Кліча здалёку заўжды. (Яўгенія Янішчыц)

** Спондея – дополнительный слог в двух- и трёхсложной поэтической стопе. Дактилическая спондея – дополнительный слог в поэтической стопе.

рифма и размер, чувствуешь, что иначе нельзя сказать». В других же слабых стихах иных поэтов чувствуешь, «что то же самое можно сказать на тысячу различных ладов». Да, да, да, Катерине не раз самой казалось, что данный слог обращён именно к ней, что лучше, явственнее, короче и точнее просто не скажешь. Всего восемь строк, а сколько в них чувств, энергии и смысла! Вечное очарование простоты и величия в любви!

Пять раз «любил», «любовь», «любимой», повелительное «я не хочу», душераздирающее прошедшее «любил», как тут всмотреться в непостижимое уму творчество, когда, говоря словами Пушкина, исходный трепет, поток взволнованных в резкой отваге мыслей о ней обретает смысл и глубину отражения, всю гамму чувств человеческих?! Очарованная творчеством гения поэзии, девушка не чувствовала в танце ног под собой, порхала и вдохновенно краснела от близости с волшебством. И тогда, на балу, к ней подошёл другой юноша, намного моложе своего старшего брата, представившись, пригласил на танец и, стесняясь, скромно произнёс: «Я тоже Пушкин! Разрешите представиться: Лев Пушкин!» И снова был танец, и снова гремела музыка, но не было того очарования, фантазии, волшебства, которые посетили её доселе. Были разочарование, скука, банальность бытия.

Катерина начала сбиваться с ритма, часто наступала на ноги своему *visavi*, путалась в пелеринах, заскучала и сдалась на милость своему партнёру. Он был несносен. После блистательных па с поэтом этот казарменный увалень с железной хваткой и нарочитой улыбкой был нудным и томительным. Она знала, что Лев написал лишь несколько давно забытых стихотворений. Он служил в полку, являлся блестящим гусарским офицером, слыл заводилой и чудачком, умел ловко фехтовать, на светских раутах отлично читал стихи своего старшего брата, рассказывал анекдоты, был весельчаком и выпивохой. Когда-то его старший брат также мечтал о карьере гусарского офицера, но не пошёл по этому пути, а Лев пошёл. Избрал служение Родине как единственно правильное на своём жизненном пути, гусарскую форму,

шпагу и саблю, которая с непривычки иногда мешала вышагивать, сидеть за столом. Всегда готов был постоять за веру, царя и Отечество, что стало главной стезёй в творчестве. Но для Катерины Трефелевой, девушки из высшего общества, этого было катастрофически мало. Она сама писала стихи и любила поэтов. Натура возвышенная и глубокая. Часто бывала в салонах графини Волконской, где любил бывать и её кумир, Александр Сергеевич Пушкин, который в последнее время приводил с собой знакомого незнакомца Адама Мицкевича из исторической Литвы, который читал стихи на польском языке: в это время всем показалось, что будто бы нимб засиял над головой этого новгородского юноши.

Катерина Трефелева, девушка мечтательная, засыпала, положив под подушку томик Пшебышевского, увлечённо зачитывалась романами о благородных разбойниках, перечитав «Разбойников» Шиллера, «Роба Роя» Вальтера Скотта, «Корсара» Байрона. С горем пополам одолев в подлиннике многотомный зарубежный роман о некоем фантазёре, благородном принце с разбойничьими замашками Ринальдо Ринальдини, едва ли не проглотила после выхода в свет роман своего кумира «Дубровский», в котором ей, как и всем девушкам её возраста, нравилась детективная закрученность сюжета в личных отношениях героев, таинственность любовной переписки, знаменитая фраза: «Маша, я Дубровский!». Князь Верецкий в разговоре о творчестве А. С. Пушкина не однажды называл Дубровского «наш Ринальдо», как бы прямо указывая на некоторую зависимость автора от укоренившейся великой европейской литературной традиции.

Да, в танце и в быту это не был тот самый Пушкин. Это был другой Пушкин. Два Пушкиных! Почему же Лев («Разве это львы по гороскопу? Вот я настоящий лев!») не стал таким известным, как его старший брат? В чём, спросим мы, дело? Только ли в особенностях таланта? Или в личном устремлении? В желании? Одержимости? Труде? Настоящей загадкой для современников и историков литературы стало такое резкое несовпадение судьбы Пушкина и его младшего брата Льва Сергеевича. С детства

Лев рос одарённым и смышлённым мальчиком. Как и его старший брат, увлекался сочинительством, рано начал писать стихи. Пётр Андреевич Вяземский, ближайший друг и соратник Александра Сергеевича Пушкина, так высказывался о младшем брате великого творца: «В нём поэтическое чувство было сильно развито... Вкус в деле литературы был верен и строг. Он был остёр и своеобразен в оборотах речи, живой и стремительной». Даже удивительно! Лев рос и воспитывался в тех же условиях, читал те же книги, увлекался теми же играми, мечтал о том же, что и старший брат, а гения из него не получилось. «Пушкин – это наше всё!» Сказать так о младшем брате не только нельзя, но и не позволительно. В чём же дело? Не в том ли, что Лев Пушкин по молодости «разбазаривал» свой талант? Что он вёл неправильный образ жизни? Слыл гулякою, отважным и лихим гусаром, повесой. Но и старший брат Льва Александр не был монахом, вёл образ жизни, далёкий от наставничества, не всегда являясь примером для подражания. Учителя у них были одни, образ жизни оставался весьма похожим, цели жизни также оставались теми же самыми: реализовать себя в творчестве, оставить свой след на земле, верой и правдой служить своему народу и Родине. Лицейский друг Пушкина Кюхельбекер являлся учителем Льва. «Не будь он таким гулякою, таким гусаром коренным или драгуном... – пишет Вяземский, как бы забывая, что и сам Пушкин отнюдь не был схимником (цит. по кн. Вадима Кожинова «Стихи и поэзия», М., 1980), – может быть, и он внёс бы имя своё в летописи нашей литературы. А может быть, задерживала и пугала его слава брата...» Оказывается, чтобы проявить себя в творчестве, да и в любом другом деле, необходимо что-то большее, значимое, эпохальное. «Услышать будущего зов!» Стать вровень с теми великими событиями истории, которые осуществляются на твоих глазах, быть достойным их, понимать их и воспринимать как факты своей собственной биографии. Пропустить через сердце случившееся как нечто своё, единственное. Если мир раскалывается надвое, трещина всегда проходит через сердце поэта. Кажется, это из Гейне.

Почему младший брат Пушкина Лев, который проявлял незаурядные способности и начал творить в ещё «даже в более раннем возрасте, чем его брат», не стал поэтом? Тысячи и тысячи причин? Множество факторов? Тот же В. Кожин, на исследование которого мы ссылаемся, делает парадоксальное, казалось бы, заключение: «На каждый исторический период приходится, вероятно, более или менее равное число людей, способных стать большими поэтами». И далее ещё парадоксальнее: «Но далеко не каждая эпоха является плодотворной почвой поэзии». В подтверждение автор исследования приводит пример вхождения в литературу А. С. Пушкина. Александру Пушкину исполнилось 13 лет, когда над Россией «разразилась» Отечественная война, и 15, когда русские гусары, драгуны «с конскими хвостами» вошли в Париж, а царя Александра II приветствовали как освободителя Европы, о чём свидетельствует доживший до наших дней мост в том же самом Париже, которого, в отличие от Нотр-Дам-де-Пари, за многие десятилетия и столетия не коснулась трагическая участь. «Отсвет этой грозы и этой победы лёг на его ранние стихи и определил первое его серьёзное произведение. Без этого грозного и величественного переживания, поразившего поэта в преддверии юности, он, может быть, не стал бы Пушкиным. А Лев в ту пору был ещё семилетним ребёнком, и его души не коснулось это могучее и высокое переживание» («Воспоминания в Царском Селе»). Несомненно, различие судеб Льва и Александра не может объяснить всего целиком и полностью, но есть в этом замечании что-то существенное и характерное. Для нас, сегодняшних, для любых наших сегодняшних семей, в которых каждый ребёнок – подарок судьбы, плод большой любви, для которого мы делаем всё возможное, чтобы наше «дидятко» состоялось.

Владимир НАУМОВИЧ,

доцент БГУ, кандидат филологических наук, заслуженный работник БГУ, член ОО «Союз писателей Беларуси», председатель приёмной комиссии. Лауреат республиканской литературной премии «Золотой Купидон». Автор свыше 10 книг прозы, монографий, учебников, 250 научных трудов.

МАТУШКА КАЗАНСКАЯ

Если мы внимательно и непредвзято взглянем в историю нашего Отечества, то увидим, что часто бедствия постигали русскую землю за беззакония и охлаждение веры, а великие и славные победы совершались по милости Божией, когда народ приносил покаяние и надежду возлагал на помощь свыше. «Богу молись – от Него победа», – говорил великий полководец Суворов. Не раз в минуты внешней опасности русские люди в едином сердечном порыве обращались с горячей молитвой к Заступнице усердной, и Матерь Божия спасала их от врагов.

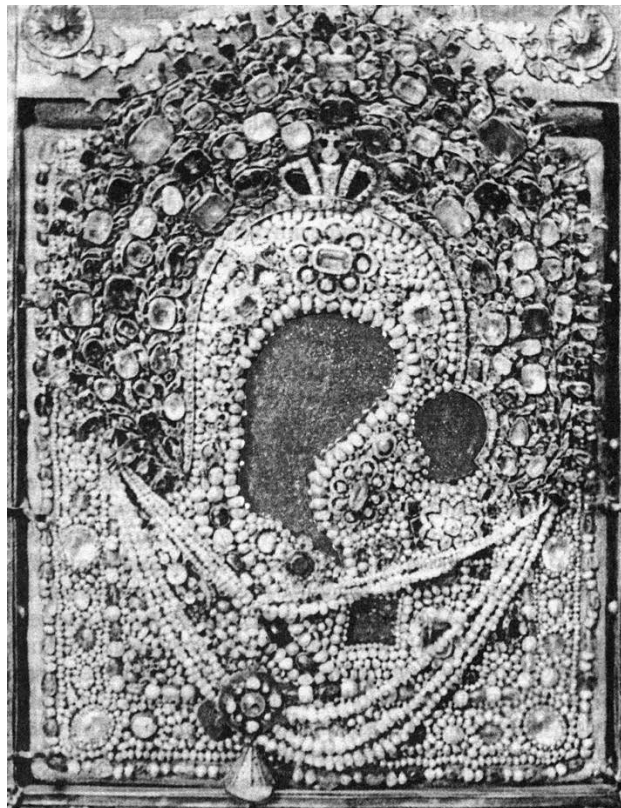
В многочисленных чудотворных образах прославляется на Руси Пречистая Богородица. Но ни одна из икон не имеет такого количества списков, как Казанская. Вся православная Русь свято чтит Казанскую святыню, к ней чаще всего обращают взоры в бедах и болезнях, в честь неё построено множество храмов по всей России.

Казанская икона Божией Матери явилась в городе Казани через 25 лет после завоевания татарского ханства Иваном Грозным. Трудно шло дело проповеди Евангелия среди мусуль-

ман и язычников. И Пресвятая Богородица, покровительница проповедников Слова Божия, не замедлила послать Свою помощь. После опустошительного пожара вместе с другими погорельцами строил новый дом стрелец Даниил Онучин. Его девятилетней дочери Матроне явилась в сонном видении Богоматерь и повелела достать из земли Её икону, ещё при господстве мусульман зарытую на месте сгоревшего дома тайными исповедниками православия. Девочка сначала никому не решилась открыть своего

сна; после второго явления Богородицы поведала о нём матери, но та не придавала значения рассказу ребёнка. Третье видение было грозным – от иконы Пресвятой Владычицы исходило пламя и был голос: «Если ты не поведаетшь глаголов Моих, то я явлюсь в другом месте, а ты погибнешь». На сей раз мать пошла с Матроной к воеводам и архиепископу Иеремии, но никто не хотел верить детским снам. Женщина сама взяла заступ и начала рыть в указанном дочерью месте, но ничего не нашла, поиски других тоже были безуспешны. Тогда девочка сама откопала сияющую чудным светом икону Божией Матери, завернутую в рукав полуистлевшей одежды, но без малейшей порчи, будто свеженаписанную. Священник ближайшего храма, будущий Патриарх Московский Ермоген, в сопровождении крестного хода на руках отнёс икону в свой храм, а затем в Благовещенский собор. При этом произошло множество исцелений, особенно слепых. Обретённая икона, как оказалось впоследствии, была копией Влахернского образа, написанного святым евангелистом Лукой. Царь Иоанн Грозный, получив известие о чудесном явлении иконы и списков с неё, повелел на месте обретения построить храм во имя Пресвятой Богородицы и основать женский монастырь, прислав на сооружение церкви значительную сумму из собственных доходов и определив выдавать деньги на содержание священнослужителей, игуменьи и сорока сестёр. Обретшая икону девица Матрона стала первой инокиней, а затем настоятельницей нового Богородицкого девичьего монастыря. В 1594 году здесь заложили обширный собор для пребывания Казанской иконы, в обитель делались богатые вклады, чудотворный образ был обложен царскими дарами – золотом, драгоценными камнями, жемчугом. Спустя два века, в 1768 году, императрица Екатерина II подарила Казанской новую ризу, главным украшением которой стала её бриллиантовая корона, снятая с себя земной властительницей ради Царицы Небесной. Чудесное явление образа вспоминается 21 (8 ст. ст.) июля.

Небольшая икона, обретённая на иноверной окраине Российского царства, стала вскоре

всенародной святыней, знаком особого покровительства Богородицы нашей земле. Много раз «Матушка Казанская» спасала Русь и указывала путь к победе русским православным воинам.

В Смутное время, когда поляки заняли Москву, убивали жителей, грабили и жгли храмы и глумились над святынями, русский народ по призыву священномученика Патриарха Ермогена встал на защиту Родины. В ополчение, которое возглавил князь Дмитрий Пожарский, протопот Благовещенского собора Казани привёз чудотворный список с явленного образа Казанской иконы Богородицы. Зная, что бедствие попущено за грехи, весь народ наложил на себя трёхдневный пост и с молитвой обратился к Господу и Его Пречистой Матери. В осаждённом Кремле находился в то время в плену у поляков греческий архиепископ Арсений. Ночью ему явился преподобный Сергей Радонежский и сказал: «Арсений, наши молитвы услышаны; предстательством Богородицы суд Божий об Отечестве преложен на милость; завтра Москва будет в руках осаждающих и Россия спасена». Воодушевлённые этим известием, русские войска 22 октября (4 ноября нов. ст.) 1612 года освободили столицу.

По изгнании врагов князь исполнил данный им обет: в 1633 году построил на Красной площади церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, где поставил защитивший Москву образ. После революции, в 1918 году, в Москве начались кражи икон из храмов. Из собора на Красной площади была похищена и московская Казанская икона Божией Матери. В храме остался почитаемый список, сделанный в XVII веке. Сейчас этот чудотворный образ, ставший одной из главных святынь Москвы, находится в Богоявленском Патриаршем Елоховском соборе.

Чудотворная Казанская икона Божией Матери – главная святыня Санкт-Петербурга. Этим образом святитель Митрофаний Воронежский благословил Петра I при основании Северной столицы, сказав пророческие слова: икона станет «покровом города и всего народа твоего». В 1811 году она была поставлена в построенном специально для неё Казанском соборе. Ко дню освящения храма чудотворный образ Казанской Божией Матери был украшен окладом из чистого золота с драгоценными камнями и жемчугом. В 1812 году М. И. Кутузов молился перед образом о победе над французами; после окончания войны полководец поднёс этой иконе серебро, захваченное у французов.

В 1932 году, после закрытия Казанского собора и размещения в его стенах атеистического музея, икону передали в Спасо-Успенский собор, затем в Андреевский, а после его закрытия – в Смоленский храм на Смоленском кладбище, захваченный тогда обновленцами. Когда наступило время закрытия и Смоленского храма, случилось чудо – в августе 1940 года, когда все храмовые иконы были приговорены к уничтожению, чудотворную Казанскую икону Божией Матери передали в кафедральный Князь-Владимирский собор. Историки отмечают, что перенесение Казанской иконы после стольких лет «обновленческого плена» в собор Ленинградской митрополии остаётся беспрецедентным случаем для того времени. Все 900 дней блокады Князь-Владимирский собор с хранившейся в нём чудотворной Казанской иконой Божией Матери составлял одну из главных духовных твердынь осаждённого

города. Несмотря на блокаду, голод, отсутствие транспорта, богослужения в храме не прерывались ни на один день. После возвращения Церкви Казанского собора в июне 2001 года чудотворная икона вернулась в него.

Явленная же икона Казанской Божией Матери в 1904 году бесследно исчезла при ограблении Богородицкого женского монастыря в Казани; сохранилась лишь древняя точная копия с первообраза. Самый ранний из известных списков с чудотворного образа Богоматери Казанской (1606 г.) хранится в Третьяковской галерее.

7 апреля 2011 года космический корабль «Юрий Гагарин» доставил икону Казанской Божией Матери на Международную космическую станцию. Образ хранится в её российском сегменте. Вручая икону космонавтам после литургии в храме Христа Спасителя, Патриарх Кирилл сказал: «Пусть над нашим мятущимся, раздираемым противоречиями миром, в котором так много скорби и человеческого горя, простирается Покров Пречистой Царицы Небесной. В этом смысле российские космонавты, помимо своих очень сложных и важных профессиональных обязанностей, будут осуществлять и некую духовную миссию».

«ВЕЛИКАЯ ГОСТЬЯ». ВЫШЕНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Чудотворная Вышенская икона Богородицы – точная копия Казанской иконы – была особенно чтимой святыней Тамбовской епархии. О начале прославления этого образа сохранилось местное предание. Святая икона Казанской Божией Матери, украшенная золотым крестом-мощевиком, была родовой – ею родители благословили на брак московскую дворянку Марию Ивановну, в замужестве Аденкову. Через несколько лет её муж, богатый дворянин, умер, и молодая вдова поступила в Московский Зачатьевский Алексеевский монастырь, где прожила на положении простой послушницы-белицы более 20 лет. В 1812 году, спасаясь от французского нашествия, послушница Мария решила уехать в Тамбовский Вознесенский девичий монастырь. Торопясь с выездом

и покинув своё имущество в обители, Мария не рассталась лишь с родительским благословением – Казанской иконой Божией Матери. Дорогою извозчик, пользуясь кажущейся беззащитностью женщины, задумал ограбить и убить её и, уловив удобный момент, свернул с дороги в лес. Проникнув в его злое намерение, Мария обратилась с горячей молитвой о спасении к Богоматери и услышала голос, исходящий от иконы: «Не бойся! Я твоя Заступница». И тут же извозчик ослеп. Видя в этом карающую десницу Божию, он покаялся перед Марией Ивановной и попросил её помолиться об исцелении, дав при этом обещание целой и невредимой привезти её в монастырь. После их совместной молитвы перед иконой Божией Матери ямщик прозрел и с чувством глубокой благодарности к Богу благополучно довёз послушницу до монастыря.

Благополучно прибыв в Тамбов, Мария определилась в Тамбовский Вознесенский женский монастырь, где в 1816 году приняла постриг с именем Миропия. Её монастырским послушанием была починка риз. Чудотворную икону она поставила в келье и ежедневно читала перед ней акафисты. Незадолго до смерти монахиня Миропия размышляла, кому передать свою святыню, и решила оставить её своей

племяннице, которая вместе с ней подвизалась в монастыре. Однако в феврале 1827 года молодая инокиня внезапно скончалась. Вскоре Сама Богоматерь явилась Миропии в сонном видении и повелела отдать икону на вечные времена в Шацкую Вышенскую пустынь (место будущих подвигов свт. Феофана Затворника). Там образ прославился многими дивными знамениями и чудесами. Иногда ночью видели чудный свет, исходивший от иконы. Но особенно усилилось её почитание в 1861 году, когда она остановила эпидемию холеры в г. Моршанске, а через 10 лет по молитвам перед ней прекратился такой же мор в Тамбове. Для вышенской святыни соорудили киот из чистого серебра и украсили её золотой ризой, усыпанной драгоценными камнями. А на могиле монахини Миропии в Вознесенском монастыре вышенский настоятель в 1892 году устроил памятник в виде кувуклии с неугасимой лампадой.

Почитание иконы было настолько велико, что ежегодно целых восемь месяцев чудотворный образ с крестными ходами носили по городам и селениям Тамбовской губернии. Крестный ход прошёл через шесть городов, три монастыря, более ста сёл и несколько имений, оставаясь в местах остановок от нескольких часов до месяца. Некоторые богомольцы по обету шли «от Выши до Выши», то есть проделывали весь многомесячный путь от ухода из монастыря до возвращения.

Прибытие «Великой Гостьи» повсеместно превращалось в подлинное духовное торжество. К примеру, вот как очевидцы описывали встречу вышенской святыни жителями горо-

да Моршанска. Стечение народа как по всему пути, так и при встрече иконы в городе было очень большим. Её встречали у реки Кашмы, за чертой города. Иногда крестный ход по разным причинам задерживался (непогода, бездорожье и т. д.), и тогда особо благочестивые люди, бросив все домашние дела, один-два дня проводили в лесу. Обычно те, кто шёл встречать её сюда, брали с собой еду, тёплые одеяла, чтобы спать на земле. Людей собиралось очень много, женщины даже с маленькими детьми. Без перерыва соборный хор пел тропарь Казанской иконе Божией Матери «Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго», читали акафисты. К месту встречи почти все приходы командировали своих священников. Кроме них и мирян здесь присутствовало множество монашествующих. Среди травы на аналоях стояли образа, перед которыми горели лампы и время от времени возжигали свечи. О приближении иконы узнавали от посланных вперёд богомольцев. Сразу же давался знак звонарю Кочетовской церкви, который начинал бить в колокола. Радостный праздничный перезвон подхватывали по цепочке звонницы всех городских храмов (звонари в это время дежурили на колокольнях), и над Моршанском начинался непрерывающийся радостный благовест. Жители оставляли свои домашние дела и спешили в Заречную слободу к Александро-Невской церкви. От неё шёл крестный ход с хоругвями, хором и с настоятелем в полном облачении во главе. Встречались обе процессии обычно там же, у реки Кашмы. Вышенскую икону в особом киоте несли монахи, все как на подбор очень высокого роста и крепкого телосложения. Их также окружала большая толпа богомольцев.

Соединившись общим крестным ходом, все шли к Александро-Невской церкви. Здесь образ уже ожидало почти всё священство города. Число встречающих во много десятков раз превышало вместимость маленькой церкви. Чудотворную икону вносили внутрь, и благовест прекращался. Если она оставалась здесь на ночь, то храм не закрывали – люди, днём занятые на работах, шли к ней до рассвета. Утром, также крестным ходом, под благовест, священ-

ники, духовенство, певчие, высокопоставленные лица и многочисленные верующие Моршанска под стройное пение сводного хора нескольких церквей препровождали «Великую Госпожу» в главный храм города – Свято-Троицкий собор. По пути её проносили над головами верующих. У собора образ с хоругвями встречала толпа в несколько десятков тысяч человек. Верующими была заполнена не только огромная соборная площадь, но нередко и прилегающие к ней улицы. За ночь в город подтягивалось огромное количество крестьян из окрестных сёл. Здесь же находились городской голова, дворянство, чиновники и купцы. Соблюдать порядок помогала полиция. В соборе совершалось всенощное бдение с чтением акафиста Пресвятой Богородице, а затем начиналось лобзание иконы и елеопомазание. На другой день совершалась Божественная литургия.

Для охранения города от болезней и различных напастей образ обносили вокруг него, затем переносили (заходя по пути в старый Софийский собор и Вознесенскую церковь) в Казанскую часовню на торговой площади, с аналоя убрали копию, находящуюся тут круглый год, и водружали Саму «Великую Госпожу». Как правило, здесь она ночевала, возвращаясь далеко за полночь, путешествуя с молебнами из дома в дом.

Шествие иконы по Моршанску было весьма торжественным. Медленно ехала открытая бричка, в которой была установлена икона в красивой ажурной ризе. На ризе висел золотой крест. Монахи ехали в другой повозке, рядом шли богомольцы и странники, пели тропари, молитвы. В каждом приходе, по заранее проведённой записи и установленной очерёдности,

служились молебны на дому. Икону заносили практически во все дома. К этому дню хозяева наводили порядок, в красном углу под образами устанавливали стол, покрытый скатертью, приготавливали свечи и воду. Вместе с монахами приходили певчие, псаломщики местной церкви, священство. При входе в дом каждая хозяйка давала монахам по новому красивому полотенцу – «икону протирать». Сам молебен был кратким – минут 15; домочадцев помазывали освящённым маслом от иконы и кропили жилище святой водой. Во время молебна окна в доме открывали, чтобы могли молиться люди, стоящие на улице. Огарки свечей после молебствия хранились в доме как святыня. Молебны в домах служили и ночью. Люди стояли возле домов в кромешной тьме с зажжёнными свечами в руках и пели тропарь «Заступница усердная...». Монахи, державшие икону в руках, сменяли друг друга. Многие верующие провожали Заступницу от дома к дому. И так с раннего утра до глубокой ночи, с перерывом в назначенное время для установки иконы к поклонению в приходском храме. За десять с небольшим дней пребывания в Моршанске святыня успевала побывать и в богатых домах купцов, и у самых бедных прихожан, и вне очереди отслужить молебен у себя дома было практически невозможно, независимо от положения в обществе.

После революции, когда в Тамбовской области начались крестьянские восстания, ЧК и отряды латышских стрелков действовали здесь с особой жестокостью. В книге историка С. П. Мельгунова «Красный террор в России. 1918–1923» приводится поразительное свидетельство беззаветной народной любви к вышенской святыне. Осенью 1918 года во время одного из крестных ходов в Шацком районе чекисты разогнали людей, арестовали священников, а чудотворную икону конфисковали. Крестьяне узнали о глумлении, произведённом в ЧК над иконой – «плевали, шваркали по полу», – и пошли «стеной выручать Божью Матерь». По ним начали стрелять. Очевидец рассказывал: «Я солдат, был во многих боях с германцами, но такого я не видел. Пулемёт косит по рядам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по ра-

ненным лезут напролом, матери – детей вперёд, кричат: "Матушка Заступница, спаси и помилуй, все за Тебя ляжем!" Страха уже в них не было никакого». Эта самоотверженность поколебала даже палачей, они сорвали с образа драгоценную ризу, а саму икону бросили верующим.

Образ был передан заштатному священнику Василию Яковлеву из села Шаморга и много лет бережно и тайно хранился в его семье. В 1946 году отец Василий был назначен служить в храм в честь преподобного Сергия Радонежского, открытый после войны, – в селе Эммануиловка Шацкого района Рязанской области. По просьбе прихожан после долгих колебаний он принёс святую икону в церковь. (В этом же храме с 1988 по 2002 г. пребывали и мощи свт. Феофана Затворника, теперь возвращённые в Вышенскую обитель.) В 50-е годы драгоценная святыня была украшена новой позолоченной ризой, изготовленной в Москве на деньги жителей окрестных деревень.

Разорённый в 1920 году Свято-Успенский Вышенский монастырь был возрождён как женский в 1990 году. В мае 1999 года в обитель была передана дореволюционная копия с чудотворной иконы Божией Матери Казанской Вышенской, которую в советские годы хранили у себя монахини. По их свидетельству, когда стали открывать храмы и монастыри, они долго молились, чтобы Матерь Божия указала им место, где должно пребывать Её образу. После чтения акафиста трижды выпал жребий «на Вышу», что было воспринято как воля Самой Царицы Небесной.

В 2001 году впервые за долгие годы по тамбовской земле вновь прошёл крестный ход с Вышенской иконой, а в 2004 году Святейший Патриарх Алексий II благословил возродить ежегодное принесение чудотворного образа в Тамбов.

В 2014 году состоялось долгожданное событие – в родную обитель вернулась подлинная икона Божией Матери Казанская Вышенская, которая до революции была главной монастырской святыней. 20 июля, накануне праздника Вышенской иконы, чудотворный образ был торжественно перенесён крестным ходом из храма села Эммануиловка в Вышенский монастырь.

Татьяна НИКИТИНА

Елена СВЕЧНИКОВА

Родилась в 1973 году в Москве. Минчанка, гражданка Беларуси. Окончила Белорусский государственный университет культуры и искусств (2002), Белорусскую государственную академию искусств (2018).

Е. В. Свечникова – режиссёр драматического театра, преподаватель театральных дисциплин, графический дизайнер. Кандидат культурологии, бакалавр искусств, исследователь антиутопии. В настоящее время пишет сценарии, делает раскадровки, снимается в кино.

Е. В. Свечникова – член Союза писателей Беларуси, бард. Публикуется с начала 90-х годов в российской, белорусской, литовской периодике как поэт, журналист, литературный критик и переводчик с литовского и белорусского.

Опубликованы книги: «Поэтика пародии и не только...», «Слова», «e2», «Волшебная книга» (иллюстрирована автором). Список научных публикаций автора насчитывает 40 статей и докладов по проблемам культурологии, литературоведения, философии и дизайна.

Наша эпоха

* * *

* * *

Наша эпоха не хуже других, несомненно:
Солнце на месте, и море присутствует... где-то.
Правда, поэты практически загнаны в гетто.
Непоэтический сок по эпохе течёт внутривенно.
Всюду война. Ах, не всюду? Ну, значит, почти что.
В теле зима – пожирает суставы и душу.
Вроде уже замерзаю – а вот поди ж ты! –
Тонким росточком проклюнулось сердце наружу.

* * *

Поменялись имена, времена.
На губах горчит, как слово, страна.
Заросли, стянулись старые рвы.
Спелый ветер носит семя травы.
Что посеешь – звонкий нечет ли, чёт?
Что немое бытие изречёт?

День пира чумы – день пирров.
Он бьёт, как в глаза – прибой.
Господь, защити от мира,
Придуманного тобой.

Пророчески-лапидарный,
Заблудший плывёт ковчег.
Отобранные попарно,
Шагнём в двадцать первый век.

Попарно завяжут лица,
Попарно взойдём на сход-
Ни. Долгая вереница
Попарно пойдёт в расход.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

(стилизация)

Левой-правой, левой-правой –
Полк идёт на переправу.
Запевала – хлопец бравый,
Эхо – в берега.
Кони в стойлах застоялись,
Сабли в ножнах залежались.
Одолеем супостата – и вся недолга!

То храним, что сердцу свято:
Вспоминается солдату
Вишня белая у хаты,
Родной порог.
Зачертнём живой водицы,
Отстоим свою землю,
Одолеем вражье племя –
Поможет Бог!

Как вернёмся, сядем чинно:
Выпить чарку есть причина.
Лишь бы славная отчизна
Всегда цвела!
Отобьём врагов атаки,
Ведь на то мы и казаки,
Одолеем супостата – и все дела!

* * *

Когда толпу ведут слепые
И мрак разлит по всей стране,
Одни поэты и святые
Идут во тьме, как по струне.
Они сейчас канатоходцы,
Без орденов и без имён.
Они по духу иноходцы
Иных дорог, иных времён!
Поэт не совпадает с веком.
Его земное ремесло –
Быть человеку ... человеком
И отвечать добром на зло.

* * *

Неклассический роман
На краю тысячелетия...
Вихрем пепельным лепечут,
Осыпаясь, лепестки.
Это дерево как память...
Это дерево для встречи
Двух влюблённых,
Осенённых
Тенью осени слепой.
Я тебя пока не вижу...
Я тебя, увы, не встречу...
Я тебя люблю почти что...
Неклассический роман.

* * *

Мир состоит из мелочей:
Зелёный чай, трава-отрава,
Твой спор неспорый и неправый,
Мой взгляд упрямый и усталый,
Мой двор, а впрочем, он ничей.
Мир понимает нас насквозь.
Зачем так жадно мы искали
Любви краеугольный камень?
Край найден, угол есть... И Кали,
Ревнуя Шиву, сеет рознь.
Буквооборот ночных светил.
Мир – текст? Короткая ремарка!
Он – спичка, чиркнувшая ярко.
И незаслуженной подарка
Не знаю. Кто его просил?

* * *

Ты – моё лето,
Втайне и вчерне,
Эскиз судьбы.
Ты – моя Лета:
В тебе умираю ежевечерне.
Если б негордой была – позвонила бы.
Но вспоминаю... И ночь погибает первой.
Кто не любил – блажен: избегает он
Боли ненужной. Мне же – иные яства:
Пишу, как пейзаж Ватерлоо – Наполеон,
Нашу войну миров на поляне ясной.

* * *

Есть в тайнике, как в сундуке,
Одно неловкое касанье,
Одно нелепое свиданье
На сонном летнем ветерке.

Мы капля солнца в янтаре,
Мы зарифмованные взгляды.
Мы никогда не будем рядом –
Ни в августе, ни в январе.

Всё неслучившееся в нас
Окаменеет безнадёжно.
Мы были слишком осторожны,
И от разлуки Бог не спас.

* * *

Над хрупким настом – гулкий голос стужи.

Ты скомкан, перечёркнут и ненужен,
Как лист, как слово, словно человек,

Которого недавно так любили – «навек»!
Но чувства выцвели, и мается тщета
Под мёртвым взглядом пыльного креста.

По камешку – созвездия скользят,
По крошке осыпаются кометы.
А я ломаю плитками сонеты,
Как мятно-терпкий чёрный шоколад.
И, прозу дней в двустушиях кляня,
Свою ломаю жизнь, а жизнь – меня.

* * *

Все под кесарем ходим: он ближе и
к четвероногим
Благосклонней. Чудес не творит –
и без них хорошо.
Дураки ли торили дороги иль дело
в обычаях строгих,
Но убоги пути, и мессия до нас не дошёл.

Вот и некому мёртвых тревожить: вставай,
мол, и шествуй –

И связать узелком Ариаднину лёгкую нить,
Иль изгнать всех... свиней из людей –

по единому жесту,
Обратить в самогонку нарзан или
смерть отменить.

Распадаются атомы, идолы, горы и годы,
Обветшали заветы и мантии горних светил.
Уж две тысячи лет мы глядим
на кремнистые воды,

Ожидая прихода.
А странник свой дом позабыл.

* * *

Господи, здравствуй! Моя икебана – тебе.
Да и тебе за пейзажи и лица спасибо.
Те, что добры, те по-своему даже красивы...
Прочие старятся в междоусобной борьбе.

Господи, здравствуй! Престол на Земле
охладел.
Мир безнадёжен, ведь он без надежды
оставлен.
Он, как беззубые избы с проломами
старческих ставен,
Смотрит, дичая, на опустошённый надел.

Мир покосился иль это кривые кресты
Здесь нарушают суровый закон перспективы?
Древо познания с неспелой альтернативой
Машет рукой и в ослепшее небо грустит.

* * *

Кумиров нет. Опоры нет уму.
И нет эпохи – ласковой отчизны.
Мы все – слова, летящие во тьму,
Простые существительные жизни.

Живи за нас...

– Доченька, просыпайся, Рыжуху пора доить да в лес гнать – светает уже. – Мамины руки гладили спутанные во сне волосы дочки, нежно прикасались к её тёплым щёчкам, стараясь не напугать свою младшенькую, прерывая такой сладкий утренний сон четырнадцатилетней девочки.

А Галинка плескалась в речке. Ласковая тёплая водичка нежно гладила её тело, солнечные лучики шаловливо перебирали своими длинными тонкими пальчиками волосы и заплетали их в толстую русую косу, которая скользкой змейкой вилась за ней по течению. В прибрежной зелёной траве стрекотали на своих скрипачках кузнечики, а сине-зелёные стрекозы медленно кружились в бесшумном вальсе над самой водой...

Но что-то тревожило девочку, мешало её невозможному счастью. Длинные ресницы дрогнули – и детское блаженство закончилось. Она потянулась всем своим худеньким тельцем так сладко, что у матери дрогнуло сердце...

«Ой, к добру ли? – невольно подумала она, прислушиваясь к каждому шороху во дворе. – Ивана с Анютой что-то долго нет. Давно пора вернуться бы...»

– Пошла я, мама, Рыжуху доить, а потом в лес с ней. Я быстренько, не волнуйся, – голосок Галинки прервал тревожные думы Анны, и она только кивнула головой вслед дочке, безмолвно перекрестив её.

Семья Симаковых переехала в Беларусь лет десять тому назад. Сёстры Анны Тимофеевны звали её к себе.

«Работа в колхозе есть, дом вам всем селом за недельку соорудим, и будете жить не тужить. У Ивана твоего руки золотые – никакой работы не боится, а инвалидность его делу не помеха – найдёт в селе работу по своим силам, как-никак, а копейка в семье не помеха. Да и сын Петя уже парень взрослый – отцу помощник. Соскучились мы без вас», – писали Anne сёстры Василина, Надежда да Ольга, будто сговорившись.

Долгими бессонными ночами, когда их четверо детей сладко спали, Анна с мужем Иваном перечитывали каждую строчку вновь полученного письма, обсуждали каждое словечко, стараясь принять правильное решение. Голодно было в их семье, как, впрочем, и в остальных семьях их маленького села, затерявшегося в глухой сибирской тайге со времён староверских скитов. Будущее детей волновало их, не давало покоя ни днём, ни ночью. И решились, переехали.

Деревня Жуки приняла их по-разному: семьи сестёр да их друзей шумно отметили это событие, односельчане здоровались, заговаривали, встречая их на улицах села, некоторые настороженно приглядывались: не бросаться же на шею первым встречным. Жизнь постепенно налаживалась. Дом построили на краю деревни. За ним было колхозное поле, Анна работала там в полеводческой бригаде. Иван устроился колхозным пастухом, а зимой работал на ферме – подвозил корма, собирал по хуторам излишки молока для переработки. Старшие дети, дочь Аня и сын Петя, учились в школе, младшие девочки, Валентинка да Галинка, были при матери – помогали по дому. Так незаметно пролетело десять лет. Шёл 1941 год...

В один день Аня и Петя получали документы об образовании: Аня – диплом медсестры, Петя – аттестат о среднем образовании. В доме было шумно, весело, празднично. Накануне съездили всей семьёй в район, чтобы приодеть выпускников, купить обновки младшим да и себя побаловать немножко. Дочь Анна, проводив родителей, брата и младших сестёр, побежала к себе в общежитие прихорашиваться к празднику, а утром семья ждала её дома, чтобы поздравить с началом взрослой жизни: Анна была направлена в их Жуки фельдшером. Вся семья гордилась ею, сельчане уважительно здоровались с девушкой, ласково называли доктором и частенько обращались за помощью даже в годы её учёбы в медучилище. Как было родителям не гордиться! Одно тревожило Анну с Иваном, как и их односельчан, – разговоры о войне: горела Польша, без сопротивления сдались Норвегия, Швеция, Австрия, Франция, Италия, Испания... Гитлеровская Германия торжествовала... Холодело сердце от одной только мысли, что Гитлер, покорив Западную Европу, двинет свои войска на Восток...

Село Жуки, как и весь Советский Союз, чествовало своих детей – выпускников 1941 года... А утром страшная весть ворвалась

Алла ЕРМАК

Минск, Беларусь.

Член МАПП – Международной ассоциации писателей и публицистов, корректор Международного альманаха «Созвездие» (Беларусь). Публикации в международных альманахах: «Ступени» и «Vingis» (Литва), «Сзвездие» (Беларусь), «Oceanus Sarmaticus» «Покрова» (Каунас, Литва); в сборниках стихов: «Связующее слово» (Россия), «Три желания» (Россия), «Память храним». Автор сборника стихов «Дорога в осень» (2018). Номинант премии «Поэт года – 2017» и дипломант премии «Поэт года – 2018» с награждением медалью «Владимир Маяковский. 125 лет»; победитель (диплом 1-й степени) Международного конкурса «Мзинские мосты» (Россия) в номинации «Проза», Международного конкурса «Созвездие духовности», номинация «Проза» (Киев, 2019).

в каждую семью, в каждое сердце советского человека... Рухнули все мечты и планы, связанные с будущим детей, – не о себе думали в тот страшный час родители... Война... С воём и скрежетом ворвалась она в каждый дом... И уже несколько часов горел пограничный Брест, истекала кровью Брестская крепость, и полчища фашистов шли к Минску...

Дочь Анна вернулась домой на третий день войны, изменившаяся до неузнаваемости: твёрдо сжатые губы, горькая складка между бровями, коротко стриженные волосы и солдатская гимнастёрка сделали её взрослее лет на десять. Мать тихо опустила на табуретку, зажала ладошкой рот, чтобы не реветь в голос, и во все глаза смотрела на дочку молящим взглядом...

– Когда? – выдохнуло её сердце...

– Переночую, – тихо ответила Анна, – и в военкомат. А там и на фронт, в госпиталь. Не могла иначе, я ведь медик.

Отец дрожащими пальцами зажгёт папиросу и вышел из избы... Вечером вся семья сидела за столом, ждали только Петю. Он вернулся поздно, злой и взъерошенный: ему отказали в военкомате – восемнадцать только через полгода.

Провожать Анну утром вышла вся семья. Младшие девочки, Галинка и Валюша, жались к старшей сестре и ревели в голос, отец курил папиросу за папиросой, мать вытирала бегущие слёзы. Петра не было с ними – он ушёл ночью... Так рухнула их надежда на тихое семейное счастье. И началась новая жизнь, полная тревог, страха, ожидания...

Был на исходе второй год войны. Ко всему привыкает человек, со всеми невзгодами может стерпеться, ко всем бедам и тяготам может привыкнуть, но как привыкнуть матери к неизвестности о судьбах своих детей? Письма от Анны приходили редко. Писала она скупой: жива, здорова – и мать была счастлива. Всем показывала её коротенькие письма, делилась своим материнским счастьем. А от сыночка получила она только одно письмо. Писал он, что взяли его на краткосрочные курсы танкистов. Окончит – и на фронт. Скоро вот уже два

года, как нет от него весточки... Без сна лежала она длинными ночами, перебирала в памяти всю коротенькую жизнь Петечки своего, скупой молилась за него перед образами...

Как-то под вечер зашли к ним во двор мужики-односельчане. Велели Анне мужа позвать. Долго не расходились, курили да разговаривали за дровником. Вернулся Иван в дом повеселевший да помолодевший.

– Ты вот что, Анна, собери-ка мне кое-какой еды денька на два, да не жалей, не к чужим пойду. Да полотенец чистых положи, простыней дай.

– Это куда ж ты собрался, дурень старый? – запричитала Анна. – Никак в лес, к партизанам? Мало им всё! И так подчистую выметают всё из домов по ночам, теперь вот и тебя, дурака старого, прихомутировать решили...

Её возмущению не было предела. Слухи о партизанах в дальнем лесу упорно ходили по селу, и вот уже месяца три назад они стали навеваться по ночам. Баньку просили истопить, раненого подлечить, харчей дать...

– Не твоего ума дело, – шикнул на жену Иван. – Делай что велено, с зарёй выходить – путь неблизкий.

На рассвете прощались, как навсегда. Анна не голосила. Обняв мужа за шею, прильнула к нему всем телом и застыла, как изваяние: ни вздоха, ни слезинки, ни словечка. Только сердце её тревожно щемило, предчувствуя беду...

– Ты вот что, Анюта, – сказал Иван, – Рыжуху нашу после дойки в осинник за речкой прячь от греха подальше. Это мы с тобой на отшибе живём, и всё пока тихо. А в селе полицаи зверствуют из Заборья, всё из хлевов выметают фашистам на стол, подлюги.

– Да Бог с тобой, Ваня, вернёшься – и займёмся с тобой коровой да поросятами. Береги себя!

Иван неловко, как на первом свидании, обнял жену и поцеловал её в щёку... Через пару минут его силуэт растаял в тумане осеннего утра.

...Галинка отрезала кусочек хлеба, посыпала его солью, как Рыжуха любила, подхватила подойник и вышла на крыльцо. Утро

только начиналось. Первые лучи солнца едва пробивались сквозь туман над рекой. Была та удивительная пора, когда лето ещё не ушло, а осень не вступила в свои права. Верхушки берёз были вызолочены предрассветным солнцем и горели, как свечи. Пышные шапки георгин уже поникли, зато хризантемы горделиво держали свои головки, весело выглядывая сквозь забор. Утренняя свежесть стряхнула остатки сна, и Галинка, подойдя к сараю, вдруг подумала, что, вернувшись домой, соберёт букет из последних осенних цветов и подарит маме...

Первые капли парного молока звонко ударили о дно подойника. Рыжуха стояла тихо, мирно жуя любимый хлеб с солью. Молоко пенилось в ведёрке, и девочка радовалась, что его сегодня больше, чем вчера. Вдруг до её слуха донеслись крики и чужая речь.

«Где это? Что случилось?» – не успела подумать она, как дверь сарая резко распахнулась, и в проёме девочка отчётливо увидела фигуру солдата с автоматом наперевес.

– О, млеко, гут, гут! – зачастил он, протягивая руку к подойнику.

Галинка, не отдавая себе отчёта, что она делает, рванула ручку ведёрка на себя. Фашист, не ожидавший такой реакции девчушки, отпустил руку, и молоко вылилось на засыпанный сеном настил сарая. Секунду они так и стояли друг против друга: четырнадцатилетняя девочка в луже парного молока и взрослый дебелий мужик с автоматом на груди... Во дворе раздался отчаянный крик Анны:

– Беги в лес, доченька! Не тронь меня, гад! Не смей!

Услышав её голос, в хлеву отчаянно замычала корова. Солдат сорвал автомат с груди и дал длинную очередь. Рыжуха, подогнув передние ноги, тяжело завалилась на бок и жалобно замычала. Глазами, полными ужаса, Галинка смотрела то на солдата, то на корову и понимала, что вот она, война, пришла, не спросив, в их дом, и ей впервые за эти два года стало по-настоящему страшно. Ноги были ватными, в глазах поплыли чёрные круги, и, теряя сознание, она услышала противный визгливый голос солдата:

– Вставайте, маленькая дрянь!

Галинку он вытащил из сарая за косу. Её лицо, перемазанное навозом, моталось по траве из стороны в сторону. Крикнув что-то другому солдату, он потащил девочку к колодцу и вылил на неё ведро воды...

Всех сельчан согнали на площадь к бывшему сельсовету и велели построиться в два ряда. Все молчали. Слух о том, что случилось в хате Симачовых, уже разнёсся по селу. Подъехала крытая машина. Из неё выпрыгнули солдаты. Они оцепили построившихся людей и ждали команды. Сельчане не понимали, в чём их вина, что привело группу карателей в их деревню. Но все знали, что война, кровавая, жестокая и вездесущая, заглянула им в глаза... Галинка стояла рядом с бабушкой Леной, старейшей одинокой жительницей села.

– Обопрись, девонька, о меня – легче будет. И не бойся их, гадов...

Солнце уже было над головами, а люди всё стояли на площади, не понимая, в чём их вина. Наконец подкатил чёрный лимузин. Из него вышел высокий, как жердь, офицер. Рядом с ним пристроился переводчик, по-собачьи преданно заглядывая ему в глаза. Офицер что-то буркнул ему, и переводчик бросился к крытой брезентом машине. Солдаты, забравшись в кузов, выбросили на землю два окровавленных мешка и вытащили из них двух мужчин. Руки их были скручены колючей проволокой, лица избиты до неузнаваемости, рваная одежда висела клочьями. Их пытались поставить на ноги, но они тут же падали. Офицер подошёл к переводчику. Отрывисто прозвучала команда. Переводчик заговорил:

– Эти двое были пойманы ночью у реки, они шли из леса. Это партизаны. Один из них ранен. Старик помогал ему идти. Мы знаем, что в лесу орудуют партизаны. Два эшелона с боеприпасами пущены под откос. И эти люди должны ответить за это. Если вы не скажете, кто они, все будут расстреляны, все до одного. А теперь будем стрелять каждого пятого. Ты, – ткнул он хлыстом в пожилого мужчину. – Иди смотреть. Знаешь их? Где живут? Кто у них есть дома?

– Нет! – покачал головой пожилой односельчанин.

– Ты знаешь? – ткнул хлыстом переводчик...

Люди, сжавшись, ждали ответа пятого... Выстрел раздался без вопроса, и безвольное тело односельчанки осело на землю... Подбежавшие солдаты оттащили его в сторонку.

Галинку бил озноб. Мама была где-то впереди. А переводчик всё тыкал хлыстом, визгливо выкрикивал слова, и каждый пятый с ужасом ждал смерти...

– Люди! Да что мы – стадо баранов? Врасыпную, бегом! Даст Бог, и выживем! – закричала баба Лена и толкнула Галинку в заросли крапивы за спиной. – Беги, девка, живи за нас... тебе жить надо...

Сотни жгучих иголок впились в тело девочки, и это вернуло её к жизни. Она пролежала в крапиве до темноты – всё боялась, что фашисты вернутся. Но, дав для убедительности пару автоматных очередей в избитых мужчин, они уехали.

Галинка сидела в зарослях камыша у реки. Боли она не чувствовала. Тело окаменело. Мысли в голове путались. Что делать? Куда идти? Где мать, отец? И вдруг недалеко от неё раздался тихий шорох. Девочка перестала дышать от страха. А потом подумала, что враг в камышах прятаться не будет.

– Кто здесь? – тихонько позвала она.

– Доченька моя... – запричитала Анна.

Они вернулись в село и не сговариваясь пошли к сельсовету, замирая от каждого шоро-

ха и прижимаясь к земле... Чем ближе они подходили, тем чаще им стали встречаться люди, пережившие такой же ужас. Вот и сельсовет... Группа людей в полный рост, не прячась, обступила лежащих на земле мужчин из леса. Один из них ещё подавал признаки жизни. Мужчины решали, как его лечить и где спрятать. Увидев Анну с дочкой, все расступились.

– Галиночка, – бескровными губами шептала Анна. – Это папка твой, только вида не подавай. Я его с первого взгляда признала, да молчала. За тебя боялась и людей боялась. А оно вон как всё обернулось... На смерть шли, а не выдали...

Подъехал Митяй на своём Гнедом. Молча положили истерзанного до смерти Ивана на телегу и поехали в сторону кладбища. Анна с дочкой шли рядом. Небольшой холмик вырос среди могил. Анна низко поклонилась односельчанам и сказала:

– Спасибо вам, люди... Закончится проклятая – поправим.

Ночью Галинке приснился сон. Она собирала в букет осенние астры и хризантемы.

«Как мне не совестно... – думала она, любуясь роскошным подарком осени. – Война идёт, люди гибнут. Папка замучен до смерти, а я цветочки собираю».

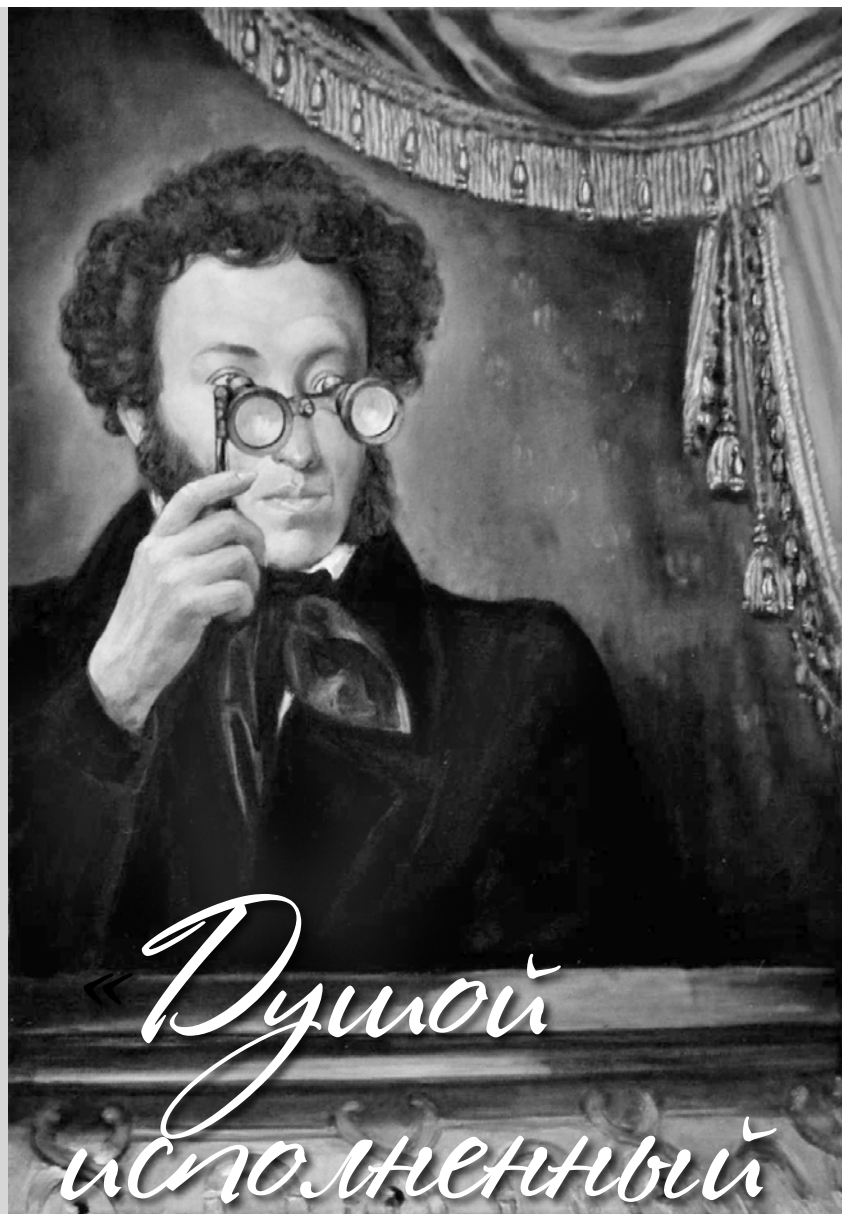
И вдруг рядом с ней встала бабушка Лена, толкнувшая её в крапиву.

– Живи, девонька, за нас... Тебе жить надо...

Алла ЕРМАК

Русский театр в пушкинскую эпоху только складывался. В 1820 году А. С. Пушкин пишет статью «Мои замечания об русском театре». В это время он заканчивал работу над поэмой «Руслан и Людмила», выдвинувшей его на первое место в русской литературе.

В статье о театре Пушкин приходит в полный восторг от замечательного искусства знаменитой трагической актрисы Екатерины Семёновой (1786–1849): «Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотой, чувством живым и верным, она образовалась сама собою <...>. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано... Семенова не имеет соперницы».

«полёт»

ПУШКИН КАК ТЕАТРАЛ

В своей аналитической работе Пушкин собирался «разобрать отдельно трагедию, комедию, оперу и балет», но дал только свои замечания о трагедии. Оборвав на полуслове статью, поэт решил дописать её в стихах, когда был выслан в 1822 году из Петербурга в южную ссылку. Об этом всегда думаешь, читая известные строки первой главы «Евгения Онегина», которые писались в 1823 году (9 мая – 22 октября, Кишинёв – Одесса).

«Волшебный край!» – восклицает Пушкин, начиная строфу «Онегина» о русском театре.

Своему увлечению он отдал без малого три года (1817–1820). В эти годы в Петербурге он почти ежевечерне бывал в театре, в том числе и в балете: «Там, там под сению кулис // Младые дни мои неслись...»

Для Пушкина петербургский театр – «волшебный край», о котором он мечтает в ссылке. О его тоске по Петербургу, друзьям, театру мы узнаём, например, из письма товарищу по «Зелёной лампе» Я. Н. Толстому 26 сентября 1822 года. Сначала он высказал эту тоску стихами:

В изгнание скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз...

А заключил письмо роем вопросов: «Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие? что Хмельницкий? что Катенин? что Шаховской? что Ежова? что граф Пушкин? что Семеновы? что Завадовский? что весь Театр?» Это слово с большой буквы достаточно выразительно характеризует глубокий интерес поэта к театру. «Брюхом хочется театра», – таков один из лейтмотивов пушкинских писем.

Много лет спустя, составляя план работы над законченным уже романом в стихах, Пушкин пометил против первой главы: «Хандра. Кишинев. Одесса». Хандра, как ни парадоксально, помогала поэту сквозь расстояния прорваться туда, куда вход ему был закрыт, – в Петербург, к своим товарищам, в театр.

В восемнадцатой строфе первой главы «Онегина», перечисляя всех главнейших деятелей русского театра рубежа XVIII–XIX веков, он даёт как бы историю театра в сжатых, беглых, но содержательных характеристиках:

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал **Фонвизин**, друг свободы,
И переимчивый **Княжнин**;
Там **Озеров** невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой **Семеновой** делил;
Там наш **Катенин** воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий **Шаховской**
Своих комедий шумный рой,
Там и **Дидло** венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

(Гл. 1, XVIII)

Д. И. Фонвизин (1745–1792), «сатиры смелый властелин», – постоянный спутник Пушки-

на на всём протяжении его творчества. Всякое обращение к XVIII веку вызывает у него образы Фонвизина.

В первой трети XIX века русская драматургия проделала путь от трагедий В. А. Озерова (1769–1816) «Эдип в Афинах», «Дмитрий Донской» до «Бориса Годунова» Пушкина. Появляются пьесы драматурга А. А. Шаховского (1777–1846), П. А. Катенина (1792–1853). Молодой А. С. Грибоедов (1795–1829) выступит как комедиограф. И, конечно же, Грибоедов был бы в этом перечислении, но его комедию «Горе от ума» (1824), ещё не написанную в это время, Пушкин прочтёт только в ссылке в Михайловском!

Время, которое Пушкин провёл «под сению кулис», было выдающимся в истории русского балетного театра. В те годы он приобретает всеевропейскую известность, а русские балеты завоёвывают заграничные сцены. Иностранная печать впервые начинает говорить о русских балеринах как о носительницах национально неповторимых достоинств.

Своими завоеваниями театр той поры обязан танцовщику и балетмейстеру, педагогу и драматургу – художественному руководителю (как сказали бы сегодня) петербургского театра, подлинному классическому хореографу Шарлю (Карлу) Дидло (1767–1837).

В «Евгении Онегине» поэт признал, что именно в Петербурге «Дидло венчался славой». В 1801 году он был приглашён в Петербург и почти 30 лет ставил танцевальные дивертисменты в оперных спектаклях и балеты (поставил около 40 балетов). Пушкин по несколько раз бывал на его прекрасных балетных спектаклях, был знаком и с самим балетмейстером. В комментариях к «Онегину» он писал: «Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной».

Известный композитор и музыковед Б. В. Асафьев не раз говорил о влиянии поэзии балетного театра на поэзию Пушкина, о лирике танца, перекликающейся с лирикой поэзии, о пластике и музыке стихов.

Литературовед и писатель Л. П. Гроссман отмечал, что «сквозь ткань поэмы („Руслан и

Людмила”) явственно проглядывают впечатления Пушкина-балетомана^{*}. Он писал: «Система знаменитых полётов Дидло чувствуется на каждом шагу в пушкинской поэме»^{**}.

Балет в пушкинское время переживал свой первый расцвет. На его сцене царили воспитанницы Дидло – этого истинного чародея. Среди них выделялась А. И. Истомина (1799–1848) – прима-балерина Петербургского балета.

И если в центре пушкинской статьи «Мои замечания об русском театре» – образ Семёновой (актрисы *пламенной души*), то в строфах «Евгения Онегина» возникает образ русской Терпсихоры – Истоминой. Поэт не описывает какой-то спектакль, а создаёт художественный образ русского балета той поры, поразительно тонко определяет основную черту, свойственную именно русскому балету:

Душой исполненный полёт...

* Гроссман А. П. Пушкин в театральных креслах. Л., 1926. С. 125. (Сноски даны по книге Ю. Слонимского)

** Гроссман А. П. Пушкин в театральных креслах. Л., 1926. С. 128. (Сноски даны по книге Ю. Слонимского)

Он проникает в суть танца Истоминой – воздушного, романтического и в то же время отточенно-строгого. Только увлечённый человек, вдохновлённый русским театром, мог написать такие строки:

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет...*

(Гл. 1, XX)

Строки Пушкина об Истоминой стали символом танцевального совершенства. До сего дня никто лучше о балете не сказал. Истоминой воздвигнут памятник на века стихами в «Онегине». Редкая рецензия о ней обходилась без ссылки на пушкинские стихи.

О танце, балете писало много русских поэтов. Назовём Державина, Батюшкова, Гнедича, Вяземского, Грибоедова, Лермонтова. Но ни одному из них в их «балетных» стихотворениях (по мысли Ю. М. Слонимского) не удалось достигнуть такого единства поэтического видения образа и балетного описания классического танца, какие достигнуты в пушкинском портрете Истоминой. Это говорит о богатстве впечатлений его как зрителя, о настойчивости поиска образных выражений, которые бы наиболее точно воспроизводили танец.

Чем же Истомина покоряла публику?

Летописец театра находит, что «она имела большую силу в ногах, атломб на сцене и вместе с тем грацию, легкость, быстроту в движениях»^{***}.

Русские танцовщицы уже тогда встали на пуанты, используя в танце весьма ограниченную поначалу пальцевую технику.

Добавим, основываясь на воспоминаниях современников, что Истомина «не уступала Та-

*** Арапов П. Н. Летопись русского театра. С. 238. (Сноска дана по книге Ю. Слонимского)

льони в легкости», а в некотором отношении – и в виртуозности.

Мария Тальони (1804–1884) – великая балерина XIX века, представительница знаменитой итальянской балетной династии. Она дебютировала в 1822 году в Вене. Париж она покорила в 1827 году. Следующие 15 лет Тальони гастролировала по всей Европе. Звезда европейского балета подарила русской сцене пять сезонов, но это уже было после смерти Пушкина. Ему не удалось увидеть её на сцене.

С затаённой нежностью и искренней благодарностью вспоминает Пушкин в «Евгении Онегине» петербургских актрис:

*Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Все те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?*

Сменить и заменить – всегда ли это равнозначно? Для Пушкина, я думаю, нет: сменив, не заменили, ибо те девы, девы его петербургских юношеских театральных впечатлений, остались в памяти навсегда.

*Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?*

(Гл. 1, XIX)

Для Пушкина «тайна» мастерства русской балетной актрисы – это **«душой исполненный полёт»**. Да и всю национальную особенность русского сценического мастерства – драматического, вокального, танцевального – Пушкин видел в «душе» артиста, в одухотворённости его игры, в человечности сценических образов, пережитых всем существом.

«...Одаренная... чувством живым и верным... всегда свободная... благородство одушевленных движений... **часто порывы истинного вдохновения...**» – такими словами характеризует Пушкин лучшую трагедийную актрису его дней – Семёнову.

Всеми этими высокими душевными качествами должна обладать, по мнению Пушкина, любая творческая личность, будь то драмати-

ческая, оперная или балетная актриса. Одушевлённость, сердечность, искренность, вольный порыв всегда страстного творчества являются, на взгляд поэта, неперемёнными условиями актёрского мастерства.

То, что вывел-обозначил Пушкин («душой исполненный полёт»), и сегодня остаётся главным признаком русского балета, потому что нашло бурное продолжение и развитие в творчестве корифеев русской хореографии.

Вот, например, сто лет спустя Анна Павлова так отвечала на расспросы иностранцев: «Вас удивляет, почему столько знаменитых танцовщиц вышло из России и почему балетное искусство расцвело на моей родине?.. Они отдаются танцу без остатка, всем своим существом, тогда как вы всегда боитесь дать волю своим чувствам... “Секрет” моего успеха... в искренности... в стремлении подчинить физические элементы танца психологической концепции»^{*}.

Пушкин писал об этих достоинствах в пору отрочества и юности русской Терпсихоры, Анна Павлова говорила о них в пору зрелости русского балетного искусства. Каждый нашёл для характеристики национального «секрета» свои слова. Но смысл их один.

До появления в Петербурге Дидло танцы в балетах почти не имели связи с содержанием. Дидло оживил танцы, придал им связь с сюжетом. Враг узкодекоративной функции танца, Дидло стремился передать, говоря словами Пушкина, и «вдохновенные движения», и внутреннее развитие страстей.

Пушкин угадал суть этих преобразований, происходивших на его глазах. Он сходил с Дидло в понимании актёрского мастерства. На память приходит Лаура («Каменный гость», 1830), рассказывающая тайну своей актёрской удачи. Когда Лауре, исполнившей романс Дон Гуана, говорят, что она «никогда с таким совершенством не играла», та отвечает:

*...Да, мне удавалось
Сегодня каждое движенье, слово.*

^{*} Дандре В. Анна Павлова. Берлин, 1933. С. 131. (Сноска дана по книге Ю. Слонимского)

*Я вольно предавалась вдохновенью,
Слова лились, как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...*

Определяя процесс творчества, Пушкин противопоставляет «рабской памяти» порывы души и сердца. Дидло тоже понимал, что «рабская память» сковывает балетную актрису, когда всё предписано, всё заранее выучено, когда нет импровизации. У подлинной актрисы сердце властвует над рабской памятью.

Истомина с полным правом могла ежедневно повторять слегка изменённые слова Лауры: ей удавалось каждое движение, поскольку озарено поэзией сердца.

Исследователь В. С. Непомнящий пишет очень даже определённо, что Пушкин – театральный реформатор и он предвосхитил систему Станиславского. Два коренных положения системы Станиславского: предлагаемые обстоятельства и метод физических действий – взяты у Пушкина. Это у Пушкина – «истина страстей и правдоподобие чувствований в предлагаемых обстоятельствах» и «физическое движение страстей».

Несомненно, что театр и балет были источниками вдохновения для Пушкина. Он сказал своё непревзойдённое слово и о театре, и о балете своей эпохи. И в то же время его произведения послужили материалом для театра, балета. Сочинения Пушкина проникли на театральную и балетную сцену Петербурга и Москвы ещё в то время, когда он был в южной ссылке.

В 1821 году на московской сцене выдающийся русский балетмейстер А. П. Глушковский (ученик и последователь Дидло) поставил балет «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника». Это было **первое (!)** сценическое воплощение пушкинского произведения на балетной сцене. Адам Глушковский создал **первый** волшебного-героический балет «из русской жизни».

В 1824 году видный драматург и режиссёр А. А. Шаховской поставил волшебную комедию в стихах по мотивам поэмы «Руслан и Людмила» (ибо балет не утолил желания почитателей творчества Пушкина).

Венцом творений Дидло явился «Кавказский пленник» – пантомимный балет в четырёх действиях, со сражениями, играми, маршами, который был впервые представлен 15 января 1823 года на сцене Большого (Каменного) театра в Петербурге. Балет имел по тем временам исключительно большой успех. Он жил на сцене непрерывно 13 сезонов. Роль Черкешенки исполняла Авдотья Истомина. Пушкина живо интересовала эта постановка, и он писал брату из кишинёвского изгнания: «Пиши мне о Дидло, об Черкешенке-Истоминной, за которой я когда-то волочился...» (30 янв. 1823 г.).

Ко времени возвращения Пушкина из ссылки в Москву он уже был известен в театральном мире. Пушкин впервые побывал

**Нина РУСАКОВИЧ
(КОЛЕНЧИКОВА)**

Родилась в д. Жуки Копыльского района Минской области.

В 1970 году окончила филологический факультет Минского государственного педагогического института им. М. Горького по специальности «Русский и белорусский язык и литература». Учитель высшей квалификации.

Методические и критические статьи и очерки публиковались в журналах: «Русский язык и литература», «Народная асвета», и др.

Участник Всероссийской научно-практической конференции «А. С. Пушкин и Россия накануне XXI века» (г. Псков, 2–5 февраля 1999 г.), посвящённой 200-летию со дня рождения поэта.

Победитель Республиканского конкурса преподавателей-словесников на лучшую публикацию, посвящённую юбилею поэта («С Пушкиным в XXI век» – журнал «Русский язык и литература», № 5–6, 1999).

Лауреат Пушкинской премии 2004 года для учителей русского языка и литературы в странах СНГ и Балтии (г. Москва).

в Большом театре 12 сентября 1826 года и был восторженно встречен публикой.

В 1827 году в Большом театре Москвы с огромным успехом шёл «Кавказский пленник, или Тень невесты». А. П. Глушковский – постановщик балета и исполнитель роли Пленника – писал тогда в «Дамском журнале»: «Нельзя не радоваться быстрому разливу славы нашего любимого поэта А. С. Пушкина. Его творения читаются и представляются на сцене наших театров».

Как чудесно и верно сказано: «разлив славы»... Ведь действительно, лирические строки поэта заполонили-разлились по другим видам искусства.

11 декабря 1831 года на сцене Большого театра Москвы состоялась премьера балета «Чёрная шаль» Адама Глушковского.

Но... исследователь Ю. Слонимский делает вывод, что «Пушкин во весь рост – не по плечу балетному театру той поры. Не по плечу он и драме и опере – всему театру 20-х годов». Эти постановки просто вызывали и расширяли интерес публики к творчеству Пушкина.

Лишь в начале 40-х годов XIX века появилась опера, по силе музыкального воплощения стоящая рядом с поэмой Пушкина. Это – «Руслан и Людмила» М. И. Глинки. Его «Руслан и Людмила» – не опера, а опера-балет нового типа: роль танца в ней велика и, главное, драматургически важна. Опера Глинки, рождённая пушкинской поэзией, безусловно вобрала в себя опыт одноимённого балета Дидло – Глушковского.

После разгрома восстания декабристов началась чистка артистического персонала столичных и московских театров. На пенсию увольняют Глушковского – руководителя балета Большого театра Москвы – и помощников Дидло в Петербурге.

К 1829 году положение Дидло сделалось драматическим: он окончательно стал одиозной фигурой. Особенно разозлили начальство его докладные записки 1826–1828 годов, в которых

всё названо своими словами. И низкопоклонство перед иностранщиной, и презрение к таланту русских художников сцены, обречённых влачить жалкое существование, и подрыв основ развития национального балета.

Свыше полутора лет длилась война Дидло с дирекцией... Он истощил свои силы в неравной борьбе с «врагами всего русского и всего хорошего» (П. А. Катенин).

В ноябре 1833 года состоялся прощальный бенефис Дидло. Пушкина в театре не было: он провёл октябрь и часть ноября в Болдине. И всё же он присутствовал в зрительном зале, поддерживал Дидло стихами «Онегина». Наперекор «общественному мнению» сановников и членов дирекции, поэт снова и снова венчал славой Дидло, наделяя бессмертием его дела. А это было чрезвычайно дорого. Ибо голос Пушкина стал к тому времени голосом чести и совести всех передовых и мыслящих людей.

30 января 1836 года в последний раз выступила перед публикой Истомина. Её русская пляска напомнила очевидцам счастливые времена 1816–1819 годов.

Зрелый Пушкин не разлюбил балета. Напротив, и в его «суровой прозе» появились балетные мотивы: в «Русском Пеламе» и повести «Две танцовщицы».

Венчая славой Дидло, балерин, балет вообще, поэт внушал уважение к искусству танца как художественному творчеству. Ибо мнение света было таково, что балет вовсе не принадлежит к изящным видам искусства, потому что не возбуждает никаких нравственных и благородных чувств.

Поэт В. И. Туманский (1800–1860) писал Пушкину: «Твое описание Одессы... грамота на бессмертие города». Балетные строки «Евгения Онегина» тоже явились «грамотой на бессмертие», выданной русскому балету, Истоминой, Дидло.

Нина РУСАКОВИЧ (КОЛЕНЧИКОВА)

Янка ЛАЙКОВ

* * *

Небеса благоволили, как своим,
 Нам, изгнанникам, ослабшим от скитаний
 По просторам дивным и чужим,
 По тропам неведомым и дальним.

И священники встречали, как своих,
 Нас. И спать укладывали в храме.
 Утром же будил один из них,
 Провожал, закрыв врата за нами.

Вновь дорогой, тонущей в веках,
 Шли мы, от отчаянья стеная,
 С ног усталых отрясая прах,
 Головы золою посыпая.

В поднебесье брезжили лучи,
 И мы слышали, земные пилигримы,
 То молчанье месяца в ночи,
 То святые ангельские гимны.

Сквозь туманы звал нас тихий свет,
 Как звезды далёкое мерцанье.
 На богов мы не роптали, нет –
 Тех, что обрекли нас на изгнание...

Новый путь нас, как своих, встречал,
 Нас, поплёкших лицами и босых.
 И надеждой пламенела даль,
 И в руке дрожал дорожный посох.

* * *

Огонь в золе, мерцая, тлел.
 Паслись на мглистых межах кони.
 Отец дремал. А я сидел
 Наедине с ночным покоем.

Сопел у стога пёс Байкал,
 Вдруг в тишине вздымая уши –
 То ветер в травах пробегал,
 Его собачий сон нарушив.

А очертанья за рекой
 Мой взор манили, чаровали...
 Святая ночь, святой покой
 Неспешно в вечность отплывали.

* * *

Виденье светлое и лёгкое:
 В затихшей заводи речной
 Плескалась щука одинокая,
 И тени зыбились челнов.

А там, где осока нетронута,
 Где мошек столб в тени гудел,
 Не нарушая глади омута,
 Шёл кто-то дивный по воде.

Обросший ряскою и сгорбленный,
 Посеребрённый чешуёй,
 Окутанный прохладой водною,
 Свободно он ступал рекой.

К нему клонились вербы гибкие,
 И в тишине струился звон.
 А мне казалось, будто с рыбками
 Так разговаривает он.

Сияли очи его добрые,
 Меж мокрых тинистых волос.
 И осыпали искры тёплые
 В пространство моих дивных грёз.

*Перевод с белорусского Марины
 Помоз-Лайковой*

Татьяна ЛЕЙКО

Поэтесса, переводчик. Родилась в г. Екатеринбург. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, работала редактором. Живёт в г. Минске. Печаталась в журналах «Неман», «Наши современники» и других изданиях. Автор сборников стихов «Сентябрь обетованный» и «Ветра евразийские». Лауреат премии Союза писателей Беларуси за лучшую книгу года.

* * *

Любовь, надежда, вера –
Что хочешь, выбирай.
Последняя химера –
Земной недолгий рай.

Ты отпускала чувство
По водам, словно хлеб.
Последнее искусство –
Не ждать иных судеб.

Ещё десятой доли
Не заплатила ты
За вольный ветер в поле,
За детские мечты.

За время без расчёта,
Дорогу без следа...
...Откроются ворота
Неведомо куда.

* * *

Душа моя – осень, а может быть, даже зима.
Но – полная снега, но – полная свежести
страстной!
И если умру или просто свихнусь я с ума,
Останется жизнь – и не менее будет
прекрасной.

Останется снег и на яблонных ветках замрёт,
И сядет сорока и что-то невнятное крикнет...
Не всё ли равно нам, что кто-то сегодня
умрёт,
И нам наплевать, что за чудо сегодня
возникнет.

Пусть будет зима с драгоценным сиянием
своим,
И пусть безразлично относятся люди друг
к другу.
Но как же красив этот белый предутренний
дым
И наша любовь по дороге к полярному кругу.

* * *

А ты, мой друг провинциальный...
И я в провинции жила.
И мой посёлок нереальный
Навеки выюга замела.

Провинция! Душа! Природа!
Охота к перемене мест...
Но это родина народа –
Вся Русь, лежащая окрест.

Нам ладан, золото и смирна –
Листва, летящая с берёз,
Земли и хвои запах мирный
И в искрах пламенных мороз.

И мы с тобой провинциалы,
С судьбой таёжной и степной.
Для нас горит цветочек алый
Над тёмной пропастью земной.

* * *

Слово, всего только слово,
И ничего другого.

Слово в воздухе зыбком
И на листе бумажном.
Наперекор ошибкам –
Но это теперь неважно, –
Наперекор страданиям,
Как свет выплывает из тьмы, –
Безумного «я» свиданье
С бессознательным «мы».

Не оболочка сути,
А самая суть и есть:
Где-то в житейской смуте –
Мир и благая весть.

* * *

Там старые дремлют стихи
В тетрадке, а может быть, в книжке.
Мы жили во власти стихий,
Не зная ни дна, ни покрыва.

Проиграна эта игра.
Любимые песни допеты.
И вольное наше вчера
Сменили другие сюжеты.

О, кто же нас любит, скажи,
Дошедших до самой развязки?
Прекрасны твои миражи!
Темны наши русские сказки...

* * *

Чем дальше, тем больше мне хочется жить.
Ведь глупо, не так ли?
И сызнава вьюга пойдёт ворожить
И ставить спектакли.

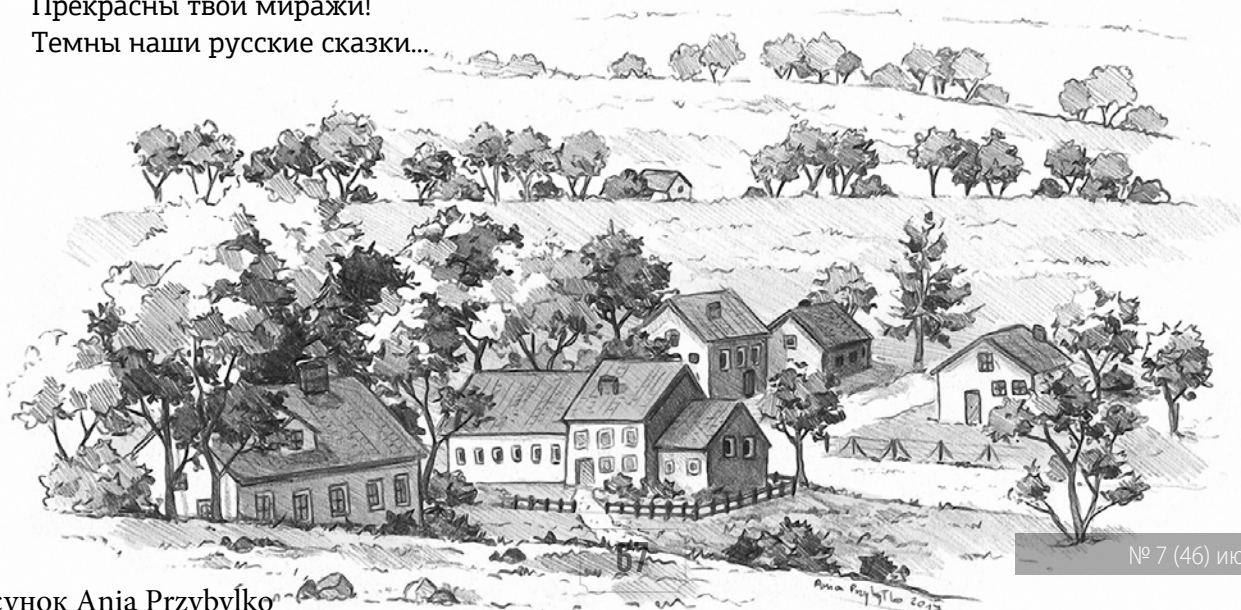
Давай поскрипим заповедным снежком
И детство разбудим.
О чём же я плачу? О чём и о ком?
Что больше не будем

Идти по аллее, по лёгкой тропе,
По лунному следу.
...Я что-то тогда говорила тебе,
Подобное бреду.

* * *

Давай забудем эту ночь.
Давай забудем это утро.
Ушедшей молодости дочь,
Угасла наша Камасутра.

Но даль закатная горит
Каким-то предпоследним светом.
И видно, как душа парит
Над временем и над поэтом.

**Тамара
КОВАЛЬЧУК**

Город Осиповичи, Могилёвская область, Беларусь.

Член Международной ассоциации писателей и публицистов, Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», автор десяти сборников стихов и рассказов на русском и белорусском языках: «Я жить без тебя не могу» (2016), «Мой казачный край» (2017), «Всё начинается с любви» (2017), «Всё, что свыше дано» (2018), «И всё это жизнь» (1-й том, 2017), «И всё это жизнь» (2-й том, 2018), «Поцелуй Вселенной» (2018), «Души закрома золотые» (2019), «Па роднай старонцы» (2019), «Шагая по алфавиту» (2019). Автор-составитель сборника стихов и рассказов «Память храним» (2019), литературный редактор Международного художественно-публицистического альманаха «Созвездие» (г. Минск), победитель международных литературных конкурсов: «Мой маленький цветочек» (2018), «Прысвячэнні песняру» (2018), «Созвездие духовности» (2019). Российским союзом писателей награждена звездой «Наследие» III степени.

СТАРЫЙ СУНДУК

Под слоем пыли в тёмной комнатухе
Стоял сундук, забытый на года.
На нём лежала чья-то колотушка,
В бутылке – освящённая вода.

Но день пришёл, когда её открыла
Из любопытства девушка одна.
Нашла она пилотку в нём, и мыло,
И маленький кусочек от сукна.

На самом дне лежали в нём медали,
Под ними – гимнастёрка и кiset.
А рядышком письмо с пометкой: «Гале,
Галине Жук». Куда: колхоз «Рассвет».

Взяла письмо девчонка в свои руки,
И задрожали пальцы, затряслись:
Она и брат – Галины этой внуки,
От дочки её, Маши, родились.

Глазами пробежала по бумаге,
От времени покрытой желтизной.
Прочла о чьей-то жизни и отваге,
О том, что станет Галочка женой.

Рассказывал солдат о страшном бое,
О гибели людей в концлагерях.
О том, что их осталось только двое:
В живых остались он и Ванька Страх.

Ещё в письме описывалась речка,
В которой утонул почти весь полк.
Просил боец: «Поставь, Галина, свечку.
За всех поставь! Я знаю в этом толк».

Внизу стояла подпись: «От Егора.
И жди. Я обязательно вернусь.
Победа будет нашей очень скоро!
Гони прочь слёзы, милая, и грусть».

Медали подняла девчонка нежно,
К груди прижала, вытерев слезу:
– Люблю тебя, дедуля – Павел Снежнов.
Тебе цветы я каждый день везу.

СОЛДАТКА

В то майское утро я шла на прогулку,
Минуя дома и дворы, переулки.
И вышла на поле подросшей пшеницы,
В которой резвились весёлые птицы.

А ветер играл на берёзовой щепке,
Да дуб шелестел, толстый, старый и крепкий.
Под дубом сидела седая старушка
Со старой солдатской прострелянной кружкой.

Бескровные губы шептали чуть слышно:
– А я ведь, Егор, замуж так и не вышла.
Тебе обещала до гроба быть верной,
Хотя жизнь была тяжела непомерно.

Детей подняла и отправила в люди,
Сама вот к тебе – это правильным будет!
Устала одна я встречать все рассветы,
Не радуют больше ни осень, ни лето.

Я помню, любимый, как ты полз с гранатой,
А рядом немецкие были солдаты.
Твой крик до сих пор слышу с горечью, болью
И вижу, как в небо с тобой летит поле.

Как падают замертво все те фашисты,
Как будто скосил их косою нечистый.
Всё помню, родной, ничего не забыла,
Хожу каждый день на твою я могилу.

Но ты не волнуйся – я буду с тобою,
Вот только поправлю твой холм со звездой,
Чтоб долго она над землёю сияла...
Таких ведь, Егорка, на свете немало.

Затихла солдатка, поставила кружку,
Потом подмигнула, как старой подружке,
И крикнула: – Ну-ка, давай за Победу!
Пусть знают внучата, за что гибли деды!

Стояла я молча. Лились градом слёзы
От слов старой женщины, стона берёзы.
Душа моя плакала вместе со мною,
Услышав, какой жизнь давалась ценою.

ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ СОЛДАТОМ

Он был настоящим солдатом
И шёл, не страшась, на войну.
Он чёрту в аду том был братом
Не день и не ночь одну.

Сражаясь бесстрашно и смело,
Кричал: «Не сдадимся! Вперёд!»
И знал: коль падёт, так за дело,
За дом, за славянский свой род.

Форсировал Днепр без сомненья,
Тасил пулемёт на себе.
И в трудные очень мгновенья
Молитвы слал Богу, судьбе.

В огне он горел под Берлином,
Спасая детей, стариков.
Был ранен осколками в спину,
Взрывая с фашистами ров.

Он был чьим-то сыном и другом,
Сражался за них так, как мог,
И помнил: второго нет круга,
Но Родина есть, свой порог.

ЗАБЫТЬ НАМ НЕЛЬЗЯ

Давно позабыты метели,
В которых стрелял автомат,
И плакали сосны и ели
За Ржев, за Москву, Ленинград.

Нет зим с окровавленным полем,
И снег не целует бойцов.
Лишь ветер летать в поле волен
Над братской могилой отцов.

Давно не горят в печках дети,
В Освенциме дыма уж нет.
Не ставят клеймо Ритам, Петям,
По ним не рыдает рассвет.

В колодцы с водой ключевойю
Никто не бросает людей.
Лишь вьюга ночами здесь воет,
Как был тот немецкий злодей.

Но сердце от ужаса стынет,
Когда вспоминаем тот год,
В котором глумился в Хатыни
Фашист, убивая народ.

Давно позабыты метели,
Да только забыть нам нельзя
Войны, тех ребят, что сидели
Под танком, со смертью ползя.

И тех, кто дошёл до Берлина,
Европу спасая от тьмы.
И тех, кто отправил в бой сына, –
Всегда должны помнить всех мы.

Я ВИЖУ ВОЙНУ И ТОТ АД

Стою я у братской могилы опять,
Читаю фамилии павших.
А время со мною уносится вспять
В рассвет тот, от взрывов уставший.

И вдруг: поле боя, строчит пулемёт
И рвутся у пушек снаряды
Да падает в озеро наш самолёт –
У смерти сегодня порядок.

Встаёт на дыбы, как шальная, земля,
Взлетают за нею берёзы.
И стонут от боли с пшеницей поля,
Льют реки горячие слёзы.

И русский Иван в этой бойне, как лев,
Стоит, защищая род древний.
И, ужас войны осознать не успев,
Спасает от фрицев деревни.

А рядом Алесь с белорусских болот,
Израненный весь, с голым телом,
Кричит во всё горло: «Ребята, вперёд!
Мы гибнем за правое дело!»

Я падаю ниц в этом страшном аду
И Бога прошу о пощаде.
Ведь если я здесь своё место найду,
То стану стрелять жизни ради.

И гнать буду тех, кто пришёл воевать,
Людей истязать, не жалея.
И тех, кто забыл, что дала жизнь им мать,
За каждый шаг их болея...

И вновь я у братской могилы одна,
Огонь лижет воздух, играя.
А мне улыбается вишней весна,
Как в день сорок пятого, в мае.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ

Трудный поиск национальной идентичности белорусов сопровождается многочисленными дискуссиями: где исторические корни народа, с какого момента его следует считать единым, сформировавшимся из кривичей, дреговичей, радимичей и других племенных союзов, сложивших население Полоцкого княжества? Достаточно спорным выглядит употребление прилагательного «белорусский» применительно к явлениям периодов ранее XIX века.

С точки зрения предмета исторической науки к истории Беларуси относится не только время существования белорусского государства и нации, но и любые проявления человеческой активности, включая датированные дославянским периодом этой части Европы. В отличие от науки, лишённой эмоций, политика во многом сводится к разжиганию страстей. В том числе с преувеличением древности народа и, соответственно, укреплением веры в собственную значимость и исключительность.

К примеру, сохранились предания о существовании поселения на месте современного Полоцка в начале IV века н. э. Радиоуглеродный анализ датирует предметы быта, самые ранние из обнаруженных при археологических раскопках в городе, серединой VIII века. Упоминание о Полоцке в известных письменных источниках Руси приходится на середину IX века, т. е. этот город и это княжество по крайней мере не моложе Киевского или Новгородского. Совсем недолго пробыв в зависимости от Киева, суверенное Полоцкое княжество достигло расцвета

к XIII веку, подконтрольные территории включали в себя земли в пределах современных границ Беларуси, обширные пространства Украины, России, Польши, Литвы.

Провокационный вопрос – вправе ли белорусы гордиться древним белорусским Полоцком? Не вдаваясь в длительные дискуссии, выражу свою точку зрения. Гордиться можно и нужно, Полоцкое княжество заселяли предки современных белорусов, до литовцев правила элита той же этнической принадлежности. А вот прилагательное «белорусский» вряд ли уместно. Полоцк в домонгольскую эпоху был столицей одного из княжеств Руси, не более того. Ни языком, ни религией, ни жизненным укладом, ни хромосомным набором (с преобладающей гаплогруппой R1a) полочане не выделялись среди соседей. Особенности начались потом – с возникновением на севере современной Гродненской области княжества Литовского и с включением Полоцка в состав этого княжества, получившего статус великого. С конца XIV и до последнего десятилетия XVIII века земли будущей Беларуси входили в состав ВКЛ, проживавшие там люди были подданными великого литовского князя, позже – круля Речи Посполитой. Именно за этот период население постепенно развило отличия от восточной родни, оставшейся в подданстве Русского царства и Российской империи.

За столетия пребывания в ВКЛ и Речи Посполитой предки белорусов дважды подверглись существенному воздействию, заметно изменившему этнический фон. Во-первых, произошло принудительное обращение большинства населения из православной в греко-католическую (униатскую) веру, до 90% населения, тогда как элита преимущественно перешла в римско-католическую. В конце XVII века русский язык ВКЛ, на котором были написаны Статуты Великого княжества, напечатаны «Осьмигласник» Фиоля и спустя четверть века «Библия руска» Франциска Скорины, попал под запрет в качестве языка преподавания, отправления богослужений и официального документооборота. Он сохранился только в качестве местных диалектов. Основным стал польский,

в католических храмах – латынь, иудейская часть городского населения употребляла идиш.

Использование прилагательного «белорусский» по отношению к объектам и явлениям периода ВКЛ неправомерно в связи с тем, что то время Беларусь (Белая Русь, Белоруссия) не выделялась как самостоятельная территория, а народ этих мест – как самостоятельный этнос.

Сельское население не знало этнического самоназвания, именуясь «тутэйшыя», т. е. местные. Или «простые». Термин «литовский», в другом произношении «литвинский», означал не этническую принадлежность, а государственную, то есть подданство великого князя Литвы. Культурные связи между частями огромного государства были слабыми, в представлениях абсолютного большинства населения не находилось места для осознания единства с людьми, жившими за 50 или тем более за 100 вёрст от их деревни.

XVIII век принёс практически полное ополчение княжества. Странно порой слышать рассуждения, что войска Екатерины Великой «оккупировали Беларусь». Какую Беларусь?! В Конституции Речи Посполитой прямо указано, что это польское государство с единым народом, единым языком и единой религией. Упразднение Великого княжества Литовского польско-литовской шляхтой не сводилось к принятию бумажного документа, а венчало длительный процесс, фактически – подвело ему итог. Так что вступившая в Минск армия Российской империи не то что Беларусь, она при всём желании не обнаружила бы там даже Литву!

Часть польской знати, не согласная с раздѣлами, подняла восстание. 10 октября 1794 года (по новому стилю) войска Тадеуша Костюшко были разгромлены в битве при Мацеёвице, генерал провёл бесславную кампанию и попал в плен. Эта дата ознаменовала поражение восстания и поворотный пункт в истории Беларуси, Украины и Литвы. На смену принудительной колонизации пришла русификация.

Присоединённые губернии стали называться белорусскими – впервые в официальном обращении. Надо добавить, что топоним «Белая Русь» употреблялся имперскими властями и ранее, применительно к всем восточнославян-

ским землям Литвы. Шляхте, враждебному к русским сословию, противопоставлялись «белорусцы» – незнатное население литовской Руси. В переписке времён Алексея Михайловича Романова середины XVII века есть перечень белорусцев, к коим надлежит относиться с чуткостью в период русско-польской войны, его украшает имя Богдана Хмельницкого, при всём уважении к этой личности – никак не белоруса.

Иными словами, только на рубеже XVIII и XIX веков топонимы «Беларусь» и «Белая Русь» приобрели современное значение. Ранее данная часть ВКЛ и Речи Посполитой устойчивого наименования, включая самоназвание, не имела. Надо полагать, отсутствовала необходимость как-то особенно выделять будущую Беларусь из Литовского княжества или Польши – и народ, и территорию.

Именно русская имперская администрация впервые очертила отдельный кусок пространства в пределах бывших Полоцкого княжества, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, определив его от Полесья до литовской Жемайтии, ограничив его на западе бывшими коронными землями Польши, по востоку – традиционной Московской Русью. Туда ещё входил Виленский край, сложную судьбу Смоленщины разбирать не будем.

Вера и конфессиональная принадлежность в тот период имели огромное, определяющее значение. Православный – практически всё равно, что русский. Заменяв вероисповедание целому славянскому народу, царь буквально перекроил его облик!

В имперской версии Николая I белорусы как податный ресурс, а также база для рекрутского набора – это славяне упомянутой территории, возвращённые из униатства в православие. Язык как идентификационный признак народа в первой половине XIX века не учитывался, не существовало исследований, на каких территориях русское наречие ВКЛ сохранилось в бытовом общении.

Белорусские историки националистического толка любят подчёркивать, что «оккупационные» российские власти запретили белорусский язык для преподавания и для официального

документооборота, вытеснив его русским. На самом деле в Витебской и Могилёвской губерниях, а затем и в других частях разделённой Речи Посполитой польский язык был выведен из употребления в пользу русского. Язык ВКЛ, как уже говорилось, запретила сама шляхта, он прозябал в качестве местных говоров, не развивался как литературный, сильно различался от местности к местности, впитал значительное число полонизмов, не имел письменной формы.

До польского восстания 1830–1831 годов политика имперских властей по отношению к новым подданным отличалась сравнительной мягкостью. После восстания император Николай I был вынужден «закрутить гайки».

Одной из наиболее важных мер, предпринятых в период его правления, можно считать возвращение крестьян белорусских земель в лоно православной церкви. Тогда же, в середине XIX века, получает распространение имперская концепция триединого народа – русского, состоящего из трёх народностей: великороссов, малороссов (украинцев) и белорусов.

Таким образом, отличительные признаки этнической принадлежности и оформление территориальной принадлежности белорусы получили «сверху», для удобства управления вертикали власти. Самосознание нации будет вызревать достаточно долго, со значительным отставанием от соседей. Из гродненского диалекта старорусского языка ВКЛ просветители сформируют литературный язык с кириллической письменностью – современный белорусский. Первое белорусское государство, пусть не суверенное и подчинённое Москве, будет создано только в начале 1919 года. Белорусский народ почувствует себя единым, стерев в полной мере внутренние барьеры между восточной и западной частью лишь после Второй мировой войны. А настоящий суверенитет придёт после распада СССР.

Всё это – этапы большого пути. Многие из них носили важный, но всё же частный характер. Конфессиональные и административно-территориальные реформы Николая I послужили переломным, краеугольным событием, обусловившим возникновение белорусской нации.

Разумеется, императора ни в коей мере нельзя заподозрить в особой любви к белорусам или стремлении подготовить почву для белорусской государственности. Он стремился к противоположному – укрепить западные рубежи империи и уничтожить любые проявления самостоятельности, особенно польский сепаратизм. Но тем самым создал объективные условия вызревания наций на бывших литовских землях. В силу исторической несправедливости многие современные представители этих наций не испытывают ни малейшей благодарности по отношению к «российским оккупантам».

О триедином народе вспоминают редко. Вышло из употребления слово «великороссы», оно звучало несколько нескромно. Россияне-славяне именуют себя просто русскими. От граждан Беларуси нередко услышишь: «мы – не русские, мы – белорусы», хоть слово «русский» генеалогически восходит к Руси, в том числе – Полоцкой Руси, а не к России. Украинцы согласны считать себя не просто русскими, а единственно истинными русскими, в память о Киевской Руси, в отличие от «москалей», неправомочно присвоивших этноним.

А если бы польские разделы не состоялись? История не знает сослагательного наклонения. С известной степенью вероятности можно было бы предположить, что, одолев унитарная Речь Посполитая кризис конца XVIII века, этнические различия внутри государства стёрлись бы, жители литовских воеводств отличались бы от варшавян не более, чем выходцы из Подляшья от соотечественников из-под Кракова. Все были бы поляками.

Этого не случилось и не случится. Каждая нация, реализовавшая себя в отдельном государстве, ценит суверенитет. Поэтому наша обязанность – помнить и чтить исторических персон, чьи поступки, пусть невольные и даже направленные на иные цели, привели развитие событий к нынешнему состоянию.

Всё это – теория, но она имеет практическое агитационно-идеологическое значение. Если упростить до предела, вопрос ставится так: коль белорусы выделились как нация не

ранее 1840-х годов, то их история не столь уж древняя, гордиться особо нечем...

На самом деле, закрепление отличительных признаков нации не отрезало её от прошлого, от славных деяний предков.

Проведём параллель. Белорусы гордятся свершениями в период СССР, в годы нахождения в составе крупного и могучего государства. Например, космонавтикой, не забывая, что уроженцы республики вошли в число покорителей космоса, а отец главного ракетостроителя Сергея Королёва происходит из Могилёвщины. По той же логике великие польские литераторы Адам Мицкевич и Элиза Ожешко обогатили общую культуру, наши предки были подданными короны Российской империи. Так же как Александр Пушкин и Лев Толстой. К предмету гордости белорусов, бесспорно, относится наследие Ефросиньи Полоцкой и Симеона Полоцкого. Поэтический дар последнего реализовался в Москве, им вправе гордиться и россияне, что нисколько не умаляет историческую сокровищницу белорусов. Общая культура, общее прошлое объединяют народы и не должны служить почвой для раздоров и споров – чьи предки весомее.

Кстати, день рождения Николая I, невольного крёстного отца белорусской нации, приходится на 6 июля и почти совпадает с Днём независимости Республики Беларусь, отмечаемым 3 июля. В следующем году исполнится 225 лет со дня рождения российского самодержца. Стоило бы отметить эту дату и подчеркнуть его роль в белорусской истории. **А**

Анатолий МАТВИЕНКО

Белорусский писатель-прозаик, автор более чем двадцати книг военно-исторической тематики и научной фантастики, десятков сценариев документальных фильмов для российского федерального телеканала «Звезда». Заместитель председателя Союза писателей Беларуси.

Анатолий ЗЭКОВ

Родился в 1955 году в деревне Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета, Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ (г. Москва) и Институт политологии и социального управления (г. Минск). Работал в ряде региональных и республиканских периодических изданий. Издал около 40 сборников прозы, поэзии, сатиры и юмора, книг для детей.

Член Союза писателей Беларуси с 1994 года. Награждён медалью Франциска Скорины. Лауреат премии «Золотой Купидон».

Родимое слово

ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОДИМОМУ СЛОВУ

В радости слов, будто в радуге снов,
Где моё произносится имя,
Я к речи родимой – основе основ –
Возвращаюсь...
Но что как не примет?

Блудным сыном я молча стою перед ним,
Как отступник, без явной вины виноватый.
Много я колесил по дорогам земным,
А вернулся – родная приветила хата.

Всё припомнилось разом – само, без потуг,
Словно детские годы в душе пробудило,
И не только оно приласкало мне слух –
С ним и родину сердце моё ощутило.

В нём теперь, переполненном давней тоской,
Не останется места для края чужого...
Я к родимому слову вернулся домой,
Только страшно:
А примет ли слово?

Я НОЧЬ ЛЮБЛЮ

Я ночь люблю
За полный мрак,
За то, что всех людей равняет,
Ведь кто богач,
А кто бедняк,
Никто во тьме не различает.

Я ночь люблю
За тишину,
Которой слух и мысли рады, –
Ночь не судачит про войну
И не зовёт
На баррикады.

Я ночь люблю –
Она одна
Мой рай,
В котором жить охоч я,
И не твоя в том, день, вина,
Что и светло мне
Только ночью.

НА СЛОВОСПЛАВЕ

У слова есть и комель, и вершина.
На словосплаве всё ведётся так:
Один у комля напрягает спину,
Другой сучки обламывать мастак.
Тот тащит на себе, сутулясь, дуб,
А тот относит хвороста вязанку:
Один в итоге надрывает пуп,
Другой – не портит тяжестью осанку.
На словосплаве вижу наперёд
По многим безошибочным приметам
Того, кто комель на плечи берёт,
Того, кто ветки подбирает следом.

* * *

Какое в этой жизни слово
Произнесу последним я?
Возможно – Буда-Кошелёво
Или Потаповка моя.

Прибудет жизненная сила
С названием того села,
Где мама грядки посадила.
А досмотреть вот не смогла.

*Перевод с белорусского
Фёдора ЕФИМОВА*

* * *

Не надо горевать о мёртвых,
Ведь жизнь их не была пуста.
Свой крест несли по жизни гордо –
Вплоть до могильного креста.

Вы лучше о живых поплачьте,
Их ваша жалость всколыхнёт,
Вы пожелайте им удачи,
А к мёртвым плач ваш не дойдёт.

Слезами не поможешь горю.
На них – гранитная плита.
Свой крест несли достойно, гордо
Вплоть до могильного креста.

* * *

За нашим хутором от века
Спокойно рос могучий бор.
Но заглянули дровосеки –
И грозно загремел топор.
Они ни в чём не виноваты –
Работа такова у них:
Валили лес для новой хаты
Под самый корень, как под дых.
Не всё валили, что под руку,
А выбирали стройный ствол.
Лес исходил последним звуком,
Со стоном рушился на дол.
Направо падал и налево.
Шла смерть кордоном боровым:
И каждое прямое дерево
Хотело тут же стать кривым.

*Перевод с белорусского
Бронислава СПРИНЧАНА*

СЛАВА БОГУ

Слава Богу,
Есть на свете
Отчий дом, а в доме том
Сына ждут, когда приедет,
Вспоминают о былом.

Слава Богу,
В мире этом
Есть куда купить билет.
Но назад дороги нету –
И душе покоя нет.

Слава Богу,
Что живу я
И родители – в строю,
Что, как дочь свою родную,
Нежу родину свою.

Слава Богу,
Что продолжил
Родословную мою.
Жили б мама с папой дольше –
Вот и всё, о чём молю.

* * *

Через сёла, детства веси –
Гавли, Муравей, Галы –
Уносили в поднебесье
Журавли своё «курлы».
Столько грусти и печали
Было в нём, что вспоминал,
Как и сам в чужие дали
После школы улетал
Из родной моей деревни –
Безвозвратно, навсегда,
Словно в путь какой последний,
Из родимого гнезда.
Возвращаться пусть не нужно –
Городской давно уже,
Но «курлы» услышу – тут же
Как-то горько на душе.

*Перевод с белорусского
Александра СТРИГАЛЁВА*

ЖИВУ!

Тебя друг спросит: «Как живёшь?»
Вопрос банальный, между прочим.
Вряд на нытьё ты перейдёшь,
Как и хвалиться не захочешь.

«Живу!» – И твой ответ не ложь.
Он как вопрос, на всякий случай.
А как взаправду ты живёшь,
Что ни скажи – не станет лучше.

* * *

На мове белорусской нашей
Стихи читает внучка Маша.

Читает нараспев, протяжно,
Как будто бы смакует слово.
И умирать уже не страшно,
Ведь не умрёт со мною мова.

Перевод с белорусского автора

ОБРАЩЕНИЕ К КУПАЛЕ

Приди, поэт, к нам на Купалье,
Взгляни, оставив пьедестал,
Таковыми ли сегодня стали,
Какими видеть нас мечтал?

Ты посмотри на наши книги
И откровенно нам скажи:
Живём мы вечностью иль мигом
И всё ль, что пишем, будет жить?

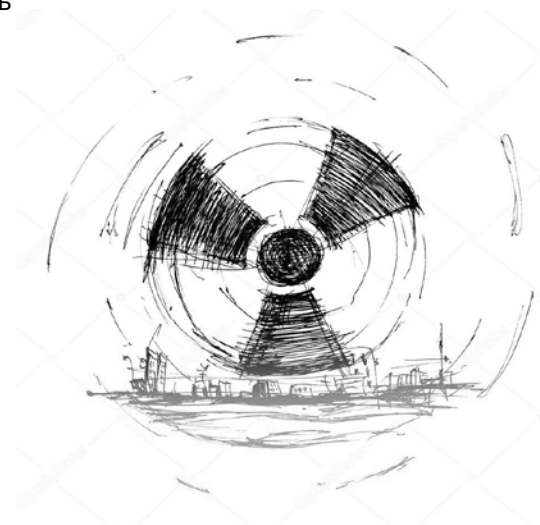
Взгляни хотя бы на мгновенье
На то, что сделано за год:
Всегда ли есть в стихах горенье,
Вперёд зовущее народ?

РАДИОАКТИВНЫЕ СТРОФЫ

Радиоактивные рябины.
Радиоактивные дубы.
И ягода радиоактивна.
Радиоактивны и грибы.

На травы
Лёг отравой
Цезий.
Усыпал он деревья все.

Как нынче жить
Нам среди леса
И с лесом
Не дружить
Совсем?

Путешествия старого сундука

В жизни есть место чудесам, в этом уверены сотрудники Литературного музея Максима Богдановича. Казалось бы, жизнь и творчество классика белорусской литературы изучены довольно подробно, собран богатый фактографический материал, автографы, фотографии, прижизненные публикации в белорусской и заграничной прессе. Но и сегодня, через столетие, Максим Богданович присылает нам свои приветы и подарки. То почти случайно выявлен автограф поэта, неизвестный учёным и исследователям, то найден сотрудниками музея фельетон, автором которого с высокой долей вероятности можно назвать писателя.

Несколько лет назад в фонды Литературного музея Максима Богдановича поступил новый экспонат – старый деревянный сундук, который когда-то принадлежал Анне Рафаиловне Кокуевой. Этот раритет приехал в Минск из Санкт-Петербурга. Имя хозяйки сундука хорошо известно знатокам творчества Максима Богдановича. Именно этой красивой девушке поэт посвятил много стихотворений, цикл «Мадонны» и, как полагают исследователи, самый знаменитый белорусский романс «Зорка Венера».

Любовь поэта к А. Кокуевой имела печальный финал. Анна Рафаиловна вышла замуж за Ивана Сергеевича Лилеева, жила с мужем в Санкт-Петербурге. До Великой Отечественной войны в Институте белорусской культуры хранился архив М. Богдановича, где была тетрадь с черновыми набросками под общим названием «Полынь-трава» и отдельный листок с уточнением – «Полынь-трава. Стихи об Ане Р...не, с ее портретом, автографом и комментариями к стихам».

В первые дни войны этот рукописный сборник стихотворений исчез вместе с архивом поэта, но благодаря сыну Анны Рафаиловны, Николаю Ивановичу, сохранилось много вещей, которые

принадлежали семье. В 1970-е годы Н. И. Лилеев передал в Беларусь оригинальный сборник стихотворений М. Богдановича «Вянок» (1913) с дарственной надписью автора и фотографию, на которой изображён молодой писатель. На обороте снимка – автограф Максима, стихотворение на русском языке, которое перекликается со строчками известной поэмы «Вероника».

Сборник «Вянок» сейчас хранится в Национальной библиотеке Беларуси, а фотография Максима Богдановича стала одним из самых первых экспонатов музея. Научные сотрудники наладили тесные связи с Николаем Ивановичем Лилеевым и его семьёй. Сейчас в фондах хранится более 200 музейных предметов, когда-то принадлежавших Кокуевым и Лилеевым, в том числе оригинальные фотографии Анны, её родных, друзей, мемориальные предметы (шкатулка, несессер, вышивка на бархате), коллекция открыток дореволюционного Ярославля. Есть определённая символика в том, что первым предметом, который поступил в фонды музея от Николая Ивановича Лилеева, стала открытка с видом Ярославской мужской гимназии, где учились Максим Богданович, Николай Кокуев, брат Анны, и Иван Лилеев, её будущий муж.

Несколько раз Н. Лилеев и его жена навещали Минск и Литературный музей Максима Богдановича. Последний раз они приезжали в Беларусь в 2003 году, когда сын Анны принимал участие в Международной научно-практической конференции «Я не самотны, я кнігу маю...», посвящённой 90-летию сборника стихотворений М. Богдановича «Вянок». К сожалению, Николай Иванович уже покинул этот мир, но его жена Людмила Сергеевна Лилеева продолжает поддерживать дружеские связи с музеем. Именно она и решила передать сундук Анны Кокуевой в Минск, в Литературный музей Максима Богдановича.

Анна Кокуева

Дорожный сундук в экспозиции Литературного музея Максима Богдановича

О том, что именно Анна Рафаиловна являлась владелицей сундука, свидетельствуют буквы, которые выбиты на крышке декоративными гвоздиками, – «А. К.» (Анна Кокуева). О реликвии Николай Иванович рассказывал сотрудникам белорусского музея, он же сетовал, что предмет довольно громоздкий и его сложно привезти в Минск. Согласно семейной легенде, именно с этим дорожным сундуком Анна Кокуева уехала из Ярославля в Санкт-Петербург, чтобы учиться в Санкт-Петербургской консерватории. Ещё одно косвенное свидетельство имеется на самом сундуке – частично сохранились пометки Ярославской железной дороги. С определённой долей осторожности можно утверждать, что сундук был сделан специально к отъезду Анны из Ярославля. Город на Неве, возможно, был выбран не случайно, поскольку младший брат Анны Николай Кокуев поступил в 1911 году учиться в Санкт-Петербургский политехнический институт. Здесь же в Санкт-Петербургском женском медицинском институте училась и младшая сестра Варвара.

В 1914 году Анна вышла замуж за Ивана Сергеевича Лилеева. В фондах Литературного музея Максима Богдановича хранится документ, выданный 8 мая 1914 года студенту физико-математического факультета Императорского

Санкт-Петербургского университета И. С. Лилееву. В нём говорится, что со стороны «Университета не встречается препятствий к вступлению его в первый законный брак». А на обратной стороне того же документа есть запись, что «студент Иван Сергеевич Лилеев 1914 года Мая 26 дня вступил в первый брак с дочерью Статского Советника девицею Анной Рафаиловной Кокуевой. Акт браковенчания записан в метрическую книгу Ярославской Крестовоздвиженской церкви под № 8». Началась семейная жизнь, со всеми радостями и печалью, и на некоторых личных вещах Анны, как вспоминал Николай Иванович, появились вышитые буквы «А. Л.».

Научных сотрудников Литературного музея Максима Богдановича ждёт серьёзная работа по атрибуции сундука: необходимо определить год и место производства, установить название мастерской либо фамилию мастера и т. д. А пока ценный подарок занял своё место в экспозиции музея среди других реликвий, связанных с Анной Рафаиловной Кокуевой и её семьёй. С помощью этого «немного свидетеля эпохи» совсем несложно отправиться в путешествие на машине времени и почувствовать дух той эпохи, в которой жил и творил Поэт...

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ БЕЛОРУССКИЙ РОМАНС

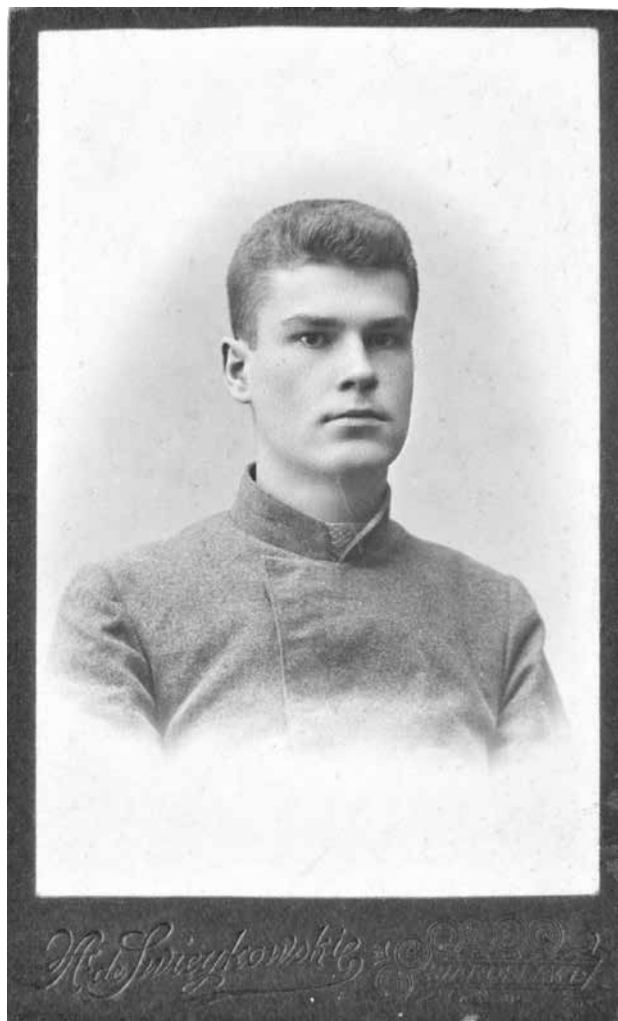
*Снова Венера взошла над землёю,
Яркою звёздочкой вдаль поплыла...
Словно при первом свиданьи с тобою
Снова Венера взошла...*

М. Богданович, перевод А. Бараховича

Поклонники творчества Максима Богдановича очень трепетно относятся к единственному прижизненному сборнику стихотворений «Венок» («Вянок») (Вильно, 1913), ведь многие поэтические шедевры впервые были опубликованы именно в этой книге. Антон Луцкевич, автор первой рецензии на сборник, так оценил творчество молодого белорусского автора из Ярославля: «...он не только чувствует красу, – он ее понимает. И – чтобы пересказать нам ее – подбирает такие слова и образы, которые действительно вызывают в нашей душе искренний отклик. Все у него выходит в таких мягких тонах, как будто на старых тканях-гобеленах, все согрето искренними чувствами, и все это живет, кажется реальным» (переводы цитат – И. М.).

Один из поэтических бриллиантов М. Богдановича, который впервые был напечатан в книге «Венок» и вошёл в сокровищницу белорусской поэзии, – «Романс» («Раманс», «Зорка Венера»). Это стихотворение, которое многие исследователи относят к лучшим образцам белорусской любовной лирики, хранит в себе много тайн. Одна из них касается даты написания. Точную дату пока определить не удалось, ведь автограф стихотворения не выявлен. В книге «Венок поэтического наследия» («Вянок паэтычнай спадчыны») (Мюнхен, 1960) стихотворение датируется 1912 годом, но неизвестно, на какие факты опирались составители книги.

Ещё одна тайна – кому адресован «Романс», ведь стихотворение не имело посвящения, как,

например, в поэтическом сборнике переводов на русский язык «Зеленя» – «Нюте», т. е. Анне Ивановне Гапанович, двоюродной сестре М. Богдановича. В «Романсе» нет прямых отсылок, в отличие от ряда других лирических зарисовок Максима Богдановича – «Аня, Анечка», «*** Вашай цётцы...», «Мая гаспадыня». Большинство исследователей творчества поэта уверены, что этот шедевр любовной лирики посвящён Анне Рафаиловне Кокуевой, с которой М. Богданович

познакомился в Ярославле, в последние годы учёбы в Ярославской мужской гимназии. Он дружил с Николаем Кокуевым, своим одноклассником и братом Анны, часто бывал в их доме.

Анне Кокуевой Максим посвятил цикл «Мадонны» из сборника «Венок», в письме сотруднику газеты «Наша Нива» («Наша Ніва») Вацлаву Ластовскому 7 ноября 1913 года поэт писал: «В редакцию Н. Н. посылаю поэмку "В деревне", первую из раздела "Мадонны", этот раздел посвящаю А. Р. К. (так только буквы и поставьте)». В материалах поэта, переданных его отцом в Беларусь в 1923 году, находилась тетрадь, на первой странице которой было написано: «Максим Богданович. Полынь-трава», далее шли черновые наброски лирических стихотворений, своеобразная история любви. Был и ещё один лист, на котором рукой поэта было написано – «Полынь-трава. Стихи об Ане Р...не, с ее портретом, автографом, с комментариями к стихам». Привлекает внимание одно стихотворение из рукописного сборника, посвящённого А. Кокуевой, которое имеет сходные мотивы с «Романсом»:

*Яшчэ дзіцёнкам я чуў,
Што ёсць на небе дваіняткі зоры,
Каторыя так блізкі <паміж сабой>
І так суцэльна зліваюць свае святоло,
Што нам здаюцца адною зоркаю.*

*Доля іх – гэта ж наша доля.
(«Дваіняткі»)*

На сегодняшний момент невозможно выяснить, каково было отношение Максима Богдановича к собственному творению. Известно, что в феврале 1917 года больной туберкулёзом поэт выехал из Минска в Ялту. Там, вдали от родины, он не только лечился, но и продолжал активно работать над будущими сборниками. В письме к минской знакомой Ванде Левицкой Максим писал: «...просматриваю этими днями свой "Венок". Недостатков разных – гибель, да и книжка совсем молодая: стихотворения ее писались с половины 1909 до половины 1912 г., когда мне было 17–20 лет. Но в ней все же есть и творчество, и вдохновение, и серьезная рабо-

та. Взял я карандаш, половину стихотворений вымарал совсем...» В личном экземпляре «Венка», который был с поэтом во время последнего путешествия в Ялту, он зачеркнул 15 стихотворений, в том числе и «Романс».

Следующие книги Максима Богдановича, как и стихотворения из сборника «Венок», печатались уже после того, как автор отошёл в мир иной. Впервые после смерти поэта его «Романс» был представлен читателю в книге «Белорусский декламатор» («Беларускі дэкламатар») (Минск, 1924), наиболее активно стали печатать М. Богдановича в конце 1920-х годов. Стихотворение не могли обойти своим вниманием А. Луцкевич, составитель сборника «Вянок» (Вильно, 1927), И. Дворчанин, составитель «Хрестоматии новой белорусской литературы (с 1905 года)». Кстати, последнее издание, которое увидело мир в издательстве Б. Клецкина в Вильно в 1927 году, готовилось специально для учеников старших классов белорусских средних школ. Вот уже более девяноста лет юноши и девушки имеют возможность знакомиться с лучшими образцами белорусской лирики.

В собрании произведений Максима Богдановича 1927–1928 годов впервые к «Романсу» были подготовлены научные комментарии. Добавлены черновые варианты отдельных строчек стихотворения, которые свидетельствуют, что поэтом велась напряжённая работа по совершенствованию белорусского языка, избавлению от русизмов. Эти варианты находились в папке архива М. Богдановича с черновыми набросками, среди которых был и листок с названием для будущего сборника «Полынь-трава», который так и не увидел свет.

Белорусские литературоведы в течение длительного времени обходили стихотворение своим вниманием, отдавали предпочтение патриотической, урбанистической, пейзажной лирике М. Богдановича, лирика любви рассматривалась ими косвенно, сдержанно, только в связи с другими темами. Одним из первых исследователей творчества М. Богдановича, который упоминает «Романс», является А. Вознесенский. В статье «Поэтика М. Богдановича» (журнал «Крывіч», 1926) он определяет

тематику творчества и приводит соответствующие примеры. Стихотворение «Романс» рассматривается им в ряду психологических тем, которые «выражают духовное "Я" художника». Но первое, на что обращает внимание критик при анализе «Романса», – чувство тоски: «чувство тоски настолько широко и всеохватывающе, что придает оттенок и другим высоким эмоциям в душе человека, любовь поэта выражается в единстве со слезами или затаенной в расставании тоской».

В следующем году между критиками началась полемика по вопросам оценки любовной лирики М. Богдановича. Профессор М. Писотухович в статье «Тени и свет в творчестве М. Богдановича» писал: «Много есть людей, для которых любовь – более красивый цветок жизни, но поэт холодным ножом анализа срывает лепестки и с этого цветка; он показывает, что и в любви тяжело найти родную душу, что и в этих переживаниях тяжело избавиться от одиночества». Оппонентом в учёном споре выступал С. Замбржицкий, в материале «Натягивание чужого халата» он высказал мысль, что

Первая публикация стихотворения в сборнике стихов «Вянок» (Вильно, 1913)

отношение поэта к любви было совсем иным. Как пример стихотворения, которое наиболее ярко характеризует взгляды М. Богдановича на это чувство, критик цитировал «Романс», подчёркивая, «сколько прелести и мощи вложил поэт в это чувство».

Высокую оценку лирическому наследию поэта дал М. Ларченко в публичной лекции «Творчество Максима Богдановича», прочитанной в 1949 году в Минске. Он подчеркнул, что в стихотворениях «звучат мотивы глубокой человечности, гуманизма, жизнерадостности, тонких интимных переживаний человека». Стихотворение «Романс» упоминается им как высокохудожественное произведение, в котором представлены «красивые и возвышенные чувства бескорыстной любви и дружбы». «Романс» Максима Богдановича всё чаще упоминается критиками, постепенно становится объектом исследований специалистов разных отраслей

гуманитарных наук. Как показывает опыт проведения научно-практических конференций, которые организуются Литературным музеем Максима Богдановича, «Романс» находится в центре внимания и языковедов, и литературоведов. Многие доклады посвящены исследованию переводов поэзии М. Богдановича, в том числе и «Романса», на разные языки.

Можно сказать, что не только критики, но и переводчики не сразу обратили внимание на это стихотворение. Первая публикация «Романса» относится к 1913 году, а переводы стихотворения на другие языки появились только в 1960-е годы, наиболее активными в этом сложном деле были переводчики на русский язык. На сегодняшний момент известны переводы А. Бачило, А. Бараховича, Г. Бедняева, Ф. Ефимова, П. Кобзаревского, А. Прокофьева, Б. Спринчана. На болгарский язык стихотворение переводили Х. Попов и Н. Вылчев, английский – В. Рич и В. Мей, немецкий – Ф. Нойрайтер. К ним присоединились ближайшие соседи Беларуси: на украинский язык перевёл Р. Лубкивский, литовский – А. Дрилинга, польский – В. Ворошильский. Можно найти «Романс» М. Богдановича в грузинском (М. Джугубрия) и армянском (Р. Цатурян) вариантах. Не так давно появились переводы стихотворения на японский язык (Кен Сибата), сербский (Д. Лазаревич), испанский (А. Эспиноса).

Поскольку название стихотворения – прямая отсылка к музыке, понятно, что очень скоро после публикации должно было появиться и музыкальное произведение. Автором музыки к романсу «Зорка Венера» стал С. Рак-Михайловский, композитор-любитель. В 1930-е годы он был репрессирован, а имя нельзя было упоминать. Этим объясняется тот факт, что в послевоенное время появилось несколько нотных сборников, где вместо автора музыки указывалось: «белорусская народная песня в обработке А. Богатырева», «мелодия народная, обработка С. Полонского, запись Г. Ширмы». В программе «Венок», подготовленной ансамблем «Песняры» в 1991 году, песню «Зорка Венера» исполнял В. Дайнеко, причём указывалось, что композитор – С. Рак-Михайловский, аранжировка В. Мулявина.

«Зорка Венера» стала устойчивым выражением, которое напоминает о М. Богдановиче и его поэтическом шедевре. Этот образ встречается в посвящённых поэту стихотворениях Д. Бичель-Загнетовой, Е. Янищиц, А. Вольского, С. Володьки, С. Панизника, Ю. Свирки, Б. Спринчана. Благодаря Максиму Богдановичу для многих почитателей творчества белорусского писателя далёкая планета стала символом искренней любви, светлых воспоминаний и надежд:

Зорка Венера ўзышла
над зямлёю,
Светлыя згадкі з сабой
прывяла...
Помніш, калі я спаткаўся
з табою,
Зорка Венера ўзышла...

Ирина МЫШКОВЕЦ,
ведущий научный
сотрудник
Литературного музея
Максима Богдановича

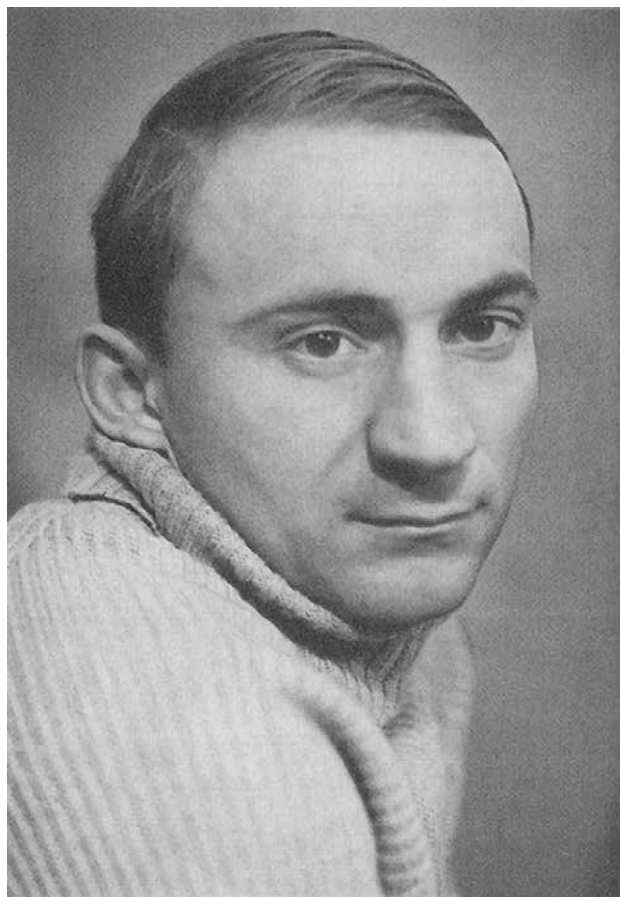
Иллюстрации из фондов
Литературного музея Макси-
ма Богдановича

РОМАНС.

Quand luira cette étoile, un jour,
La plus belle et la plus lointaine,
Dites-lui qu'elle eut mon amour,
O derniers de la race humaine.
Sully Prudhomme.

Зорка Вэнэра ўзыйшла над зямлёю
Сьветлыя згадкі з сабой прывела...
Помніш, калі я спаткаўся з табою,
Зорка Вэнэра ўзыйшла.
З гэтай пары я пачаў угледацца
Ў неба начное і зорку шукаў.
Ціхім каханьнем к табе разгарацца
З гэтай пары я пачаў.
Але разстацца нам час наступае;
Пэўна, ўжо доля такая у нас.
Моцна кахаў я цябе, дарогая,
Але разстацца нам час.
Буду ў далёкім краю я нудзіцца
Ў сэрцы любоў затаіўшы сваю;
Кожную ночку на зорку дзівіцца
Буду ў далёкам краю.
Глянь іншы раз на яе, у разстаньні
Там з ёй зліём мы пагляды свае...
Каб хоць на міг уваскрэсла каханьне,
Глянь іншы раз на яе...

*Ёсць камень. Надпіс не забудзеш.
І сведчыць ён з далёкіх дзён:
«Налева пойдзеш – смерць здабудзеш,
Направа – трапіш у палон».
І я, падумаўшы свядома,
І між магіл, і між крыжоў
Рашыў пайсці у невядомасць
І у Паэзію пайшоў.*

ПОЙТИ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Поэтическое слово – это не просто записанные в образах мировосприятие, переживания отдельного творца. Поэзия – тот волшебный код, зная который можно бесконечно познавать душу народа, из которого вышел талант.

Есть поэты, известные широкому кругу читателей, и те, чьё творчество как магнит притягивает знатоков настоящей поэзии. Книги первых выходят многотысячными тиражами, составляют целые тома, а у других всё творческое богатство заключено в одну-две книги, но порой эти книги оказываются весомее многотомных изданий. Трудно в огромном перечне имён «застолбить» своё место на поэтическом Олимпе и остаться в истории литературы пусть небольшой, но яркой и неповторимой звездой.

В белорусской поэзии много звучных имён, внесённых в школьные учебники, но имени Ана-

толия Сербантовича вы там не найдёте, хотя он обогатил нашу литературу прекрасными примерами настоящей поэзии.

Анатолий Сербантович родился 13 мая 1941 года, за месяц с небольшим до начала войны, в семье учителей в деревне Ордать Шкловского района. Родился слабым и болезненным. С началом войны выживание ослабленного ребёнка без надлежащего медицинского ухода не представлялось возможным. Но, видимо, Богу было угодно сохранить жизнь будущему поэту. Он выжил и, несмотря на голод и многочисленные лишения, воспринимал мир светло и радостно, хотя отзвуки войны, боль и память о потерях присутствовали в его жизни и творчестве постоянно.

Известные мастера слова отмечали завидное поэтическое здоровье Анатолия Сербанто-

вича, которое проявлялось в свежих органичных образах и эмоциональной настроенности, чего нельзя было сказать о его физическом здоровье. Болезненный от рождения, в 17 лет он получил тяжёлую травму головы, от которой страдал на протяжении всей своей короткой жизни. Несмотря на проблемы со здоровьем, он поступил в университет, где с первых студенческих дней решил: университет нужен не только для того, чтобы брать знания и мастерство, сюда необходимо принести и что-то своё. На втором курсе у Анатолия Сербантовича уже был рукописный сборник стихов, прочесть который имели возможность многочисленные друзья и товарищи по учёбе. Немало шло в печать.

Жить было светло и радостно, несмотря на тяжёлую болезнь и частые разочарования в людях. Он был весёлый, искренний и доверчивый, этот небольшого роста, черноволосый, с тонкими чертами лица и низким голосом человек, его словно магнитом тянуло к людям, и он очень быстро к ним привыкал, всегда был окружён многочисленными друзьями и знакомыми, на которых можно было опереться в борьбе со злом в жизни. Но в поэзии было совсем иначе, поэт выходил один на один со всем миром, который представлялся то блестящим и загадочным подарком, то хитрой, лицемерной маской, под которой скрывается неизвестно что. В этой борьбе рассчитывать приходилось только на себя и только себя считать ответственным за все ошибки и неудачи, разделяя радости и победы на всех:

*Мне, як дзядам маім, нялёгка,
Ва мне іх мары ажылі –
Не мелка сеяць, не глыбока,
А каб у сэрцы узышлі!*

Замечательный белорусский поэт-фронтовик Алексей Пысин называл Анатолия Сербантовича звонким шкловским жаворонком, который молодым взлетел к зениту белорусской поэзии с высокого берега реки Баси у деревни Ордать и очаровал читателей многоголосой и многоцветной мелодией стихов, поэм, сонетов. Он же высоко ценил стихи А. Сербантовича на военную тематику: «Это моё поколение за-

нимало первые окопы, а он едва держался за деревянный бруствер колыбели. Но те же самые бомбы падали, те же осколки свистели над моим окопом и над его колыбелью. Поэтому и он был на войне. А когда она наконец закончилась... четырёхлетний мальчик из шкловской полевой деревеньки Ордать мог тоже поделиться своими военными воспоминаниями. Потому что в памяти остались и землянка матери, и отзвук канонад, и все щемящие запахи и цвета пережитого. Потом-потом этот мальчик, которому суждено было стать талантливым поэтом, расскажет про судьбу одногодков, что сгорели в печах фашистских крематориев, и ещё о том, как учил азбуку: не по букварю, а по надписям на обелисках».

Его первая книга так и называлась «Азбука» (1966). В ней поэт отразил основные этапы постижения жизни. Сборник вызвал интерес критики, что было обусловлено содержанием книги, её поэтическими достоинствами.

В 1968 году вышла вторая книга поэта – «Минное поле» (первоначальное название «Цветные сны»). Наибольший интерес вызвала одноимённая поэма, с которой и начинался сборник.

*Трывог і сноў пазбавіцца? Ніколі!
Я спаць кладуся як іду у бой.
Каторы год паўзу на мінным полі,
Па мінным полі памяці маёй.*

Тревога и боль, искренность и доброта – эти чувства доминировали в книге, с обложки которой смотрела наивная и смешная птичка, слегка зажата в кулаке...

Склонность мгновенно реагировать на все проявления окружающего мира, на все изменения внутри собственного «я», реагировать средствами искусства, превращалась постепенно в нужду, в инстинкт, когда важно было как-то ответить на воздействие, просто откликнуться или переосмыслить. Поэзия не была чем-то искусственным, отделённым от жизни.

Писал он много, за одну ночь являлось до четырёх стихов, которые, пролежав с месяц в ящике стола, либо шли в печать, либо возвращались в ящик насовсем. Торопился. Ещё

улыбался, когда вспоминал недавнее посещение врача: тот категорически запретил «пить, курить и писать». Живую молодую акварель...

Но не писать – значит не жить! Он будет писать, но только много ли успеешь за такое время сделать... Где оборвётся путь, на чём остановится перо?

Поэт подсчитал, что для совершения своего замысла ему нужно всего лишь десять лет.

Жить ему оставалось несколько месяцев. Он встречал друзей, знакомых и таинственно сообщал о какой-то важной и грандиозной работе на десять лет. 11 марта 1970 года Анатолий Сербантович написал небольшое стихотворение «Там начинается поэзия...»:

*Там пачынаецца паэзія
І там яна канчаецца,
Дзе ты ўсміхаешся гарэзліва
І цэлы свет гайдаецца.
Спяшай зрабіць са сцэжкі крок,
Дзе цішыня густая,
Каб прачытаць адзін радок,
Які ніхто не знае.*

Внизу обозначил: «Среда. 11.03.70. Последнее моё стихотворение». Поэт вслушивался в приближение смерти. Времени оставалось всё меньше, не стоило торопиться. Торопливости всегда хватало и в жизни, и в творчестве. А теперь можно не гнаться, спокойно, без суеты заняться работой. Той, которая на десять лет...

21 марта 1970 года Анатолий Сербантович умер. Ночью, так и не дождавшись утра, спасительного света. Похоронили его на Московском кладбище и положили тот самый простой «серый камень» с надгробной надписью, будто заранее подготовленной себе поэтом:

*Не думайце з трывогаю пра вечнасць,
Забудзьце пра хвіліны забыцця:
Складаецца з трагедый чалавечых
Вялікая трагедыя жыцця.*

Через год вышла в свет его последняя, посмертная книга «Перстень» с предисловием

Алексея Пысина. Когда-то Иван Бунин писал, что кольцо в народе – символ тоски и верности. Тоски – по жизни, верности – поэзии. Он не прожил и тридцати лет, а писал и вовсе только десять. Двадцать девять лет, три книги стихов, а ещё – вера в будущее, в человека и гармонию: вера, которую не отравило даже предчувствие близкого конца.

*Упаду,
Упаду
На лугу ці палетку.
І вясной узыду
Самай простаю кветкай.*

*Будуць зоры цвісці,
Будуць пець за тарою.
Будуць людзі ісці*

*ЛЯ мяне
Нада мною.
Пырснуць росаў дажджы
На чарнявых і русых,
Хтось ка мне падб'яжыць,
Возьме ў цёплыя рукі.
І мяне, у расе
Покуль плавіцца ранак,
Панясе,
Паднясе
Сарамлівай каханай.
Салавей прап'яе
Урачыстыя гімны.
У руках у яе
Я завяну,
Загіну.
І тады не бяда,
Што ўпаду на дарогу.
Мне жыцця не шкада
Дзеля шчасця людскога!*

Он жил поэзией, о том свидетельствуют его стихи и воспоминания тех, кто его знал, статьи исследователей, которых коснулась поэзия творца. Поэт Леонид Голубович воспринимает Анатолия Сербантовича как своего современника: «Не знал его, а вспоминаю как живого. Слово Жаворонок в зените, звенит

он мне лучшими своими песнями. У каждого, даже великого поэта, не так много памятных строк, которые в определённое время шепчутся нами, как сокровенные молитвы... Не так много их и у него. Но есть, и какие:

*Неба зорною книгаю,
Дрэва шэрага клін.
Плачуць ціхія кнігаўкі.
Я не знаю – па кім.
Плач лунае, як мільгаўка,
І пакуль прамільгне,
Мне здаецца,
што кнігаўкі
Плачуць толькі па мне...*

И всё же думается мне: он "не одинок". Нет, не потому что "книгу имеет", а прежде всего потому, что имеет своего читателя вопреки всему, и через десять лет, и через тридцать... Человек, прошедший с Азбукой жизни на устах через Минное поле, достойный обручального Перстня (Пярсцёнка) нашей памяти...»

А вот ещё одно мнение. «Он не прожил и тридцати лет, писал и вовсе только десять. Глоток жизни, прозрачный и свежий, и – смерть. Которая никого не жалеет, никого не выбирает и не смотрит даже на то, что ты совсем молодой, что ты – поэт и не всё ещё сказал из того, что хотел и мог. Но то, что родилось, что горело и билось в душе Поэта, никогда не угаснет, не уйдёт в небытие». Так написал критик, поэт и драматург Сергей Ковалёв в проникновенном предисловии к сборнику стихов Анатолия Сербантовича «Жаворонок в зените».

Настоящие поэты не учатся поэзии – они в ней живут: взрослеют, творят и умирают. Так было и у Анатолия Сербантовича. Его творчество яркое и особенное: дотронешься до него однажды – и навсегда попадёшь в плен.

Несмотря на короткую жизнь, поэт оставил достаточно богатое поэтическое наследие,

которое и сегодня привлекает читателя естественностью и непринуждённостью строки, жизненной конкретикой и пластичностью. Его поэзия созвучна с творчеством Николая Рубцова. Та же музыкальность, метафоричность, которым могут позавидовать даже знаменитые поэты, но главное в их поэзии – предельная искренность. Это чувствует читатель и верит каждому слову. Такие произведения не только трогают, они утоляют нашу жажду по правде, искренности, любви, поддерживают в минуты печали и отчаяния, делят с нами радость и спокойствие. Недавно, читая книгу «Парастак» Ивана Антоновича Брыля, споткнулась на таких словах: «Что мне до того, что это уже читано мною и, судя по разности пометок на полях, не раз, – мне снова захотелось побыть с ним в часы временной опустошённости души, и я своего достигаю, становлюсь светлее. Всё тот же Уолт Уитмен и его "Листья травы"».

А ведь это и хорошо, и важно, что он – из тех немногих, хотя их на свете и много, которых за один раз не прочитаешь на всю глубину».

Подумалось, как хорошо, что они есть: Сербантовичи, Пысины, Рубцовы и многие другие – те, с кем можно пойти в светлое, кого можно бесконечно открывать для себя и наполнять душу радостью. **А**

Лидия ШАГОЙКО,
филолог

Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, работала в школе, ведущим редактором в научно-методическом журнале «Роднае слова», заведующим научно-просветительским отделом Государственного музея истории белорусской литературы. Автор ряда статей, лекций, экскурсий, посвящённых творчеству белорусских писателей XX века: В. Адамчика, Г. Марчука, Г. Пашкова, А. Пысина, А. Сербантовича, С. Гаврусева, В. Карамазова, А. Кулешова и др. Сейчас на преподавательской работе.

*Свет Родины во мне горит,
И нет на свете чище света...*

Анатолий Шиляев

О ПРАВДЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

РУСЬ, РОДИНА, РОССИЯ –
КОРЕННАЯ ТЕМА ПОЭЗИИ ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

О общеизвестно, что у каждого человека своя правда, как, собственно, и у каждого художника свои поиски на пути к истине. Неизменен и сопутствующий вопрос: каков он в искусстве, путь к правде? Без лукавства, минуя заумные «измы», можно с уверенностью сказать, что реализм является наиболее адекватным методом постижения правды жизни. Реализм в искусстве – и есть движение к абсолютной правде, самое прямое и надёжное. Подобный непреложный постулат подтверждает творчество поколения писателей-фронтовиков, узнавших мир вместе с человеческим страданием и человеческим подвигом. «Высокое, прямое поколение», которое ни «на миг один» не усомнилось в себе и своей правоте, иначе «Родину спасти бы не сумело...» – так писал о нём поэт-фронтовик Дмитрий Ковалёв, уроженец Белоруссии. Русский поэт Игорь Николаевич Григорьев как раз и относится к тому легендарному поколению. Впитав воздух военного времени, он сумел сохранить весьма важное и необходимое для художника качество – собственную индивидуальность, творческую независимость, сумел донести до нас своё трепетное слово, одухотворённое огнедышащей эпохой минувшего столетия. Игорь Григорьев

был человеком особой выделки, судьба которого отнюдь не из случайных. Она – матрица, и её рисунок повторяется, когда идёт речь о поколении 20–30-х годов, к нему поэт, родившийся в 1923 году, закономерно испытывал особую симпатию.

Игорю Григорьеву, как и многим его современникам, удалось миновать витиеватые пути в литературе, найдя сразу серьёзную художественную основу, прочную опору в русле классической традиции, удалось сохранить ей верность и преданность, как удалось и отыскать собственный путь в поэзии, придав ему исконно национальное звучание и самобытность. Поэзия стала путеводной звездой Игоря Григорьева, и классика в ней всегда была основным ориентиром, плотью и кровью традиционного искусства. И здесь никто не может сказать, что он как автор грешил против жизненной и исторической правды. «Содержание художественного произведения определяется только поведением самого художника, потому что содержание есть сам художник, его собственная душа, заключённая в форму», – находим точную мысль у литературоведа Вадима Кожинова. Полотно личной и автобиографической судьбы мы зримо и неотступно видим

и в произведениях Игоря Григорьева. «Таково уж свойство Поэзии: она – сам человек, взявшийся за перо. Но жизнь – мудрёная штука: в ней без прозы не обойтись», – говорит он в своём очерке «Всё перемелется» (Поэт и воин: книга воспоминаний об Игоре Григорьеве. СПб., 2013. С. 5). Хотя как посмотреть, что называть прозой жизни.

Поэзию, как один из самых сложных видов искусства, Игорь Николаевич Григорьев сделал смыслом жизни, наполнил его поистине вселенским звучанием, сполна постигнув великую созидательную силу слова. Его творчество отражает индивидуальность самого автора – это и есть то яркое личностное начало, без чего не может быть настоящего художника слова. Великий литературный теоретик В. Г. Белинский, отмечая в многообразии литературного процесса различные явления и изменчивые роли писателей, в итоге своих размышлений приходит к конкретному выводу: «Такие явления всегда имеют две причины: одна заключается в степени таланта поэта, другая в духе эпохи, в которую действовал поэт. Никто не может стать выше средств, данных ему природою; но исторический и общественный дух эпохи или возбуждает природные средства действителя до высшей степени свойственной им энергии, или ослабевает и парализует их, заставляя поэта сделать меньше, чем бы он мог».

Да, жизнь не благоволила Игорю Григорьеву. Трудно сказать, сложись она иначе, легче, проще, беззаботней, – смог бы он сделать больше?! Вопрос спорный. Впрочем, при всех перенесённых невзгодах и перипетиях сделано им немало. Вот, к примеру, писатель, кандидат психологических наук Наталья Советная в очерке «Горевой цветок России» отмечает следующее: «Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что в каждом произведении И. Григорьева, во всех двадцати двух книгах, звучит святая Русь...» 22 книги – результат значительный! «Чувство Родины в моём опыте есть основа творчества», – писал когда-то М. Пришвин. «Я поэт потому, что у меня Родина есть», – был убеждён и И. Григорьев. «И Русь, и стихи для меня – одно целое, великое, пока людям нужны

стихи, нужна и красота», – всегда верил он в свою поэтическую звезду. Известный искусствовед, архитектор-реставратор, поэт Елена Морозкина, жена и надёжная творческая опора И. Григорьева, подтверждала: «Любовь к Родине была для него главным в жизни, а стихи – его сутью и сутью выражения этой любви...» Выделяя эти «две взаимопорождающие стихии», она хорошо, не понаслышке знала, что «совершенно невозможно отделить его жизнь, его биографию, его человеческую судьбу от его поэзии».

В предлагаемой читателю книге «Слово нерушимо», о которой пойдёт речь в данной статье, собрано шесть поэм И. Н. Григорьева. И сейчас, спустя десятилетия, произведения эти, объединённые под одной обложкой, по-прежнему являют собой мощный энергетический посыл торжества искусства слова. Определяя первостепенную тему в поэзии, И. Григорьев обращается к русской культуре, к истории России. Он с детства впитал особенности национальной культуры, духовные родники которой питали его жизнь, судьбу и творчество. Писатель должен помнить, для кого и зачем он создаёт свои произведения. Русская почва, возделанная старинными хлебопашцами, дышала и щедро плодоносила в поэзии Игоря Григорьева. И корни у поэта были деревенские, основательные и крепкие. Чтобы лучше понять природу его крестьянской натуры, придётся сделать некоторое отступление и обратиться к замечательному авторскому очерку «Всё перемелется», где И. Григорьев традиционно вспоминает детство: «Родители моей матушки – Василий Алексеевич и Василиса Яковлевна Лавриковы, крестьяне деревни Сосонье Порховского уезда, – имели три борозды земельного надела и четырнадцать детей (я застал только шестерых). <...> Мамина мама была неграмотна, но знала множество сказок, бывальщин, былин и песен. <...> Глубинную русскую речь моей прародительницы густо расцвечивали пословицы, побасенки, присловья и поговорки». Не менее любопытна, впечатляя природной даровитостью русских умельцев, и отцовская линия: «Дед Григорий Дмитриевич, от которого и пошла наша фамилия Григорьевы, – особая статья. <...> Основатель моего гнезда –

Гришина хутора – справный русский мужик, добрый оратай, садовод, кузнец, мастеровой и механик, мельник, а также камнетёс, страстный охотник». Характерны тут и авторские уточнения о нём: «Не брал в рот спиртного. <...> Само-родок, добряк и гордец дед Григорий покоится на погосте Жаборы». «Таковы мои глубинные корни», – лаконично скажет И. Григорьев. Таковы, очевидно, и истоки его редчайшей поэтической образности, окрашенной настоящим народным словом.

Русь стародавняя, архаическая перворо-дина – внутренний источник, праведная сила и суть народа – занимает почётное место в поэзии Игоря Григорьева. Он был летописцем народного мира в широком его понимании, про-возвестником нового, подлинного предназна-чения человека на земле. Его поэзия – это душа подвига и великой правды, пронзительной и болящей. М. Пришвин считал, что суть русского человека – не только в красоте, не только в силе, а именно в правде. Но правда требует стойкости. Уникальная философия русского мира, филосо-фия языка и многогранного художественного творчества открывается в исторических поэ-мах Игоря Григорьева «Благословенный чёртов путь», «Двести первая верста», «Стезя», «Оби-тель», «Колокола», «Русский урок».

Для начала нужно сказать, что перед нами – не просто отдельные произведения, перед нами – целый пласт истории России, взятый из глубин народной жизни, то ценное и сокровенное, что под талантливым пером художника приобретает неповторимое поэти-ческое звучание, поражая зорким видением прошлого сквозь призму дня настоящего. Из-ложить подробное содержание поэм затрудни-тельно, но можно попытаться передать их суть, само ощущение времени, и то, вероятно, лишь отчасти, лишь настолько, насколько можно по-чувствовать дуновение ветра, плавное течение вод, аромат цветов и трав, солнечное тепло и грусть осеннего увядания – всё то непостижи-мое многообразие мира природы, которое так совершенно любил поэт, чем он дышал и жил.

Великая русская литература никогда не была равнодушна к человеческому страданию,

когда говорила о войне. Получается так, что И. Григорьев одновременно и лирический, и суровый писатель. Автор с колоссальным ду-ховным напряжением переносит это состояние беды и человеческого горя в своё поэтическое пространство: «Уже и земля приготовилась к лету: / Ждёт сева земля от людей. / А хлеба ни корки и зёрнышка нету – / В тифу не бывает лютей». Разве бывает страшней, «чем хлеб на корню в декабре»?

Поэт правдив до беспощадности, до голой натуралистичности: «Чего-то искали, из фляжек лакая, / Маманю секли по щекам; / И в красном углу, под божницей, икая, / Мочился эсэсов-ский хам», – без лишних эмоций описывает он фашистскую облаву, циничный беспредел и бесчинства гитлеровцев. И выпали тяжкие испытания на долю совсем ещё мальчишки, брошенного в тюремные застенки, но не про-явившего слабину:

*С неделю мы жили кромешно и люто,
Не видя ни ночи, ни дня.
И вдруг отпустили ребят почему-то.
Оставили только меня.
Мне волю сулили, мне хлеб обещали,
Поили солёной водой,
И клясться велели, и богом стращали...
С тех пор я, как вьюга, седой.*

Автор сострадает своим героям, остава-ясь до конца честен и перед своим читателем. Потрясает до глубины души трагическая исто-рия деда Михея, история гибели его семьи, его молчаливый подвиг: «Зерно убережь от врагов!» Монолог старика стал краеугольным камнем – квинтэссенцией смыслов поэмы «Стезя»:

*Бывали к нам всякие, сгинут и эти:
Слаб ворог, с того и свиреп.
Тебе, человеке, жить долго на свете –
Держись двоеручно за хлеб!
Пред ним непокорные главы склоняют;
Ему и сжигать, и гореть;
За хлеб убивают, и им воскрешают,
И можно за хлеб умереть.*

Таким настоящим, ненадуманным героем в поэме И. Григорьева оказался дед Михей, отшельник, скряга, который всю жизнь, рубль к рублю, «на памятник Хлебу копил», который и погиб достойно за землю свою, за хлеб её трудный и неистощимый.

Несокрушимую веру в русского человека, в его великое предназначение на земле знаменует собой третья глава «Жить будем». «С петлёю на шее, кровавая седины, / Неволёю смрадной дыша, / Не день и не месяц – четыре години / Ждала, не изверясь, душа», – и дождалась, и всё вынесла она во имя мира и добра. Кстати, первое название поэмы и было «Жить будем» (1982 г.). Что же спасло то поколение и что помогло ему выжить? – задумываешься, читая поэму «Стезя». Что заставило выстоять перед самой совершенной в мире и профессионально качественной, слаженно подготовленной в военном и техническом отношении немецкой машиной? Дети, старики и женщины, кто был в оккупации и тылу, о чём И. Григорьев и повествует в поэме, не испугались и встали на борьбу с непревзойдённой машиной Третьего рейха. Феномен, не имеющий себе равных, который в моральном аспекте оказался гораздо выше и монументальнее всего остального. Вот и М. В. Шелехов, почётный гражданин белорусского города Давид-Городок, одного из самых древних на Полесье, учитель-краевед (замечу, что и И. Григорьев прожил 10 прекрасных лет в городе Городке, что на Витебщине Беларуси, полюбив эти тихие края и его трудолюбивый народ), поднимает эту проблему в своих военных мемуарах, автобиографическом произведении «Концлагерная повесть». Он, прошедший партизанство, оккупацию, жуткий фашистский плен, отважившийся на немыслимый для заключённых концлагеря побег, исполнявший воинскую службу на освобождённых от немцев территориях, лечившийся всю жизнь от полученных ран и болезней, восстанавливавший страну от разрухи, ставит конкретные вопросы: почему молодое поколение выжило в том аду и что способствовало этому? Ведь чудес, согласитесь, не бывает. «Всем нам помогло выжить высокое советское образование, мы жили стремительно, замечательно, нам выпала счастливая звезда – жить!» – пишет

он в повести. Эта счастливая звезда выпала и И. Н. Григорьеву, в судьбе которого есть немало общего с судьбой М. В. Шелехова, как выпала она и юному герою поэмы «Стезя», во многом также автобиографичной. И. Григорьев с детства прекрасно владел немецким языком, работал переводчиком в немецкой комендатуре в Плюссе, тем самым активно помогал подполью, добывая важные разведывательные сведения. Брат его, Лев Григорьев, знал немецкий и испанский языки. Они учились в обычной советской школе, не оканчивали привилегированных гимназий, никаких особых школ.

И. Григорьев горел в поэзии, сжигая себя дотла. И в поэме «Стезя» от искры этого огня выпекается горячий хлеб, «хлеб насущный», без которого нет жизни: «Нет в мире сравнения с хлебом насущным, / Хоть он незаметней всего. / И ныне, и в солнечном нашем грядущем / Да светится имя его!» – здесь тот случай, когда пафос уместен, когда он естественен и понятен, ибо это – гимн хлебу и земле, гимн труду, заложенный целыми поколениями. Война позади, земля ждёт сева и возрождения жизни:

*Мудрейшее дело, пречестное дело,
Бессмертное дело –
Страда.*

*Тебе ни границы, ни преград, ни предела,
Безмерное счастье труда.*

*Мирское горенье, крылатая радость,
Людей работающих родство*

*И тихой усталости терпкая сладость –
Простого труда естество.*

Народ дождался и воли, и хлеба: «Они воздымались, как солнца большие, / Дышали на мытых столах, – / Свои насовсем, ни чуть-чуть не чужие. / Хлеб – правда о наших делах», – хлеб – итог и значимость крестьянского труда, что покрывает мозоли на заскорузлых руках, впитывает солёный пот, снимает вековую усталость.

Русский Воин, Русский Поэт, Русский Человек Игорь Григорьев всегда шёл путём зерна, благостным путём земного и небесного семени, шёл выверенной столетиями надёжной крестьянской стезёй. **А**

Людмила ВОРОБЬЁВА (Минск)

КАКОВО ЖЕ БЫТЬ СТУДЕНТОМ?

– Быть студентом – это значит каждый день встречаться с интересными людьми, которые чем-то увлечены, самому заниматься тем, что тебе нравится. Студенческая жизнь – это время, когда ты можешь определиться с тем, чего ты хочешь добиться в жизни, и учиться этому, а также просто хорошо проводить время с друзьями, – так отвечали нам студенты Промышленно-технологического колледжа (директор – Е. А. Бабайцева) города Мичуринска.

И действительно, быть студентом этого колледжа почётно и ответственно. Открываются большие перспективы: обучение по новым образовательным программам, ведение научно-практических исследований под руководством преподавателей, участие в интересных молодёжных проектах, конкурсах, спортивных соревнованиях – всё это помогает реализовать себя и раскрыть свой потенциал.

Учитывая огромную ответственность при работе со студентами, основной уклон учебно-воспитательного процесса сделали на патриотическое и духовно-нравственное воспитание. В связи с этим 5 июня 2015 года на базе Промышленно-технологического колледжа по

инициативе жителей города Мичуринска и Мичуринского района, являющихся сотрудниками колледжа, при поддержке атамана Тамбовского отдельского казачьего общества В. П. Векленко было создано Хуторское казачье общество «Мичуринское». Одной из задач, поставленных перед казаками, было воспитание допризывной молодёжи в духе патриотизма на основе казачьих традиций. В 2017 году по инициативе казаков и студенческого актива колледжа был создан молодёжный казачий центр «Застава». Целями создания Центра являются стимулирование интереса молодёжи к историческому и культурному наследию России, воспитание патриотов страны, подготовка к службе в вооружённых силах, популяризация казачьих традиций, культуры и норм нравственности. За этот период казаки приняли участие в сотнях мероприятий разного уровня и формата. Они присоединились к социальному проекту Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, «Ширься, круг казачий», неоднократно одерживали командную победу в военно-спортивных соревнованиях «Казачья удадь» и «Лихие казачьи забавы», организовали

одну из базовых площадок Владимирских духовно-образовательных чтений Мичуринской и Моршанской епархии, создали музейную комнату казачьей культуры и быта с этнографическими экспозициями «Станичное правление», «Хата атамана», «Казачий курень», развернули широкомасштабную волонтерскую деятельность. В 2018 году, к столетию расстрела царской семьи, в колледже был установлен бюст Верховного атамана казаков цесаревича Алексея.

С целью погружения обучающихся в атмосферу казачьей культуры и в качестве поощрения за успехи в учёбе с лучшими студентами совершаются экскурсионные поездки в регионы традиционного проживания казаков – на Дон и Кубань. Путешествуя по низовьям Дона и Волги, студенты посетили город-герой Волгоград, родину М. Шолохова – станицу Вёшенскую.

На Кубани, в хуторе Трудобеликовский, студенты приняли участие в патриотической акции «Казачий рубеж» и в Благовещенском цикле творческих встреч по программе Духовно-просветительского объединения «Архангель-

ский собор», а также побывали в городе-герое Новороссийске.

По благословению владыки Мичуринской и Моршанской епархии Гермогена в рамках реализации плана работы колледжа по духовно-нравственному воспитанию молодёжи и проекта по историко-краеведческой работе «Покорение Сибири атаманом Ермаком» в 2019 году казаками ХКО «Мичуринское» и МКЦ «Застава» был совершён поход в город Тобольск Тюменской области.

Одной из основных задач Промышленно-технологического колледжа является подготовка специалистов в соответствии с потребностями региональной кадровой политики. Высокий уровень профессиональной подготовки студентов неоднократно подтверждался взятием призовых мест в конкурсах профессионального мастерства различного уровня.

Промышленно-технологический колледж ежегодно открывает свои двери для целеустремлённой молодёжи с активной жизненной позицией, умеющей ставить цели и достигать их. **А**

ШОЛОХОВСКИЙ ЮБИЛЕЙ

К 115-летию со дня рождения М. А. Шолохова, 24 мая 2020 года, после возложения цветов к могиле М. А. Шолохова и М. П. Шолоховой, по инициативе Союза писателей России состоялась торжественная посадка молодых яблонь сорта Шолоховское в Саду памяти писателя и на территории Детского музейного центра Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова.

В посадке приняли участие внук писателя депутат Государственной Думы, первый заместитель председателя комитета по культуре Госдумы А. М. Шолохов; секретарь Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор А. С. Труба; заведующий отделом инновационной деятельности Промышленно-технологического колледжа г. Мичуринска А. О. Бабайцев; директор Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова О. А. Анистратенко.

Сорт яблони выведен авторским коллективом ФНЦ им. И. В. Мичурина по просьбе правления Союза писателей России под руководством академика Российской академии наук Н. И. Савельева. Никогда ранее мичуринским сортам плодовых культур не присваивали имена писателей. Такое событие произошло впервые. Этот зимний, колонновидный, иммунный к парше генотип характеризуется относительно высокой устойчивостью к низким температурам. Плоды зимнего срока потребления, массой 170–190 г, округлой формы, привлекательного внешнего вида.

Следует отметить, что сорт выведен в честь писателя М. А. Шолохова не случайно. Михаил Александрович неоднократно описывал яблоню в своих произведениях. Только в романе «Тихий Дон» он упоминает это дерево семь раз, это

наибольшее число упоминаний в сравнении с другими плодовыми культурами. «Повитая туманом даль, затопленные талой водою яблони в саду, мокрая огорожа и дорога за ней с глубоко промытыми прошлогодними колеями – всё казалось ей невиданно красивым...»

Не случайным стало и место посадки деревьев – Сад памяти и Детский музейный центр. М. А. Шолохов поддерживал молодые таланты и помогал советами. «Я люблю молодёжь... И смотрю на неё с надеждой, как на яблоню в цвету...» – говорил Михаил Александрович. И сейчас слово Шолохова живо, оно трепетно отзывается в сердцах молодёжи, проникая в самую душу.

А. С. Труба вручил директору Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова О. А. Анистратенко сертификат, подтверждающий регистрацию нового сорта яблони – Шолоховское.

Следующим пунктом торжественного мероприятия стала станица Каргинская, Сад писателей России им. М. А. Шолохова, где были высажены 12 яблонь, подаренных писателям главой города Мичуринска М. А. Харниковым. Заложенный три года назад сад превратился в настоящее украшение донской земли.

Завершающим этапом стало подведение итогов Всероссийского конкурса литературно-ландшафтных композиций по произведениям русской классической литературы, в котором приняли участие представители учебных учреждений и общественных экологических организаций из разных регионов России. В декорациях и композициях, выполненных в стиле лэнд-арт, т. е. неразрывно связанных с природным ландшафтом, юные экологи представили известных писателей и их произведения.

Организаторы конкурса – Союз писателей России, Государственный музей-заповедник М. А. Шолохова, Неправительственный экологический фонд имени В. И. Вернадского.

Цель конкурса – привлечение детей и молодёжи к творческому освоению художественных богатств литературной классики, развитие воображения и творческой активности, патриотическое воспитание и укрепление дружественных отношений в среде детей и молодёжи России. Особенностью конкурса в этом году является то, что он проводился онлайн, в режиме самоизоляции.

Лучшими были признаны работы студентов Богучарского многопрофильного колледжа, студентов Промышленно-технологического колледжа г. Мичуринска, учащихся Кумылженской средней школы № 1 им. А. Д. Знаменского.

В номинации «Креативность и художественное мастерство» победила работа студентов Промышленно-технологического колледжа г. Мичуринска. Их «Мучкапская скамья Пастернака» поражает мастерством создателей. Скульптурная инсталляция явилась результатом нескольких месяцев творческой работы сотрудников и студентов колледжа. Центр инсталляции – станционная скамья возле столба с рындой и часами. На скамье, на которой словно ещё несколько минут назад в размышлениях пребывал поэт, остались лежать сборник стихов «Сестра моя – жизнь», букет «крошёной ромашки в росе» и те самые чёрные вишни, которые «глядят из мисок».

Победители конкурса были награждены дипломами, благодарственными письмами, памятными подарками от Союза писателей России и рекомендованы для получения путевок во всероссийские детские центры.

Благодарственными письмами Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова за большой вклад в популяризацию творческого наследия выдающегося русского писателя, лауреата Нобелевской премии М. А. Шолохова были награждены А. С. Труба, директор Промышленно-технологического колледжа Е. А. Бабайцева и атаман хуторского общества «Мичуринское» А. О. Бабайцев.

Александр СЕРГЕЕВ

«АЛЕКСАНДРЪ»

 alexlib.ru